

ТОМ 3, №3, 2025

eISSN 2949-1843

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические
правовые науки

Публично-правовые
(государственно-
правовые) науки

Частно-правовые
(цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые
науки

www.lawandorder-donstu.ru

DOI 10.23947/2949-1843

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Том 3, № 3, 2025

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки
- 5.1.5 – Международно-правовые науки

Индексация и архивация: РИНЦ, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road

Наименование органа, зарегистрировавшего издание Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Периодичность 4 выпуска в год

Адрес учредителя и издателя 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail pravonauka2022@donstu.ru

Телефон +7 (863) 2–738–372

Сайт <https://lawandorder-donstu.ru>

Дата выхода в свет 30.09.2025

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 3, no. 3, 2025

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Confering the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

- Theoretical and Historical Legal Sciences
- Public Law (State Legal) Sciences
- Private Law (Civil Law) Sciences
- Criminal Law Sciences
- International Legal Sciences

*Indexing
and Archiving*

RISC, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road

*Name of the Body
that Registered
the Publication*

Extract from the Register of Registered Mass Media № 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Periodicity

4 issues per year

*Address of the Founder
and Publisher*

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

E-mail

pravonauka2022@donstu.ru

Telephone

+7 (863) 2-738-372

Website

<https://lawandorder-donstu.ru>

Date of Publication 30.09.2025

Редакционная коллегия

Главный редактор, Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора, Працко Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Выпускающий редактор, Филимонова Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Алексеева Анна Павловна, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Калининград, Российская Федерация)

Алексеева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет (Курск, Российская Федерация)

Берлявский Леонид Гарриевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова (Нальчик, Российская Федерация)

Биккинин Ирек Анасович, заслуженный юрист Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Бойко Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бондарь Николай Семенович, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Быстрова Юлия Викторовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Российская Федерация)

Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Волова Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

Дашин Алексей Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Зиядова Дурея Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Иванова Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Российская Федерация)

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Клименко Таужан Микаиловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс», Северо-Кавказская государственная академия (Черкесск, Российская Федерация)

Комова Наталья Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Корецкий Данил Аркадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Небратенко Геннадий Геннадиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Подвойкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета, Ростовский филиал Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рассказов Леонид Павлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Рыбак Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рыженков Анатолий Яковлевич, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация)

Савченко Марина Станиславовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Сагириян Инга Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сайдумов Джамбулат Хамидович, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право и процесс», Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (Грозный, Российская Федерация)

Сапожникова Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

Смоленский Михаил Борисович, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Студеникина Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Процессуальное право», Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сынкова Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Донецкий национальный университет (Донецк, Российская Федерация)

Халифаева Анжела Курбановна, заслуженный юрист Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Цечоев Валерий Кулиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Еркинбаева Лаззат Калымбековна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры таможенного, финансового и экологического права Юридического факультета, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Ражабов Нариман Шарифбаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Токтобаев Болот Токтомышевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)

Узакова Гузал Шариповна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Цзи Хуа, PhD (международное право), доцент кафедры международного права, Китайский университет иностранных дел, Пекинский университет (Китай)

Лазарь Йовевски, PhD, действительный профессор юридического факультета, Юстинианус Примус Скопье (Северная Македония)

Мухаммет Джелал Кул, PhD (публичное право), доцент, Университет Болу Абант Иззет Байсал (Турция)

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Deputy Chief Editor, Gennady S. Pratsko, Dr.Sci. (Philosophy), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Executive Editor, Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anna P. Alekseeva, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law Department, Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Kaliningrad, Russian Federation)

Marina V. Alekseeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Valerii P. Belyaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Leonid G. Berlyavsky, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Bela B. Bidova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation)

Irek A. Bikkini, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Aleksander I. Boyko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law and Criminology Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nikolai S. Bondar, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Municipal Law and Environmental Legislation Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Yulia V. Bystrova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russian Federation)

Galina B. Vlasova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Larisa I. Volova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Marina L. Davydova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

Aleksey V. Dashin, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Private and Entrepreneurial Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana V. Deryugina, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Labour Law, Civil Procedure Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot' (Moscow, Russian Federation)

Dureya Z. Ziyadova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Orenburg, Russian Federation)

Magomedsagid A. Ismailov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Tauzhan M. Klimenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, North Caucasian State Academy (Cherkessk, Russian Federation)

Natalya B. Komova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Danil A. Koretsky, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana I. Kuzina, Dr.Sci. (Political Science), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Boris Z. Malikov, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Gennady G. Nebratenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Inna A. Podroikina, Dr.Sci. (Law), Professor, Dean of the Law Faculty, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Leonid P. Rasskazov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Kalmykia, Professor of the Civil Law and Procedure, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation)

Marina S. Savchenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the State and International Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Inga G. Sagiryan, Cand.Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dzhambulat K. Saidumov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Chechen Republic, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Chechen State University named after A. A. Kadyrov (Grozny, Russian Federation)

Ekaterina Yu. Sapozhnikova, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nina Yu. Skripchenko, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

Mikhail B. Smolensky, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana V. Studenikina, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Elena M. Synkova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Administrative and Financial Law Department, Donetsk National University (Donetsk, Russian Federation)

Anzhela K. Khalifaeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Valery K. Tsechoev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Tatyana V. Shatkovskaya, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, South-Russian Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPA) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lazzat K. Yerkinbayeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Customs, Financial and Environmental Law Department, Faculty of Law, Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nariman Sh. Razhabov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Bolot T. Toktobaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Guzal Sh. Uzakova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Ji Hua, PhD in International Law, Associate Professor of the International Law Department, China Foreign Affairs University, Peking University (China)

Lazar Jovevski, PhD, Full Professor, Law Faculty, Justinianus Primus Skopje (Northern Macedonia)

Muhammet Celal Kul, PhD in Public Law, Associate Professor, Bolu Abant Izzet Baysal University (Turkey)

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Берлявский Л.Г., Бондарев В.А.</i> Этатизм как принцип советского аграрного законодательства	9
<i>Шумилина А.Б., Анциферова Н.А.</i> Продвижение концепции предпринимательского университета в качестве стратегии укрепления отечественных правовых ценностей	21
<i>Иванова С.В., Рыбак С.В.</i> Исторические этапы формирования и развития российской нормативно-правовой базы в сфере использования и охраны животного мира	29

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Исакова Ю.И., Витвицкая С.С.</i> Правовое регулирование и охрана оборота продукции, содержащей генно-модифицированные организмы, в Российской Федерации	40
<i>Вербицкая Т.В., Вербицкая Н.О., Конов А.А.</i> Туристический налог в России: перспективы совершенствования механизма налогообложения для сохранения объемов турпотоков	48

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Анисимов А.П.</i> Цифровизация гражданского права в России и странах Европейского союза: вопросы теории и практики	54
<i>Чичкин А.В., Фролов Б.Д.</i> Гражданско-правовая ответственность за нарушение порядка проведения торгов по земельным участкам в Российской Федерации	66

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Berlyavsky LG, Bondarev VA.</i> Etatism as a Principle of Soviet Agrarian Legislation	9
<i>Shumilina AB, Antsiferova NA.</i> Promotion of the Entrepreneurial University Concept as a Strategy for Strengthening National Legal Values	21
<i>Ivanova SV, Rybak SV.</i> Historical Stages in the Formation and Evolution of the Russian Regulatory Framework on the Use and Protection of Fauna	29

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Isakova YU, Vitvitskaya SS.</i> Legal Regulation and Protection of the Turnover of Genetically-Modified-Organism-Containing Products in the Russian Federation	40
<i>Verbitskaia TV, Verbitkaia NO, Konov AA.</i> Tourist Tax in Russia: Prospects for Improving the Taxation Mechanism to Maintain the Volume of Tourist Flows	48

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Anisimov AP.</i> Digitalization of the Civil Law in Russia and in the Countries of the European Union: Theoretical and Practical Issues	54
<i>Chichkin AV, Frolov BD.</i> Civil Liability for Violation of the Land Auction Procedure in the Russian Federation	66

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.15

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-9-20>

Этатизм как принцип советского аграрного законодательства

Л.Г. Берлявский^{1, 2} , В.А. Бондарев¹

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

berlg@yandex.ru

EDN: GGFXDG

Аннотация

Введение. Утверждение этатизма как принципа аграрного законодательства происходило в России на протяжении всего советского периода, и определила его ведущие тенденции сплошная коллективизация сельского хозяйства, осуществленная в 1930-х гг. Колхозное право, окончательно оформленное в рамках коллективизации как отдельная отрасль советского законодательства, отличалось наличием любопытной коллизии: декларировавшиеся в нем нормы о кооперативном статусе колхозов, созданных на средства самих крестьян, с общественной собственностью на средства производства и самоуправлением, фактически выполняли роль идеологического парадного фасада, тогда как в действительности важными для законодателя являлись этатистские положения, закрепляющие верховенство государственного над общественным. Такой подход привел к утрате аграриями хозяйственной инициативы и, в конечном итоге, деградации советской деревни. В современной литературе указанная особенность колхозного права практически не освещается, при этом осмысление исторического опыта необходимо для эффективного регулирования аграрного производства в Российской Федерации. Цель настоящего исследования заключается в анализе этатизма как принципа советского аграрного законодательства, его проявлений в базовых нормативно-правовых документах 1930-х гг. и воздействия на колхозную систему СССР.

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили разнообразные нормативные правовые акты, принимавшиеся в СССР в 1930-х гг., а также исторические материалы, в частности, архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Методология исследования представлена общеначальными и специальными юридическими методами, в числе которых сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический), метод контент-анализа.

Результаты исследования. Доказано, что в Советском Союзе изначально сложились благоприятные условия для укоренения этатизма, который лег в основу колхозного законодательства: колхозы, создававшиеся в рамках сплошной коллективизации, формально рассматривались партийно-государственным руководством как кооперативные, но фактически – как полностью подконтрольные государству, лишенные автономности. Задача советской юстиции заключалась в том, чтобы данный статус колхозов был закреплен законом. На протяжении 1930-х гг. в СССР сложился обширный комплекс нормативных правовых актов, регулировавших устройство и функционирование коллективных хозяйств. Помимо основополагающих документов (таких как Примерные уставы сельхозартели 1930 г. и 1935 г.), комплекс этот включал множество других юридических актов, которые принимались органами власти в разное время и по разным поводам, но все они имели целью подчинить колхозы государству и поставить во главу угла государственные интересы. Причем с течением времени стремление государства упрочить свой контроль не ослабевало, но усиливалось. В результате такой политики колхозы практически не имели кооперативной самостоятельности, превратившись в огосударствленные сельскохозяйственные предприятия.

Обсуждение и заключение. Юридическая теория и законодательная практика в СССР в 1930-х гг. строились в русле этатистского подхода, однако поскольку законодатель был вынужден учитывать идеологические постулаты о колективизации как построении социализма в деревне, на первый план выдвигались декларативные положения о колхозной демократии. Такие декларации являлись своего рода юридическим фасадом, призванным подтвердить наличие социалистических отношений в Советской России, однако по сути в стране господствовал государственный капитализм, так как ведущей тенденцией законодательства являлось узаконение вмешательства властей в сферу деятельности коллективных хозяйств и полное подчинение колхозной системы государству.

Ключевые слова: этатизм, СССР, советский период, аграрное законодательство, колхозное право, колективизация, колхозы, сельское хозяйство

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Этатизм как принцип советского аграрного законодательства. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(3):9–20. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-9-20>

Original Empirical Research

Etatism as a Principle of Soviet Agrarian Legislation

Leonid G. Berlyavskiy^{1, 2} , Vitaliy A. Bondarev¹

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

 berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. Etatism as a principle of agrarian legislation had been establishing in Russia throughout the Soviet period, and its leading trends had been formed under the influence of total collectivization of agriculture that took place in the 1930s. Eventually, in the frame of collectivization, collective farm law was formed into a separate branch of Soviet legislation and was attributed with a quite interesting collision: the norms declaring the cooperative status of collective farms, as the farms created with the peasants' own funds and based on the public ownership of the means of production and self-government, served an ideological facade. Whereas in reality, the primary concern of the legislators was adhering to provisions of etatism, which enshrined the supremacy of the state interests over the social ones. This approach had led to the loss of economic initiative by the farmers and, eventually, to the decay of the Soviet village. In the up-to-date literature this particular aspect of the collective farm law has hardly been studied, whereas the reflective understanding of historical experience is essential for the efficient regulation of agricultural production in the Russian Federation. The aim of this study is to analyse etatism as a principle of Soviet agrarian legislation, its manifestation in the fundamental regulatory documents of the 1930s and its impact on the collective farm system of the USSR.

Materials and Methods. The source material for this study consisted of various regulatory legal acts adopted in the USSR in the 1930s, as well as historical materials, including the archival documents from the Russian State Archive of Social and Political History (РГАСПИ/RGASPI), the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO), and the State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). The research methodology implied using the general scientific and specific juridical methods, including the comparative historical, historical-legal, dogmatic-legal (legalistic), and content analysis methods.

Results. It has been proved that initially in the Soviet Union the favorable conditions for strengthening etatism were created, which formed the basis for the collective farm legislation. Collective farms created in the frame of total collectivization were formally considered by the party and state leadership as cooperative farms, whereas in reality, they were completely controlled by the state and deprived of autonomy. The objective set forth the Soviet legal system was to enshrine this status of collective farms in the law. During 1930s, a wide range of normative legal acts regulating the structure and functioning of the collective farms were developed in the USSR. In addition to the fundamental documents (such as the Model Charters of Agricultural Cooperatives of 1930 and 1935), this range included numerous other legal acts adopted by the government bodies at various times and for various reasons. All of them aimed to subordinate the collective farms to the state and prioritize state interests. Moreover, over time, the desire of the state to consolidate its control did not weaken, but intensified. As a result of this policy, the collective farms had practically no cooperative independence, and turned into the state-owned agricultural enterprises.

Discussion and Conclusion. In the 1930s, the juristic theory and legislative practices in the USSR were based on the principles of etatism. However, the legislators had to respect the ideological postulates of collectivization in building

socialism in the village, therefore the declaratory provisions about collective farm democracy were foregrounded. Such declarations served a kind of legal facade, intended to confirm the existence of socialist relationships in Soviet Russia. However, essentially the regime of state capitalism dominated in the country, because the leading legislative trends were legitimization of government intervention in the activities of collective farms and total subordination of the collective farm system to the state.

Keywords: etatism, USSR, Soviet period, agrarian legislation, collective farm law, collectivization, collective farms, agriculture

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to significant enhancement of the article quality.

For Citation. Berlyavsky LG, Bondarev VA. Etatism as a Principle of Soviet Agrarian Legislation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):9–20. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-9-20>

Введение. Утверждение этатизма как принципа аграрного законодательства происходило в СССР на протяжении всего советского периода. Сплошная коллективизация сельского хозяйства, развернувшаяся в стране на рубеже 1920–1930-х гг., представляла собой триумф аграрной программы, декларированной большевиками уже в первые дни и месяцы после их прихода к власти – в знаменитом «Декрете о земле» 26 октября 1917 г. и менее известном, но гораздо более содержательном Декрете ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. Не сумев в годы Гражданской войны и в период нэпа достичь заявленной цели, – всемерного развития «коллективного хозяйства в земледелии... за счет хозяйств единоличных»¹, – советское партийно-государственное руководство пришло к желаемому результату в 1930-х гг. Сплошная коллективизация кардинально изменила устройство советской деревни, ликвидировав былое многообразие индивидуальных крестьянских хозяйств и превратив крупные коллективные хозяйства (колхозы) в решительно доминирующую форму организации аграрного производства. В 1938 г. в Советском Союзе насчитывалось 242,4 тыс. колхозов, в которых объединялось 18,8 млн крестьянских дворов (93,5 % от их общего количества) и 99,3 % всех посевных площадей [1].

В свете постулатов советской идеологии коллективизация выступала не просто средством создания высокоорганизованного товарного аграрного производства, но инструментом построения социализма в деревне. Соответственно, коллективные хозяйства трактовались их создателями, в том числе И.В. Сталиным, как «наиболее яркий вид производственной кооперации» [2, с. 90], как организационная форма социалистического сельского хозяйства, избавленного от эксплуатации человека человеком, частной собственности на средства производства, купли-продажи и аренды земли. Окончательно сформировавшееся в 1930-х гг. колхозное право, ставшее важной отраслью советской правовой системы, также представляло коллективные хозяйства в виде производственных кооперативов. Колхозы, в отличие от государственных сельхозпредприятий (совхозов), создавались на средства самих крестьян², орудия труда в них не являлись государственной собственностью, но обобществлялись, а задачи управления выполнялись самими колхозниками.

Формально-юридический подход был весьма удобен советским ученым в дискуссиях с зарубежными исследователями, которые правомерно указывали на то, что в СССР юридическая теория самым существенным образом расходится с социально-экономической практикой и что колхозы, по существу, полностью подчинены государству. Так, в 1950-х гг. французский исследователь М. Оже-Лярибе указывал, что колхоз есть не «кооперативное предприятие, основанное на свободном присоединении к нему его членов», а государственное, где колхозники выступают в роли сельскохозяйственных рабочих [3, с. 242]. В ответ советские авторы апеллировали к колхозному праву и утверждали, что «колхоз не является государственным предприятием» [3, с. 242]. Разумеется, с формально-юридической точки зрения они были правы.

В постсоветский период, когда отечественные ученые уже не были скованы политико-идеологическими ограничениями и могли всесторонне анализировать огромный массив сведений об устройстве и функционировании колхозной системы, они убедительно доказали, что на всем протяжении советской эпохи колхозы представляли собой огосударствленные предприятия, полностью подконтрольные органам власти и беспрекословно выполнявшие их распоряжения. Факты свидетельствуют о том, что содержание нормативно-правовых актов слабо коррелировало с реальностью коллективизированной деревни. Коллективные хозяйства лишь формально выглядели как самоуправляющиеся кооперативы, фактически они изначально были встроены в командно-административную систему и в плане зависимости от государства не отличались от совхозов.

¹ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. I. 1917–1936. Москва: Госюризат; 1959. С. 19.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989–1953. Изд. 7. В 2-х ч. Ч. II. 1925–1953. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 596.

В то же время тщательный объективный анализ советского законодательства позволяет выявить любопытную правовую коллизию, характерную для всей отрасли колхозного права. Суть данной коллизии заключается в изначально присущем колхозному праву этатизме – в четко выраженном стремлении законодателя юридически закрепить верховенство государственного над общественным. Таким образом, разрыв между нормами кооперативного по своей сути колхозного права и практикой их реализации, на существование которого в 1930-х гг. (да и на протяжении последующих советских десятилетий) указывают исследователи, был не так уж и значителен. В действительности уже в самом колхозном праве был заложен примат государственного начала, что особенно заметно при анализе массы подзаконных актов и ведомственных документов того исторического периода.

В современной научной литературе указанная особенность колхозного права практически не освещается. Собственно говоря, в наши дни само колхозное право уже не является предметом научного анализа. Видный российский правовед О.И. Чистяков вообще полагал возможным говорить о тенденции «к отказу от серьезных исследований» аграрного законодательства советского периода [4, с. 64]. Причины этого очевидны и связаны с исчезновением самих колхозов после распада СССР и, в более широком плане, колхозной деревни как социально-экономического и социокультурного явления. Однако несмотря на то, что колхозы уже не являются элементом окружающей нас действительности, отмеченная проблематика – этатизм аграрного законодательства – имеет не только научно-теоретическую, но и практическую актуальность. Осмысление советских наработок в области формирования юридической базы управления сельским хозяйством необходимо как одно из обязательных условий эффективного регулирования аграрного производства в Российской Федерации. В частности, крайне важно учитывать негативный опыт существовавшей в СССР мощной административно-командной системы на селе, которая использовала законодательство как инструмент установления максимально активного контроля над сельхозпроизводителями. Такой подход, как известно, привел к утрате аграриев хозяйственной инициативы, снижению их трудовой дисциплины и мотивации, перманентным потерям урожая, низкому качеству сельхозпродукции, деградации советской деревни.

Цель представленной публикации – проанализировать этатизм как принцип советского аграрного законодательства, сосредоточив усилия на проявлениях данного принципа в базовых нормативно-правовых документах и его воздействии на устройство и функционирование колхозной системы. Наше внимание сконцентрировано преимущественно на 1930-х гг., поскольку именно в это время был заложен фундамент колхозного права, принципиально не менявшийся вплоть до крушения СССР.

Материалы и методы. Центральными элементами эмпирической базы исследования выступили разнообразные нормативные правовые акты, принимавшиеся в СССР правительственные органами и партийными структурами: Земельный кодекс РСФСР 1922 г., партийно-государственные акты о коллективизации, Примерный устав сельскохозяйственной артели (в двух его редакциях – первой, от 1 марта 1930 г., и существенно доработанной, от 17 февраля 1935 г.). Источниковую базу нашей работы также составили исторические документы, в частности, материалы архивохранилищ южно-российских регионов – Дона, Кубани и Ставрополья, поскольку такие принадлежали к числу краев и областей России с развитым сельским хозяйством и значительной долей сельского населения, где коллективизация проводилась в первую очередь и где к концу 1930-х гг. действовали тысячи колхозов. В начале 1930-х гг. перечисленные регионы объединялись в административных границах огромного Северо-Кавказского края, с 1934 г. – в границах Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, а с 1937 г. оформились как Ростовская область (Дон), Краснодарский (Кубань) и Орджоникидзевский (Ставрополье) края. Нами были проанализированы документы из таких архивных хранилищ, как Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Учитывая особенности административно-территориального деления южно-российских регионов в 1930-х гг., в архивах отложились документы не только донских, но также кубанских и ставропольских колхозов, а также органов управления сельским хозяйством. Изучение всех указанных материалов позволяет выявить расхождения между юридической теорией и действительностью колхозной деревни, а также степень и характер воздействия на правовую реальность этатистских представлений большевистских законодателей.

Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический). Метод контент-анализа, примененный в ходе работы с архивными документами, дал основания говорить о том, что репрессивные меры широко использовались представителями власти во время подготовки и проведения коллективизации. Проанализированы концептуальные утверждения юристов и историков, что в синтезе с собственным эмпирическим

опытом позволило сформулировать ряд новых положений. Обращаясь к методологическим возможностям современной юриспруденции, вслед за современными авторами, юридическое значение Октябрьской революции и последовавших за ней событий проанализировано с позиций конструктивизма и антропоцентризма [5].

Результаты исследования. Принцип этатизма, исходящий из примата государственного над общественным, подразумевает активное участие государства в жизни общества при отсутствии равноправных отношений между ними. Исходя из данного принципа, отношения между государством и обществом выглядят как субъект-объектные, когда государственная власть выступает в роли демиурга, по собственному усмотрению воздействующего на социум и направляющего его развитие.

В Советском Союзе изначально сложились благоприятные условия для укоренения этатизма как в политической и юридической теории, так и во властной практике. Хотя большевики исповедовали марксистские идеи о государстве как институте классового господства, который должен исчезнуть при переходе к бесклассовому обществу, государственный аппарат после 1917 г. не только не исчез, но укрепился, будучи использованным правящей партией как мощный инструмент завоевания и удержания власти. Теоретически сохранение государства после свершения социалистической революции обосновал В.И. Ленин, утверждавший в известной работе, что государство еще необходимо пролетариату для подавления враждебных классов, а исчезнет оно не скоро, «только в коммунистическом обществе, когда... капиталисты исчезли, когда нет [антагонистических] классов» [6, с. 82–83]. Идеи о сохранении государства как орудия укрепления диктатуры пролетариата естественным образом консервировали этатистские представления в сознании большевистской элиты.

После провозглашения И.В. Сталиным в середине 1920-х гг. концепции «построения социализма в одной отдельно взятой стране» этатизм все отчетливее проявляется в теоретических конструкциях большевизма. Разумеется, стремясь прокопьезнуть между Сциллой марксистской теории («государство – аппарат угнетения» низших общественных групп высшими) и Харибдой объективных потребностей (без мощного государственного механизма СССР был нежизнеспособен), партийно-государственные идеологи декларировали «общенародный» характер советского социалистического государства. Тем самым подчеркивалось принципиальное отличие советского государства как выражавшего интересы всего общества от политических систем капиталистических стран, где государственный аппарат оставался, согласно учению К. Маркса, аппаратом господства буржуазии над пролетариатом. В законодательстве и правоведении рассматриваемого исторического периода понятия «общенародное» и «государственное» являлись, по существу, синонимами. Характерным примером выступает «сталинская» Конституция 1936 г., в которой указывалось, что «государственная собственность» в Советском Союзе есть «всеноародное», «общенародное» достояние³. Однако подобная терминология, призванная замаскировать всецелое формирование в СССР государства во главе с единственной, обладавшей монополией на власть партией, имела весьма отдаленное отношение к действительности.

Этатизм лег в основу и колхозного законодательства, возникшего вместе с колхозной системой в результате сплошной коллективизации. Задача проведения масштабной коллективизации сельского хозяйства была, как известно, сформулирована на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б), вошедшем в историю как «съезд коллективизации». В принятой на съезде резолюции констатировалась необходимость постепенного перехода «распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» и всемерной поддержки органами власти ростков «обобществленного сельскохозяйственного труда»⁴.

Однако в решениях съезда вовлечение крестьян в колхозы трактовалось как постепенный процесс, опиравшийся на принцип добровольности. При таком подходе вновь формировавшиеся колхозные хозяйства должны были обладать определенной автономией от государственной власти, как это и наблюдалось на протяжении периода нэпа. О сплошной форсированной коллективизации, которая изначально предполагала широчайшее применение государственного принуждения и насилия в отношении крестьян, в постановлениях XV съезда ничего не говорилось. Коллективизация развернулась только на рубеже 1920–1930-х гг., будучи провозглашенной в статье И.В. Сталина «Год великого перелома», опубликованной в газете «Правда». Именно с этого времени государство стало прикладывать максимум усилий для вовлечения в повсеместно создававшиеся колхозы широчайших масс крестьянства. С этого же времени, одновременно с массовым и повсеместным колхозным строительством, началось и формирование колхозного права как отрасли советского права, одним из основополагающих принципов которого стал этатизм.

³ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936;(283).

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989–1953. Изд. 7. В 2-х ч. Ч. II. 1925–1953. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 317.

Суть данного принципа исчерпывающе выражена в переписке высокопоставленных большевистских функционеров М.М. Хатаевича и В.М. Молотова в ноябре 1932 г.: первый отмечал, что «колхозы [созданы] для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов» [7, с. 556], а второй требовал от колхозов удовлетворения государственных нужд в «первоочередном порядке» [7, с. 556]. Колхозы, создававшиеся в рамках сплошной коллективизации, в том числе и принудительно, рассматривались партийно-государственным руководством как полностью подконтрольные государству, лишенные всякой самостоятельности сельскохозяйственные предприятия. Задача советской юстиции заключалась в том, чтобы законодательно закрепить за ними этот статус.

Первым камнем, заложенным в законодательный фундамент колхозной системы, очевидно, следует считать постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. В данном акте достаточно четко вырисовывались особенности складывавшегося в условиях сплошной коллективизации колхозного права, в котором идеологически выверенные декларации служили маскировочной завесой для положений и норм, защищающих интересы государства. В постановлении коллективизация подавалась как сознательный выбор все возраставшего количества крестьян («стихийно растущее снизу колхозное движение») [8, с. 86], хотя в действительности наблюдавшийся в конце 1920-х гг. численный рост колхозов являлся результатом целенаправленных государственных материально-финансовых и агитационных мероприятий. При этом ЦК ВКП(б) рассматривал массовое колхозное строительство как важнейшую государственную задачу и планировал целый ряд новых мер стимулирования коллективизации, требовавших привлечения крупных ресурсов (усиление работы по постройке заводов, производящих сельхозтехнику и инвентарь, резкое увеличение кредитования колхозного сектора и т. п.) [8].

Симптоматичным в плане усиления этатистского подхода в формировании колхозного права служит зафиксированное в рассматриваемом постановлении ЦК ВКП(б) намерение властей повлиять на выбор организационно-правовых форм коллективных хозяйств. В постановлении утверждалось, что к январю 1930 г., якобы в качестве наиболее распространенной формы колхозов, на первое место выдвинулась сельскохозяйственная артель, оттеснив бывшее до этого наиболее популярным у крестьян товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) [8]. В данном случае налицо очередная попытка представить результат деятельности представителей власти как плод крестьянской самодеятельности. Надо сказать, что в период нэпа выделялись три организационно-правовые формы коллективных хозяйств на селе, – коммуны, ТОЗы и сельхозартели, – отличавшиеся разной степенью обобществления средств производства. Наименьший процент обобществления был присущ ТОЗам, где средства производства оставались в собственности крестьян. Напротив, в коммунах обобществление средств производства являлось максимальным, и коллективные начала активно внедрялись даже в быт в виде общежитий, общих столовых, детских яслей. Сельхозартели представляли собой нечто среднее между первыми двумя формами коллективных хозяйств: здесь обобществлялись основные средства производства (земля, механизмы, живое тягло, крупный рогатый скот), но в личной собственности колхозников оставалось небольшое подсобное хозяйство. Крестьяне традиционно чуждались коммун и отдавали предпочтение ТОЗам, поскольку в этих объединениях их хозяйственная самостоятельность оставалась максимальной. По статистике, в 1929 г. в СССР насчитывалось 60,2 % ТОЗов, 33,6 % артелей и всего 6,2 % коммун [9].

Исходя из предпочтений земледельцев, советские чиновники при разработке программы сплошной коллективизации первоначально планировали в массовом порядке создавать именно ТОЗы. В частности, в конце 1920-х гг. планировщики Северо-Кавказского края намечали в 1932–1933 гг. создать до 13,6 тыс. ТОЗов и лишь около 1,3 тыс. артелей и 565 коммун [10]. Однако ТОЗы не позволяли установить плотный контроль над аграриевыми со стороны государства, поэтому в условиях развертывания коллективизации лидеры ВКП(б) объявили ТОЗы «пройденной ступенью колхозного движения» [11, с. 197]. При этом коммуны, вызывавшие резкую неприязнь земледельцев, были охарактеризованы как высшая ступень колхозного движения, до которой еще далеко. Правительство сделало ставку не на ту организационно-правовую форму колхозов, которая привлекала крестьян, а на сельхозартели, ибо они в сложившейся ситуации являлись наиболее выгодными государству. Сельхозартели стали неким компромиссом между властью и крестьянством, поскольку, как уже отмечалось, в них обобществлялись основные средства производства (это позволяло партийно-советскому аппарату контролировать ситуацию в аграрной сфере), а рядовые колхозники удовлетворились тем, что им была оставлена определенная самостоятельность в узких рамках подсобных хозяйств. Численность сельхозартелей быстро росла и уже к июлю 1934 г. составила свыше 90 % от 233,3 тыс. существовавших к тому времени колхозов [12]. Доминирование сельхозартелей в массе колхозов стало закономерным результатом целенаправленной государственной политики.

Изменения в соотношении организационно-правовых форм колхозов, произошедшие во время коллективизации по инициативе и при непосредственном участии властей, были незамедлительно узаконены. В том же январе

ском постановлении о мерах помощи государства колхозному строительству ЦК ВКП(б) поставил перед Народным комиссариатом земледелия СССР задачу «в кратчайший срок выработать примерный Устав с/х колхозной артели, как переходной к коммуне формы колхоза» [8, с. 86]. Поручение было выполнено: уже 1 марта 1930 г. окончательный текст Примерного устава сельхозартели, одобренный Наркомземом СССР, утвердили Совет народных комиссаров СССР и Президиум ЦИК СССР. Через пять лет, на состоявшемся в феврале 1935 г. втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников, был принят новый, доработанный и дополненный Примерный устав сельхозартели. Он был утвержден ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР 17 февраля 1935 г.

Структурно Примерные уставы в обеих редакциях были практически идентичны. Вариант 1930 г. содержал 10 глав («Цели и задачи», «О земле», «О средствах производства», «Деятельность артели», «О членстве», «Средства артели», «Организация и оплата труда», «Меры воздействия (на нерадивых колхозников. – *Авт.*)», «Управление делами артели», «Взаимоотношения [артели] с колхозной системой»). Вариант 1935 г. предусматривал 8 глав: «Цели и задачи», «О земле», «О средствах производства», «Деятельность артели и ее правления», «О членстве», «Средства артели», «Организация, оплата и дисциплина труда», «Управление делами артели» [13, с. 408–410]. В обоих вариантах имелись соответствующие разделы, где артель трактовалась как кооперативное объединение, которому были присущи: добровольность вступления крестьян в артель; необходимость уплаты паевых взносов при вступлении; обобществление средств производства; самоуправление⁵. Оба варианта представляли артель как негосударственное сельхозпредприятие, управляемое самими аграриями: распорядительным органом самоуправления в артели являлось общее собрание колхозников, исполнительным – избираемое колхозниками правление во главе с председателем.

В то же время отмеченные нормативные акты весьма показательны с точки зрения эстетического подхода к разработке аграрного законодательства. Результаты их сравнительного анализа убедительно свидетельствуют, что с течением времени стремление советского государства упрочить свой контроль над колхозной системой (в том числе, на законодательном уровне) ничуть не ослабевало, но, напротив, усиливалось. В Примерном уставе 1930 г. роль государства в управлении артелью и ее функционировании была выписана довольно фрагментарно. По сути, о том, что артель не обладала хозяйственной самостоятельностью и подчинялась указаниям государственных органов, четко говорилось лишь в последней главе документа. Там констатировалось, что артель является членом конкретного колхозного объединения, каковыми в отмеченный период времени являлись колхозные союзы (союзы сельскохозяйственных коллективов) – районные, окружные, краевые. Будучи встроена в колхозную систему, указывалось в Уставе, артель «ведет свою работу под... непосредственным руководством» колхозного объединения и заключает с ним договор о контрактации, где устанавливаются обязательства артели по организации производства и «плановой сдаче всей товарной продукции государству и кооперации»⁶. Важно подчеркнуть, что колхозсоюзы представляли собой не органы самоуправления коллективных хозяйств, как можно понять из их наименования, но бюрократические структуры, отвечающие за реализацию государственной политики в аграрной сфере. Тем самым Примерный устав сельхозартели 1930 г., несмотря на присущую ему лаконичность констатации государственного контроля над колхозами, все же закреплял зависимость коллективных хозяйств от партийно-советского аппарата.

Добавим, что недомолвки законодателей никак не отразились на принципах взаимоотношений государства с колхозами: никоим образом оно не рассматривало их как независимые объединения и не считалось с положениями Примерного устава. В частности, вопреки декларациям, что «хозяевами колхоза являются колхозники»⁷ и что высшим органом колхозного самоуправления выступает общее собрание членов сельхозартели, реальные рычаги управления коллективными хозяйствами находились в руках партийных функционеров и советской администрации. Как правило, общие собрания колхозников стратегические вопросы развития хозяйства не решали, а лишь послушно принимали к исполнению предоставленные им районным начальством планы и распоряжения. Выборность председателей колхозов изначально была подменена назначением: колхозникам, которые должны были сами выбирать председателя на общем собрании, позволялось просто голосовать за кандидатуру, согласованную вышестоящим руководством. Закономерной реакцией колхозников на вышеотмеченные особенности «колхозной демократии» стало игнорирование общих собраний. Как отмечал весной 1934 г. один из высокопоставленных сотрудников Азово-Черноморского краевого земельного управления (крайзу), колхозники не посещали общих собраний, говоря, что «все равно правление решений собрания не выполняет» [14, л. 55].

Государство по собственному усмотрению распоряжалось колхозным имуществом, которое, согласно закону, принадлежало колхозникам как членам производственного кооператива. Так, при создании машинно-тракторных

⁵ СЗ СССР. 1930;(24). Ст. 255; СЗ СССР. 1935;(11). Ст. 82.

⁶ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюризат; 1959. С. 175.

⁷ Вышинский А.Я. (общ. ред.) Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. Москва: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР»; 1939. С. 203.

станций (МТС) как государственных прокатных пунктов в деревне представители власти частично сформировали их технический парк за счет техники, имевшейся у колхозов. В начале 1931 г. работники Трактороцентра планировали изъять у колхозов Северо-Кавказского края до 3,5 тыс. тракторов – при том, что общее количество парка «машин колхозных» не превышало 4,5 тыс. единиц [15, л. 15]. К началу 1933 г. в МТС были переданы все бывшие колхозные тракторы Северо-Кавказского края [16]. Хотя в Уставе 1930 г. была зафиксирована обязанность артели «покупать за свои и заемные средства тракторы и другие средства производства с целью постепенного перехода на механизированное хозяйство»⁸, – правительственные чиновники запрещали колхозам это делать [17]. Основанием для подобных запретов являлось нежелание правительства терять крупные доходы, получаемые государством в виде оплаты колхозами (оставшимися без тракторов и комбайнов) услуг МТС, которые обрабатывали колхозные поля техникой, находившейся в государственной собственности.

В Примерном уставе сельхозартели 1935 г. гораздо более открыто и четко фиксировалась зависимость колхозов от государства. Уже в первой главе («Цели и задачи [артели]») указывалось, что колхозники обязаны «выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства»⁹. В первом же пункте главы 4 («Деятельность артели и ее правления») это требование детализировалось: в частности, законодатель строго обязывал артель «вести свое коллективное хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственного производства и обязательства артели перед государством» и принимая «к точному исполнению планы» сева, уборки, молотьбы¹⁰. Данные требования со всей очевидностью свидетельствовали о том, что государство стремилось максимально контролировать колхозы, не оставляя им возможностей сколь-нибудь серьезно отклониться от намеченных плановых заданий.

Заметные отличия между вариантами Примерных уставов сельхозартели 1930 г. и 1935 г. имелись в главе «О земле». Устав 1930 г. требовал слить земельные наделы вступивших в артель крестьян в «единый земельный массив», который будет находиться в «коллективном пользовании» всех членов артели. В уставе 1935 г. это требование дополнялось уточнением, что земля «есть общенародная государственная собственность» и артель лишь пользуется ею, но не имеет прав на куплю-продажу земли и сдаче таковой в аренду¹¹. При всей очевидности данного дополнения, законодатель посчитал его необходимым, видимо, по той причине, что в коллективизированной деревне случаи захватов колхозных земель и их аренды, а также купли-продажи и аренды земельных участков колхозников были не единичны. Так, в 1934 г. администрация колхозов Горяче-Ключевского района Азово-Черноморского края сдавала колхозную землю в аренду единоличникам по 50–75 руб. за гектар [18]. В том же году в Северо-Кавказском крае была распространена практика сдачи колхозниками и единоличниками своих земельных наделов в аренду состоятельным односельчанам [19].

Примерный устав 1935 г. требовал от артели точного и безоговорочного выполнения государственных поставок и уплаты налогов. Согласно главе 6 («Средства артели»), после сбора урожая каждый колхоз должен был первым делом выполнить обязательные поставки государству сельхозпродукции и вернуть семенную ссуду. Кроме того, артель обязывалась передать часть урожая МТС в качестве натуроплаты «в соответствии с заключенным договором, имеющим силу закона». Получив денежные доходы, артель была обязана в первую очередь выплатить государству налоги и страховые платежи¹². Учитывая, что колхозы и создавались сталинским режимом как наиболее удобный для государства инструмент изъятия сельхозпродукции у аграриев, повышенное внимание законодателя к фискальной дисциплине сельхозартелей являлось вполне объяснимым.

Комплекс нормативно-правовых актов, с помощью которых советское государство конструировало и регулировало колхозную систему, вовсе не ограничивался Примерными уставами сельхозартели. Комплекс этот был весьма обширен и включал, помимо Уставов, великое множество других юридических документов, принимавшихся органами власти в разное время и по разным поводам. Массив изданных в 1930-х гг. в СССР законодательных материалов посвящен разнообразным проблемам, периодически возникавшим перед колхозами и затруднявшим их функционирование. Законодатель был вынужден реагировать на эти проблемы, потому что сами колхозы, созданные сверху и лишенные самостоятельности, преодолеть их не могли, а иной раз и не хотели.

⁸ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздан; 1959. С. 173.

⁹ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздан; 1959. С. 427.

¹⁰ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздан; 1959. С. 428.

¹¹ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздан; 1959. С. 427.

¹² История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2-х т. Т. 1. 1917–1936. Москва: Госюриздан; 1959. С. 430.

Одним из наиболее известных нормативных актов такого типа является постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. Данное постановление (более известное в народе как «закон о трех колосках» или «указ семь-восемь») приравнивало к государственным преступлениям хищения колхозной собственности, а также насилие и угрозы со стороны «противообщественных кулацко-капиталистических элементов» в отношении колхозников. Законодатель предусматривал за подобные правонарушения самые суровые меры вплоть до смертной казни и исключал возможность амнистии для лиц, осужденных по таким делам [7, с. 453–454].

«Указ семь-восемь» стал реакцией сталинского режима на разразившийся в 1932 г. кризис колхозной системы, который был вызван разрушительными импульсами коллективизации и высокими объемами хлебозаготовок, чрезвычайно болезненными для аграриев в связи с засухой и низким урожаем. Все это спровоцировало рост социальной напряженности в деревне, выразившейся, в том числе, в массовых хищениях зерна с колхозных полей и амбаров. Правоведы справедливо указывают, что закон являлся «юридически безграмотным и по существу террористическим» [20, с. 32]. Однако предусмотренные законом «суровые репрессии против всех врагов народа, посягающих на общественную (социалистическую) собственность» [21, с. 23–24], позволили сталинскому государству выполнить поставленные задачи – минимизировать протесты на селе и не допустить краха колхозов.

Ряд важных нормативных актов, которыми государство регулировало состояние колхозной системы и направляло ее развитие, был принят в конце 1930-х гг. Таковы постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запрещении исключения колхозников из колхозов» от 19 апреля 1938 г.¹³ и «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.¹⁴ Второе из названных постановлений было нацелено на пресечение широко распространенной практики захватов колхозниками и единоличниками колхозных земель и укрепление трудовой дисциплины в коллективных хозяйствах. Данным актом впервые вводился обязательный для колхозников минимум трудодней, невыработка которого в течение года могла повлечь за собой исключение из колхоза.

Что касается постановления о запрете исключения из колхозов, то таковое являлось очередной попыткой улучшить негативную ситуацию, сложившуюся в колхозах как сельхозпредприятиях, подчиненных партийно-советским органам и лишенных самостоятельности. Согласно Примерному уставу сельхозартели исключать колхозников из колхоза было правомочно только общее собрание. В действительности такие полномочия узурпировала колхозная администрация в лице председателей, членов правлений и даже бригадиров, в связи с чем исключения повсеместно проводились без соблюдения формальных процедур, в массовом порядке и нередко – по незначительным поводам. Подобное наблюдалось в 1934 г. в колхозах Северо-Кавказского края [22], да и Азово-Черноморский край не был исключением: в одном лишь Усть-Лабинском районе в 1935 г. и в первом квартале 1936 г. были исключены 1580 колхозников, из которых, по итогам специально проведенной проверки законности их исключения, были восстановлены в правах 1318 человек (83,4 %) [23]. Массовые необоснованные исключения колхозников подрывали производственную базу колхозов, в связи с чем правительство запретило подобную практику в апреле 1938 г. Впрочем, и после этого исключения членов сельхозартелей, проведенные волевым решением колхозной администрации без одобрения общего собрания, не являлись редкостью. Например, в январе 1940 г. из колхозов Мясниковского района Ростовской области за невыработку обязательного минимума трудодней были исключены свыше 100 человек, причем исключены они были «списком», то есть без обязательного обсуждения каждой кандидатуры на общем собрании колхозников [24].

Обсуждение и заключение. Можно утверждать, что действительность коллективизированной деревни весьма существенно расходилась с декларациями партийных идеологов и теоретическими построениями советских агитаторов и пропагандистов. Согласно общепринятым в СССР, официально одобренным и юридически оформленным нормам, колхоз представлял собой негосударственное кооперативное предприятие, обладавшее определенной автономией от государства и правом на самоуправление. Однако, перефразируя В.И. Ленина, можно сказать, что эти положения нарушались представителями власти «постоянно, ежедневно, ежечасно... и в массовом масштабе». Примеров подобного пренебрежительного отношения партийно-советских органов к декларациям о кооперативной сущности колхозов содержится в источниках великое множество.

В то же время расхождения между административной практикой и буквой закона представляли собой лишь вершину айсберга. Ситуация была гораздо более сложной и заключалась в том, что и закон подчинял колхозы госаппарату, не оставляя им возможностей самостоятельного существования и деятельности. Весьма показательно, что в 1930-х гг. само колхозное право трактовалось как отрасль главным образом советского государственного права. По этому поводу известный учений А.Я. Вышинский сказал: «Колхозное право входит своими

¹³ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Сб. документов. В 4-х т. Т. 2. 1929–1945 гг. Москва: Госполитиздат; 1957. С. 539–541.

¹⁴ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. Москва: Изд-во сельскохозяйственной литературы; 1948. С. 281–287.

частями в советское государственное право (земельная собственность, основы землепользования, а равно пользование недрами, лесами и водами, государственное планирование в области колхозного строительства, государственные обязательства колхозов и пр.) и советское гражданское право (договоры, имущественные правоотношения, семейное, наследственное право и т. д.)» и его нельзя «изучать в отрыве от государственного права и гражданского права» [25, с. 108]. Советские правоведы настаивали, что разработка колхозами правил внутреннего распорядка, право на которую предоставляли им закон, должна полностью соответствовать решениям партии и правительства и служить интересам государства [26].

Юридическая теория и законодательная практика в СССР в 1930-х гг. строились в русле этатистского подхода, в соответствии с которым колхозная система с самого начала была подчинена государству. Законодатель изначально обесценил декларации о кооперативной сущности колхозов, поместив рядом с ними положения о подчинении колхозной системы государству и принимая множество нормативно-правовых актов, узаконивавших вмешательство властей в сферу деятельности коллективных хозяйств. Нельзя не согласиться с исследователями в том, что, хотя колхозы и не находились под прямым государственным управлением, государство постоянно руководило ими методами «правового, экономического и организационно-технического регулирования» [27, с. 321]. Анализ содержания основополагающих для колхозов документов – Примерных уставов сельхозартели 1930 г. и 1935 г. (в особенности, второго из них), – в полной мере подтверждает справедливость данной точки зрения.

Всестороннее объективное осмысливание как функционирования колхозов и их взаимоотношений с органами власти, так и колхозного права, дает основания уверенно ставить знак равенства между понятиями «коллективизация» и «этатизация» [28, с. 59]. В ходе сплошной коллективизации «колхозы практически потеряли кооперативную самостоятельность» [29, с. 70–71] и превратились в огосударствленные сельскохозяйственные предприятия, что было закреплено и законом. Однако поскольку законодатель был вынужден учитывать идеологические постулаты о коллективизации как построении социализма в деревне, принцип этатизма, на котором базировалось колхозное право, сосуществовал с положениями о колхозной демократии и даже отступал на второй план в сравнении с ними. Можно сказать, что декларации о кооперативном характере колхозов являлись своего рода юридическим фасадом, призванным подтвердить наличие социалистических отношений в СССР, в то время как ведущей тенденцией законодательства являлось узаконение отношений, которые нередко именуют «государственным капитализмом».

Список литературы / References

1. Социалистическое сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. Москва – Ленинград: Госпланиздат; 1939. 128 с.
2. Socialist Agriculture of the USSR. Statistical Digest. Moscow – Leningrad: Gosplanizdat; 1939. 128 p. (In Russ.)
2. Сталин И.В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета. 28 мая 1928 г. Сочинения. Т. 11. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 81–97.
3. Stalin IV. On the Grain Front. from a Conversation with Students of the Institute of Red Professors, the Communist Academy and Sverdlovsk University. May 28, 1928. Collected Works, Vol. 11. Moscow: Gospolitizdat; 1953. P. 81–97. (In Russ.)
3. Барсов А.А., Васюков В.С. Зарубежная антимарксистская историография коллективизации сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР. В: Материалы научной сессии «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». Москва, 18–21 апреля 1961 г. Москва; 1963. С. 232–246.
4. Barsov AA, Vasyukov VS. Foreign Anti-Marxist Historiography of the Collectivization of Agriculture and Development of the Collective Farm System in the USSR. In: Proceedings of the Scientific Session “History of the Soviet Peasantry and Collective Farm Construction in the USSR”. Moscow, April 18–21, 1961. Moscow; 1963. P. 232–246. (In Russ.)
4. Чистяков О.И. Избранные труды. Москва: НОРМА; 2008. 415 с.
5. Chernogor NI, Pashentsev DA. The October Revolution and the Evolution of Russian Law. Journal of Russian Law. 2017;(10):5–13. (In Russ.)
6. Чистяков О.И. Selected Works. Moscow: NORMA; 2008. 415 p. (In Russ.)
6. Черногор Н.И., Пашентцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права. Журнал российского права. 2017;(10):5–13.
7. Lenin VI. State and Revolution. Marx’s Teachings on the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution. Moscow: Gospolitizdat; 1953. 120 p. (In Russ.)
8. Lenin VI. State and Revolution. Marx’s Teachings on the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution. Moscow: Gospolitizdat; 1953. 120 p. (In Russ.)
9. Зеленин И. (отв. ред.) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 3. Конец 1930–1933. Москва: РОССПЭН; 2001. 1007 с.
10. Zelenin I. (Ed.) The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession: Documents and Materials in 5 Volumes. 1927–1939. Vol. 3. Late 1930–1933. Moscow: ROSSPEN; 2001. 1007 p. (In Russ.)

8. Ивницкий Н. (отв. ред.) *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930*. Москва: РОССПЭН; 2000. 927 с.
Ivnitsky N. (Ed.) *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession: Documents and Materials in 5 Volumes. 1927–1939. Vol. 2. November 1929 – December 1930*. Moscow: ROSSPEN; 2000. 927 p. (In Russ.)
9. Краев М.А. *Победа колхозного строя в СССР*. Москва: Госполитиздат; 1954. 720 с.
Kraev MA. *Victory of the Collective Farm System in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat; 1954. 720 p. (In Russ.)
10. ГАРО. Ф. p-1390. Оп. 6. Д. 439.
State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). Archive Fund No p-1390. Inventory No 6. File No 439. (In Russ.)
11. Сталин И.В. *Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения. Сочинения*. Т. 12. Москва: Госполитиздат; 1953. С. 191–199.
Stalin IV. *Dizzy with Success. On the Issues of the Collective Farm Movement. Collected Works*. Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat; 1953. P. 191–199. (In Russ.)
12. Гайстер А.И. (гл. ред.) *Сельскохозяйственный словарь-справочник*. Москва – Ленинград: Гос-е изд-во колхозной и совхозной лит-ры; 1934. 640 с.
Gaister AI (Ed.). *Agricultural Handbook Dictionary*. Moscow – Leningrad: State Publishing House of Collective and State Farm Literature; 1934. 640 p. (In Russ.)
13. Титов Ю.П. (ред.) *История государства и права России*. Москва: ТК Велби; 2003. 544 с.
Titov YuP (Ed.). *History of the State and Law of Russia*. Moscow: TK Velbi; 2003. 544 p. (In Russ.)
14. ГАРО. Ф. p-1390. Оп. 7. Д. 470.
State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). Archive Fund No p-1390. Inventory No 7. File No 470. (In Russ.)
15. ГАРО. Ф. p-1390. Оп. 6. Д. 1373а.
State Archives of the Rostov Region (ГАРО/GARO). Archive Fund No p-1390. Inventory No 6. File No 1373a. (In Russ.)
16. Осколков Е.Н. *Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств)*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ; 1973. 311 с.
Oskolkov EN. *Victory of the Collective Farm System in the Grain Regions of the North Caucasus (Essays on the History of Party Leadership in the Collectivization of Peasant and Cossack Farms)*. Rostov-on-Don: RSU Publishing House; 1973. 311 p. (In Russ.)
17. Данилов В., Маннинг Р. (отв. ред.) *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937*. Москва: РОССПЭН; 2004. 647 с.
Danilov V, Manning R. (Eds.) *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession: Documents and Materials in 5 Volumes. 1927–1939. Vol. 5. 1937–1939. Book 1. 1937*. Moscow: ROSSPEN; 2004. 647 p (In Russ.)
18. Котлов Т. Аренда земли продолжается. *Молот*. 05.10.1934.
Kotlov T. Land Lease Continues. *Molot*. 05.10.1934. (In Russ.)
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 118.
Russian State Archive of Social and Political History (РГАСПИ/RGASPI). Archive Fund No 17. Inventory No 120. File No 118. (In Russ.)
20. Скрипилев Е.А. К разработке истории советского правоведения. *Государство и право*. 1992;(12):30–37.
Skripilev EA. On the Development of the History of Soviet Jurisprudence. *State and Law*. 1992;(12):30–37. (In Russ.)
21. *Победы социалистического сельского хозяйства*. Москва: ОГИЗ-Сельхозгиз; 1939. 160 с.
Victories of Socialist Agriculture. Moscow: OGIZ-Selkhozgiz; 1939. 160 p. (In Russ.)
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 117.
Russian State Archive of Social and Political History (РГАСПИ/RGASPI). Archive Fund No 17. Inventory No 120. File No 117. (In Russ.)
23. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 282.
Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 8. Inventory No 1. File No 282. (In Russ.)
24. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 202.
Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 9. Inventory No 1. File No 202. (In Russ.)
25. Вышинский А.Я. *Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.)*. Москва: юрид. изд-во НКЮ СССР; 1938. С. 97–118.
Vyshinsky AYa. *The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law: Report at the 1st Conference on the Science of Soviet State and Law (July 16–19, 1938)*. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR; 1938. P. 97–118. (In Russ.)

26. Григорович М.А. *Коллективные органы управления в колхозах*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва; 1971. 19 с.
- Grigorovich MA. *Collective Governance Bodies in Collective Farms*. Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1971. 19 p. (In Russ.)
27. Вылсан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. *Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории*. Москва: Колос; 1982. 399 с.
- Vyltsan MA, Danilov VP, Kabanov VV, Moshkov YuA. *Collectivization of Agriculture in the USSR: Paths, Forms, Achievements. A Brief Essay of the History*. Moscow: Kolos; 1982. 399 p. (In Russ.)
28. Левин М.Л. Выступление на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития». *Отечественная история*. 1994;(4–5):46–78.
- Levin ML. Speech at the Theoretical Seminar “Modern Concepts of Agrarian Development”. *National History*. 1994;(4–5):46–78. (In Russ.)
29. Гордон Л.А., Клопов Э.В. *Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы*. Москва: Госполитиздат; 1989. 319 с.
- Gordon LA, Klopov EV. *What Was It? Reflections on the Preconditions and Results of What Happened to Us in the 1930s and 1940s*. Moscow: Gospolitizdat; 1989. 319 p. (In Russ.)

Об авторах:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), [SPIN-код](#), [ORCID](#), berlg@yandex.ru

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.Г. Берлявский: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

В.А. Бондарев: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Leonid G. Berlyavskiy, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), berlg@yandex.ru

Vitaliy A. Bondarev, Dr.Sci. (History), Professor of the History and Cultural Studies Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Claimed Contributorship:

LG Berlyavskiy: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

VA Bondarev: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 10.09.2025

Принята к публикации / Accepted 19.09.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 34:378.4

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-21-28>

Продвижение концепции предпринимательского университета в качестве стратегии укрепления отечественных правовых ценностей

А.Б. Шумилина , Н.А. Анциферова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

nashum82@mail.ru

EDN: IISVYY

Аннотация

Введение. В условиях глобальных кризисов предпринимательские университеты играют важнейшую роль в поддержке национальной и региональной экономики и решении социально значимых задач. Однако несмотря на значительный научный интерес к продвижению предпринимательских университетов, на сегодняшний день существует проблема недостаточной изученности корреляции данного концепта с системой правовых ценностей – формированием гражданственности, установлением принципа равноправия, регулированием поведенческих установок и т. д. В связи с этим целью работы является рассмотрение динамических возможностей предпринимательского университета, которые могут способствовать укреплению отечественных правовых ценностей, а также определение стратегических механизмов продвижения изучаемой концепции в России.

Материалы и методы. Структурным ядром методологической базы стал системный подход к изучению организационных и функциональных принципов деятельности предпринимательских университетов в качестве целостных структур, формирующих собственную экосистему. Вспомогательные методы исследования (анализ и структуризация релевантных источников; сравнение зарубежного опыта и отечественных подходов; оценка и моделирование стратегических механизмов) позволили выявить непроработанные аспекты имплементации данной концепции и, как следствие, обозначить возможности их преодоления.

Результаты исследования. Выявлены связующие звенья между способами формирования правовых ценностей общества и функциональной деятельностью предпринимательских университетов. Доказано, что значительный правовой потенциал подобных организаций выражается в поддержании общественной стабильности, гражданской осознанности и инициативности, укреплении принципа неотчуждаемости человеческих прав и свобод, а также формировании равноправия в образовании и предпринимательстве. Анализ практических случаев внедрения концепции предпринимательского университета показал недостатки данной системы в России (низкий количественный и качественный уровень стартапов, проблемы с финансированием, концентрация научно-предпринимательской деятельности в крупных городах, региональная незаинтересованность и др.), на основании чего был предложен ряд стратегических рекомендаций, направленных на актуализацию изучаемой концепции на территории РФ.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование является значимым для российской юридической науки, поскольку дает новое представление о роли предпринимательских университетов в правовом и социальном развитии общества, а также предлагает университетам и предпринимателям конкретные решения для преодоления социально-экономических барьеров.

Ключевые слова: предпринимательский университет, предпринимательское право, социально-экономическое развитие, правовые ценности, стратегическая адаптивность

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Шумилина А.Б., Анциферова Н.А. Продвижение концепции предпринимательского университета в качестве стратегии укрепления отечественных правовых ценностей. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(3):21–28. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-21-28>

Original Empirical Research

Promotion of the Entrepreneurial University Concept as a Strategy for Strengthening National Legal Values

Anastasia B. Shumilina , Natalia A. Antsiferova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 nashum82@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of global crises, entrepreneurial universities play a vital role in supporting national and regional economies and solving socially important problems. However, despite significant scientific interest in promoting entrepreneurial universities, today the correlation of this concept with the system of legal values, i.e. formation of citizenship, implementation of the principle of equality, regulation of behavioral paradigm, etc. is insufficiently studied. Therefore, the aim of the work is to study the evolving capacities of an entrepreneurial university, which contribute to strengthening the national legal values, as well as to determine the strategic mechanisms for promoting this concept in Russia

Materials and Methods. The systemic approach to studying the organisational and functional principles of the activities of an entrepreneurial university as an integral structure that forms its own ecosystem was a core method within the research methodology structure. Auxiliary research methods (analysis of relevant sources and their structuring; comparison of foreign practices and national approaches; assessment of strategic mechanisms and their modeling) made it possible to identify the underdeveloped aspects in the implementation of this concept and, as a result, to define the opportunities for overcoming thereof.

Results. Links between the methods of forming the legal values of society and entrepreneurial university functioning have been revealed. Significant legal potential of such organizations is expressed through maintaining social stability, civic consciousness and initiative, strengthening the principle of inalienability of human rights and freedoms, as well as formation of equality in education and entrepreneurship has been ascertained. The analysis of practical cases of implementing the entrepreneurial university concept showed the shortcomings of this system in Russia (low quantity and quality of start-ups, problems with financing, scientific and entrepreneurial activity concentration in large cities, absence of interest in the regions, etc.). All the above enabled the authors to propose a number of strategic recommendations aimed at updating the studied concept on the territory of the Russian Federation.

Discussion and Conclusion. The conducted research is significant for the Russian juridical science, as it provides a new understanding of the role of entrepreneurial universities in the frame of the legal and social development of society, as well as offers universities and entrepreneurs exact solutions to overcome the socio-economic barriers.

Keywords: entrepreneurial university, entrepreneurial law, social and economic development, legal values, strategic adaptability

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to significant enhancement of the article quality.

For Citation. Shumilina AB, Antsiferova NA. Promotion of the Entrepreneurial University Concept as a Strategy for Strengthening National Legal Values. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):21–28. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-21-28>

Введение. Глобальные тенденции в ужесточении системы регулирования предпринимательского права, а также ориентированность мировых государств на научную экономику [1] повсеместно стимулируют качественные преобразования в образовательных структурах. Развитие концепции предпринимательского университета способствует ускорению адаптационного процесса по отношению к правовым и экономическим изменениям посредством глубокой исследовательской деятельности, работы с общественностью, подготовки необходимых специалистов и создания рабочих мест [1]. Первопроходцем в разработке рассматриваемой концепции стал американский научный деятель Б.Р. Кларк, изучавший возможности модернизации системы высшего образования. В своей работе «Создание предпринимательских университетов» он обосновывает необходимость включения высших учебных заведений в экономическое, социальное и правовое развитие общества [2]. Под предпринимательским университетом Б. Кларк понимает «высшее учебное заведение, использующее для своего развития тех-

нологии бизнеса, способствующие интеграции в рыночную экономику путем продвижения разработанных интеллектуальных продуктов, формированию среды для инновационного развития своего региона и ведению конкурентной борьбы с другими образовательными и научными учреждениями» [3, с. 20].

Впоследствии многие отечественные и зарубежные исследователи стали популяризировать идеи Б.Р. Кларка. Так, М. Белитски, Дж. Сикорски и их единомышленники обосновали базис предпринимательского университета как взаимореализацию трех элементов – преподавания, исследования и коммерциализации [4]. Г.Н. Константинов и С.Р. Филонов интерпретировали данный подход, добавив к нему направленность учебных заведений на трансформацию внутренней и внешней среды посредством генерации знаний и культивации новых видов деятельности [5]. Л. Родригес-Асевес, М. Куто-Ортега, Т. Минола и другие исследователи охарактеризовали отличительную черту предпринимательского университета как способность стратегически адаптироваться к изменениям в экономике, промышленности и региональной динамике путем использования ресурсов творческим образом и при поддержке сплоченной предпринимательской культуры, что необходимо для достижения стратегических целей обучения, изыскательской деятельности и работы с общественностью [1].

Являясь катализатором знаний в социальных кругах, предпринимательский университет призван создать атмосферу, в которой участники данной экосистемы могут выстраивать будущие социально-экономические ценности, а также выявлять возможные угрозы и риски. Однако несмотря на растущий интерес к укреплению позиций предпринимательских университетов в социально-экономическом секторе, в науке остаются заметные пробелы относительно изучения корреляции данного концепта с системой правовых ценностей. Недостаток исследований в данной области вызывает множество вопросов по поводу воздействия предпринимательского университета на развитие трудовых отношений, управление конфликтами, защиту прав человека, а также поднимает другие юридически значимые темы. В комплексе задач современных образовательных структур выделяют: формирование ценностных ориентиров населения; регулирование поведенческих установок; диспозицию личности в качестве осознанного гражданина, стремящегося к справедливости и гуманному общественному порядку [6].

Целью работы является рассмотрение динамических возможностей предпринимательского университета, которые могут способствовать укреплению отечественных правовых ценностей, а также определение стратегических механизмов продвижения изучаемой концепции в России.

Материалы и методы. Методологическая база исследования основана на системном подходе к изучению функционирования предпринимательских университетов как целостных структур, формирующих собственную экосистему в рамках социально-экономических и правовых принципов управления. Анализ и структуризация релевантных исследований подтвердили значимость изучаемой концепции в системе развития образования и предпринимательства. Сравнение зарубежного опыта имплементации предпринимательских университетов и отечественных подходов к организации подобных учреждений выявило ряд непроработанных аспектов, препятствующих их продвижению на территории РФ. Методы оценки и моделирования позволили разработать интеграционную стратегию, направленную на устранение выявленных недостатков, обозначить пути использования позитивного зарубежного опыта с учетом отечественной социально-экономической и правовой специфики.

Результаты исследования. Концепция предпринимательского университета включает стратегическую адаптивность, предпринимательскую культуру и структуры для достижения общественно значимых целей. Выполняя функции генератора и распространителя знаний, предпринимательский университет способствует созданию социально-экономических и правовых ценностей во всей своей экосистеме. Межорганизационная кооперация трех базовых звеньев (наука, бизнес, государство) составляет формулу «тройной спирали» [7], согласно которой образовательные учреждения исследуют тенденции делового сектора, развивая бизнес; предпринимательство совершенствует образовательные услуги и вкладывает ресурсы в инновации; государство выполняет регулятивные задачи, а также финансирует бизнес-обеспечение [8]. Таким образом, происходит циркуляция знаний, ресурсов и ценностей, среди которых значимым элементом является правовая организация.

Учитывая данную специфику, можно выделить несколько отраслей права, регламентирующих деятельность предпринимательских университетов: образовательное, предпринимательское, финансовое, трудовое, налоговое право и др. Другими словами, объединение нескольких сфер (образование, экономика, социальная политика) требует включения вариативных правовых структур и предполагает правовое равенство участвующих субъектов, подтверждая фундаментальный юридический принцип неотчуждаемости присущих каждому прав и свобод.

Право на образование, трудоустройство и личностное развитие укрепляется посредством разработки «новых форм организации учебного процесса для преодоления "дисциплинарной миопии"», преодоления ограничений в сфере преподавания «через устранение дефицита информационных, человеческих и финансовых ресурсов» [5, с. 61]. Примером тому может служить практикоориентированное обучение, способствующее подготовке востребованных специалистов, затраты на образование которых окупаются по результатам их профессиональной реализации.

Естественнонаучные образовательные учреждения позиционируют себя как организации с четкой иерархической структурой, построенной на властных отношениях от наивысшего звена к низшему. Однако подобная концепция противоречит принципу правового равенства, поддерживаемого предпринимательским университетом. Формируя так называемые «социальные сети» [5], вовлекающие в образовательно-предпринимательские отношения большее количество участующих сторон, рассматриваемые институты поддерживают особую профессиональную этику, основанную на доверии, терпении и толерантности. Равнозначный уровень кооперации и сътворчества – как со стороны преподавателей, так и со стороны обучающихся, выпускников и других участников, – укрепляет интеллектуальные, экономические и правовые ценности. Отсюда следует, что предпринимательские университеты являются не просто производителями знаний, а более того – генераторами социальных сетей, поддерживающих незыблемые правовые паттерны взаимодействий и поведения вовлеченных сторон.

Как отмечают исследователи, предпринимательские университеты являются важным элементом индустриальных кластеров, способствующих разностороннему развитию регионов [5], что в совокупности с государственным управлением обеспечивает всем гражданам доступ к множеству необходимых ресурсов. Еще одним результатом укрепления правовых ценностей в структурах предпринимательского образования является проактивность и инициативность кадров. Институциональная важность человеческих ресурсов, пропагандируемая в данных организациях, подчеркивает приверженность выпускников к решению общественно значимых проблем, что обусловлено интеграцией гражданской и личностной ответственности в бизнес-структуре и экономические секторы общества. Необходимость привлечения внешнего финансирования предопределяет стабильную кооперацию с различными компаниями, государством и общественностью.

В качестве примера, иллюстрирующего правовую значимость предпринимательского университета, можно рассмотреть практическую деятельность Мондрагонского университета, созданного в 1997 г. на севере Испании, в Стране Басков. До учреждения университета социально-экономическая ситуация в регионе была весьма неблагоприятной: общество было полностью раздроблено и подвергалось промышленной реконверсии, во время которой безработица и голод были первостепенными проблемами. Объясняя свою миссию, учредители первого в Испании предпринимательского университета отметили следующее: главная задача подобных организаций заключается в том, чтобы трансформировать свое окружение, вносить личный вклад, а также оставлять наследие для следующих поколений [1]. Таким образом, основатели университета подчеркивают необходимость действовать в интересах социальных потребностей и в целях поддержания благоприятной и безопасной среды.

Исследования успешных практик создания предпринимательских университетов за рубежом показывают, что для эффективной реализации данной концепции необходимо не просто кооперировать науку и производство, но также создавать исследовательские парки, объединяющие несколько образовательных учреждений, множество компаний, лаборатории, научные центры и государственные структуры. Такому принципу следуют, в частности, Стэнфордский исследовательский комплекс в США, Кембридж в Великобритании, инновационный комплекс в федеральной земле Саар в Германии [7]. Формирование предпринимательского потенциала в странах Европы и США базируется на ряде вспомогательных мер государственной поддержки, среди которых: «организация фонда помощи детям из бедных семей для открытия бизнеса; выплата льгот и оплата налогов для начинающих предпринимателей; помочь для выпускников университетов; поддержка предпринимателей после открытия собственного дела» [9, с. 25].

Итак, эффективность деятельности предпринимательских университетов складывается из следующих компонентов: целевой инновационности, на базе которой действует организация; либерального внутреннего устройства и гибкого сетевого взаимодействия; умения работать в условиях кризиса и риска, высокого адаптационного потенциала; равного разделения прав и обязанностей между участниками процесса; ориентированности на культурные особенности территории (страны, региона); ориентированности на потребительские интересы и своеобразного реагирования на внешние изменения [7]. Подтверждением эффективности предпринимательских университетов является высокий уровень производительности государств, в которых данные организации являются системообразующим ядром общества: в США насчитывается порядка 30 млн предприятий; в Стране Басков расстает качество жизни населения; в странах Северной Европы наблюдается высокая степень самореализации граждан и устойчивость экономических систем [1, 10, 11].

Из вышесказанного следует, что правовой потенциал предпринимательских университетов очень велик. Развивая социально-экономические навыки у молодежи, образовательные организации делают вклад в будущее развитие правовых и гражданских ценностей: повышение производительности труда, снижение уровня коррупции, пропагандирование принципа верховенства закона и личной осознанности, увеличение степени доверия населения к государственным и экономическим субъектам, развитие социальной мобильности и защищённости граждан [11].

В Российской Федерации концепция предпринимательского университета на сегодняшний день находится в стадии становления. Главными функциями отечественных университетов по-прежнему являются образовательные и исследовательские [12], однако в последние годы отмечается уверенное движение в сторону инновационного развития. По данным рейтинга предпринимательских университетов, среди лидеров отмечены: МФТИ, НИУ ВШЭ, СПбГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова и МГТУ им. Н.Э. Баумана [3]. «Для составления рейтинга используются следующие показатели: количество выпускников – основателей стартапов; количество стартапов; привлеченные инвестиции; доля поддержанных проектов» [3, с. 21]. Несмотря на активное внимание к вопросам развития предпринимательских университетов, создание учебно-научных инновационных центров, производственных комплексов и технопарков, эффективность их деятельности в России пока значительно отстает от зарубежных. Для сравнения, показатель количества стартапов в Стэнфордском университете превышает тысячные показатели, в то время как у нас в стране самое большое число отмечено в МФТИ – 155 стартапов [13].

Исходя из общероссийской статистики развития предпринимательских университетов, значительная их часть концентрируется в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге. Слабое развитие подобных организаций в регионах объясняется рядом факторов: низким уровнем заинтересованности местных властей; отсутствием культуры предпринимательства в регионах; неэффективностью НИОКР региональных вузов; незаинтересованностью предприятий в затратах на НИОКР, утечкой ценных специалистов и т. д. [14]. Похожая тенденция наблюдается и в сфере правового развития регионов. Так, «региональные законы о поддержке малого и среднего предпринимательства различаются полнотой и объемом статей, некоторые из них регулируют соответствующие отношения в сфере предпринимательства неполно и формально, не определяя конкретных практических мер по развитию предпринимательства и его поддержке» [15, с. 57]. Огромное количество унифицированных норм снижает ценность законодательных предписаний и усложняет процесс их региональной реализации, а органы местного самоуправления, в свою очередь, не пытаются интегрировать локальные законы в общегосударственный регламент предпринимательства, либо сформировать свод региональных поправок и дополнений, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса, а также образования. Из этого следует, что качество государственного регулирования в любой сфере отличается динамическими характеристиками, обоснованными и постоянными изменениями во всех структурах жизнедеятельности государства, а также социокультурными различиями территорий.

Проанализировав корреляцию уровня развития образовательных структур, предпринимательства и права, мы приходим к выводу о том, что инновационные возможности предпринимательских университетов благотворно воздействуют на общую социально-экономическую ситуацию и способствуют формированию устойчивых правовых ценностей. В связи с этим предлагаем следующие стратегические механизмы укрепления правовых позиций с помощью предпринимательских университетов:

1. Выстраивание перспективного имиджа образовательных учреждений посредством налаживания контактов с общественностью, бизнес-структурами, федеральными и локальными органами управления, разнообразными СМИ [12] с целью привлечения обучающихся в региональные вузы.

2. Организация внутриобразовательных отношений по принципу конархии, подразумевающей активное выслушивание интересов представителей коллектива (педагогов, студентов, исследователей, предпринимателей) для предоставления индивидуальных решений, распределения потока информации, поддержки участвующих сторон, создания открытых форумов, в рамках которых можно предлагать разноплановые идеи для будущих проектов. Подобная конфигурация механизмов управления, включающая равноправное участие заинтересованных сторон, влияет на процесс принятия решений, следовательно, образовательные функции обеспечиваются в рамках общего видения, что побуждает учреждение постоянно генерировать подходы, соответствующие актуальным вызовам [1].

3. В части законодательного регулирования инновационной деятельности предпринимательских университетов необходимо обеспечить гибкость правовой системы, в рамках которой региональные органы смогут маневрировать и передавать управленческие инициативы образовательным учреждениям, требующим большей самостоятельности и свободы.

4. Развитие методик коммерциализации научной деятельности посредством привлечения новых источников финансирования (внешних заказчиков, частных венчурных инвесторов и бизнес-акселераторов, предоставляющих экспертную и финансовую помощь для ускорения развития предпринимательских университетов [16]) и наращивание мер государственной поддержки (реализация грантов, предоставление налоговых и иных льгот, право на участие в государственных закупках, создание инвестфондов и др.).

5. Создание бизнес-инкубаторов и системы технопарков с целью содействия начинающим предпринимателям в привлечении кредитов и займов. Бизнес-инкубатор в качестве гаранта возврата кредита контролирует целевое

использование средств, а предприниматель с первых шагов получает знания о работе с традиционными источниками финансирования [17].

6. В системе образования необходимо учитывать передовой опыт наиболее успешных зарубежных университетов, применять инновационные методы обучения, увеличивать набор на STEM-специальности, привлекать студентов и педагогов к международным мероприятиям, обмениваться знаниями. Совершенствование педагогических подходов и инструментов подразумевает переориентацию на обучение практическому предпринимательству, реализацию деловых игр (бизнес-симуляций), применение консалтинговых услуг, создание обучающих программ для предпринимателей-мигрантов [13].

7. Формирование ассоциации выпускников предпринимательских университетов для укрепления деловых связей, обмена опытом, привлечения выпускников к процессу преподавания, осуществления поддержки в реализации индивидуальных стартапов.

Реализация комплекса стратегических рекомендаций позволит акцентуализировать значимость предпринимательских университетов в России, что будет способствовать укреплению правовых ценностей и социально-экономическому развитию, в том числе в регионах.

Обсуждение и заключение. Как показало проведенное исследование, деятельность предпринимательских университетов выходит далеко за рамки генерации знаний и развития предпринимательства. Признание концепции предпринимательского университета в качестве легитимной парадигмы, которой должны придерживаться учреждения высшего образования, обосновано динамическими возможностями данных организаций катализировать экономическое, социальное и правовое развитие общества [18]. Одной из миссий подобных организаций также является укрепление правовых ценностей посредством стабилизации социальной обстановки, укоренения принципа равноправия в сфере образования, выстраивания активной гражданской позиции обучающихся, включения федеральных и местных органов управления в социально-экономическое развитие общества, развитие региональной политики и ряда других факторов.

Выявление непроработанных аспектов в системе взаимодействия между централизованными органами власти, предпринимательским сектором, общественностью и представителями образовательных структур подчеркивают значимость продвижения концепции предпринимательского университета на территории Российской Федерации. Проведенное исследование вносит свой вклад в развитие данного направления, подчеркивая роль предпринимательских университетов в правовом и социальном развитии общества, а также предлагая всем заинтересованным сторонам решения социально-экономических барьеров на этом пути с учетом отечественной специфики – неравномерного распределения интеллектуальных и производственных сил, приверженности традиционным образовательным подходам, обособленности научных центров и предпринимательства. Обращаем внимание всего научного сообщества на необходимость дополнительных исследований в области организации предпринимательских университетов.

Список литературы / References

1. Rodríguez-Aceves L, Couto-Ortega M, Minola T, Markuerkiaga L, Hahn D. Entrepreneurial University Governance: The Case of a Cooperative University. *The Journal of Technology Transfer*. 2024;49:2200–2233. <https://doi.org/10.1007/s10961-024-10126-1>
2. Кларк Б. *Создание предпринимательских университетов*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 240 с.
3. Clark B. *Creating Entrepreneurial Universities*. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2019. 240 p. (In Russ.)
3. Казин Ф.А., Кондратьев А.В. Развитие концепции предпринимательского университета в вузах России. Новый инструментарий оценки. *Университетское управление: практика и анализ*. 2022;26(1):18–41. <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.01.002>
4. Kazin PhA, Kondratiev AV. The Development of the Concept of an Entrepreneurial University in Russian Higher Educational Establishments: New Method of Evaluation. *University Management: Practice and Analysis*. 2022;26(1):18–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.01.002>
4. Belitski M, Sikorski J. Three Steps for Universities to Become Entrepreneurial: A Case Study of Entrepreneurial Process and Dynamic Capabilities. *The Journal of Technology Transfer*. 2024;49:2035–2055. <https://doi.org/10.1007/s10961-024-10099-1>
5. Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет. *Вопросы образования*, 2007;(1):49–63.
6. Konstantinov GN, Filonovich SR. What is an Entrepreneurial University? *Voprosy obrazovaniya (Educational Studies*. 2007;(1):49–63. (In Russ.)

6. Петрова Т.В. Теоретические подходы к формированию правовых ценностей в современной системе образования. *Московский юридический журнал*. 2023;(4):45–54. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2023-4-45-54>
- Petrova TV. Theoretical Approaches to the Formation of Legal Values in the Modern Education System. *Moscow Juridical Journal*. 2023;(4):45–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2023-4-45-54>
7. Ибрагимова А.И. Исследование успешных практик создания предпринимательских университетов. *Актуальные исследования*. 2021;37(64):59–62. (In Russ.)
- Ibragimova AI. Study of Successful Practices of Creating Entrepreneurial Universities. *Aktualnye issledovaniya (Topical Studies)*. 2021;37(64):59–62. (In Russ.)
8. Ицковиц Г. Модель тройной спирали. *Инновации*. 2011;(4(150)):5–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-troynoy-spirali> (дата обращения: 31.06.2025).
- Itzkowitz G. The Triple Helix Model. *Innovatsii (Innovations)*. 2011;(4(150)):5–10. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-troynoy-spirali> (accessed: 31.06.2025).
9. Чмырь Ю.Ю., Гуремина Н.В., Беляев В.А. Проблемы и особенности формирования предпринимательского потенциала университетов в России и за рубежом. *Creative Economy*, 2017;11(1):19–28. <https://doi.org/10.18334/ce.11.1.37228>
- Chmyr YuYu, Guremina NV, Belyaev VA. Problems and Features of Entrepreneurial Capacity Formation of the Russian Universities and Abroad. *Creative Economy*. 2017;11(1):19–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ce.11.1.37228>
10. Farsi J, Imanipour N, Salamzadeh A. Entrepreneurial University Conceptualization: Case of Developing Countries. *Global Business and Management Research: An International Journal*. 2012;(4):193–204. URL: <https://ssrn.com/abstract=2057775> (accessed: 31.06.2025).
11. Костин К.Б. Особенности развития стран Северной Европы. *Российское предпринимательство*. 2018;19(1):313–334.
- Kostin KB. Developmental Characteristics of the Countries of Northern Europe. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2018;19(1):313–334. (In Russ.)
12. Носонов А.М. Факторы формирования предпринимательских университетов в России. *Современные проблемы науки и образования*. 2020;(4):30. <https://doi.org/10.17513/spno.29978>
- Nosonov AM. Factors of Formation of Entrepreneurial Universities in Russia. *Modern Problems of Science and Education*. 2020;(4):30. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/spno.29978>
13. Земцов С.П. Технологическое предпринимательство как фактор развития России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022;1(53):212–223. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11>
- Zemtsov SP. Echnological Entrepreneurship as a Development Factor of Russia. *Journal of the New Economic Association*. 2022;1(53):212–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11>
14. Земцов С, Чепуренко А, Михайлов А. Вызовы пандемии для технологических стартапов в регионах России. *Форсайт*. 2021;15(4):61–77. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.61.77>
- Zemtsov S, Chepurenko A, Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions. *Foresight and STI Governance*. 2021;15(4):61–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.61.77>
15. Пашентцев Д.А. Особенности регионального законодательства в сфере предпринимательской деятельности. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки*, 2015;(2(18)):56–60.
- Pashentsev DA. Features of Regional Legislation in the Field of Entrepreneurship. *MCU Journal of Legal Sciences*. 2015;(2(18)):56–60. (In Russ.)
16. Полозков М.Г., Андреев Е.В., Жарницкий В.Я., Баюк О.А. Технологическое предпринимательство как инструмент перехода на инновационный тип развития экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(5):67–77.
- Polozkov MG, Andreev EV, Zharnitsky VYa, Bayuk OA. Technological Entrepreneurship as a Tool for the Transition to an Innovative Type of Economic Development. *Economics, Taxes and Law*. 2022;15(5):67–77. (In Russ.)
17. Минеева Т.В. Бизнес-инкубатор как один из наиболее эффективных инструментов поддержки и развития предпринимательства. *Вестник Астраханского Государственного Технического Университета. Серия Экономика*. 2007;(2(37)):230–236.
- Mineeva TV. Business-Incubator as One of the Most Effective Tools of Support and Development of Business. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2007;(2(37)):230–236. (In Russ.)
18. Lehmann EE, Meoli M, Paleari S, Stockinger SA. The Role of Higher Education for the Development of Entrepreneurial Ecosystems. *European Journal of Higher Education*. 2020;10(1):1–9. <https://doi.org/10.1080/21568235.2020.1718924>

Об авторах:

Анастасия Борисовна Шумилина, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), nashum82@mail.ru

Наталья Александровна Анциферова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), nata-rui@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Б. Шумилина: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Анциферова: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia B. Shumilina, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), nashum82@mail.ru

Natalia A. Antsiferova, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), nata-rui@mail.ru

Claimed Contributorship:

AB Shumilina: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

NA Antsiferova: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 25.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 06.08.2025

Принята к публикации / Accepted 12.08.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 340.13

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-29-39>

Исторические этапы формирования и развития российской нормативно-правовой базы в сфере использования и охраны животного мира

С.В. Иванова^{1, 2} , С.В. Рыбак¹

EDN: JQWMEU

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Оренбургский институт (филиал) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, Российская Федерация

Svetoch_2504@mail.ru

Аннотация

Введение. Законодательство, касающееся охраны и использования животного мира, является важным элементом экологической политики любого государства, поскольку оно обеспечивает правовую основу для сохранения биоразнообразия, устойчивого использования природных ресурсов и защиты окружающей среды. Цель настоящего исследования состоит в анализе исторических этапов формирования и развития законодательства о животном мире в России, его современного состояния, а также в выявлении ключевых тенденций и направлений для совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили научные и исторические источники, касающиеся формирования законодательства о животном мире в России, а также современная отечественная нормативно-правовая база. Методы исследования включали: историко-правовой анализ; сравнительно-правовой метод; интерпретационный подход, направленный на выявление тенденций в развитии законодательства; проблемно-хронологический подход для систематизации информации.

Результаты исследования. Всестороннее изучение подходов к регулированию сферы охраны и использования животного мира в России в разные исторические периоды позволило проследить, как изменялось отношение общества к этому вопросу, какие правовые механизмы использовались для защиты животного мира, и как эти механизмы адаптировались к изменяющимся условиям. Так, в дореволюционный период законодательство о животном мире основывалось на локальных нормах и традициях, системные правовые акты отсутствовали, а охрана природы зачастую сводилась к защите охотничьих угодий дворян, регулированию промысла животных и поддержке местных экосистем без учета глобальных экологических последствий. В советский период в стране была создана система правовых актов, направленных на защиту окружающей среды, регулирование охоты, рыболовства и заповедников. Это дало возможность достичь определенного баланса между развитием экономики и сохранением биоразнообразия, что, безусловно, оказало большое влияние на формирование современного законодательства Российской Федерации в области использования и охраны животного мира. Сформулированные авторами предложения и рекомендации касаются дальнейшего совершенствования природоохранных правоотношений.

Обсуждение и заключение. Эволюция законодательства о животном мире отразила трансформацию государственной политики, научных подходов и отношения общества к природе на протяжении столетий. При дальнейшей оптимизации отечественной природоохранной правовой базы важно учитывать положительные примеры из прошлого, адаптируя их к современным потребностям и условиям экологической защиты.

Ключевые слова: животный мир, охота, рыболовство, природные ресурсы, охрана животного мира, законодательство, Россия, дореволюционный период, советский период

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Иванова С.В., Рыбак С.В. Исторические этапы формирования и развития российской нормативно-правовой базы в сфере использования и охраны животного мира. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(3):29–39. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-29-39>

Original Theoretical Research

Historical Stages in the Formation and Evolution of the Russian Regulatory Framework on the Use and Protection of Fauna

Svetlana V. Ivanova^{1, 2} , Svetlana V. Rybak¹

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University Named after O.E. Kutafin (MSAL), Orenburg, Russian Federation

 Svetoch_2504@mail.ru

Abstract

Introduction. The legislation on the use and protection of fauna is an integral part of the environmental policy of any state, since it provides a legal framework for preservation of biodiversity, sustainable use of natural resources and environmental protection. The aim of the study is to analyse the historical stages in the formation and evolution of the fauna-regulating legislation in Russia, its state-of-the-art, and to identify the leading trends and directions for enhancement of legal regulation in this field.

Materials and Methods. The research materials consisted of the scientific and historical sources on the formation of the fauna-regulating laws in Russia, as well as the acting national regulatory framework. The research methods included: historical and legal analysis, comparative legal method, interpretive approach aimed at identifying trends in the development of legislation, problem-chronological approach to systematisation of information.

Results. A comprehensive study of the approaches to regulation of fauna protection and use existing in Russia in different historical periods made it possible to trace the way the attitude of society towards this issue changed, the kind of legal mechanisms were used to protect fauna, and the way these mechanisms adapted to the changing conditions. Thus, in the pre-revolutionary period, fauna-regulating legislation was based on the local norms and traditions, there were no systemic legal acts, and nature preservation was often limited to protection of the hunting grounds of nobles, regulation of hunting and support of the local ecosystems without taking into account global environmental consequences. During the Soviet period, a system of legal acts aimed at protecting the environment, regulating hunting, fishery and game reserves' activity was created in the country. That made it possible to achieve a certain balance between the development of economy and preservation of biodiversity, which, indeed, had greatly affected the formation of modern Russian legislation on the use and protection of fauna. The proposals and recommendations formulated by the authors refer to further improvement of the legal relationships in the field of environmental protection.

Discussion and Conclusion. The evolution of fauna-regulating legislation reflects across-the-centuries transformation of the state policy, scientific approaches and attitude of society to the nature. During further optimisation of the national legal framework on environmental protection, it is vital to take into account the positive examples from the past, and adapt them to the modern environmental protection needs and conditions.

Keywords: fauna, hunting, fishery, natural resources, protection of fauna, legislation, Russia, pre-revolutionary period, Soviet period

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Ivanova SV, Rybak SV. Historical Stages in the Formation and Evolution of the Russian Regulatory Framework on the Use and Protection of Fauna. *Legal Order and Legal Values.* 2025;3(3):29–39. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-29-39>

Введение. Животный мир России представляет собой неотъемлемую часть национального природного богатства, поэтому обращение к историческому опыту управления биологическими ресурсами обладает значительной теоретической и практической ценностью для совершенствования нормативно-правовой базы в данной области. Современное законодательство Российской Федерации, регулирующее охрану и использование животного мира, имеет глубокие исторические корни, идущие от эпохи Древней Руси, через царские времена и советский период до наших дней. Каждый из этих этапов внес значительный вклад в развитие правовой базы, на которой сегодня основывается российское законодательство в области охраны природы и ее ресурсов. Анализ исторических нормативных актов позволит выявить не только эволюцию подходов к охране животного мира, но и взаимосвязь правовых, экономических и социальных факторов, которые обуславливают развитие данной сферы. Кроме того,

учитывая актуальные глобальные экологические вызовы в сфере устойчивого природопользования и сохранения биоразнообразия, целесообразно вспомнить исторически апробированные подходы, доказавшие свою эффективность, и адаптировать их к современным реалиям. Это будет способствовать минимизации ошибок, укреплению принципов рационального использования природных ресурсов и обеспечению оптимального баланса между удовлетворением потребностей общества и охраной дикой природы [1].

Цель работы – исследование исторических этапов формирования и развития законодательства России о животном мире, анализ его современного состояния, а также выявление ключевых тенденций и направлений для совершенствования природоохранного права. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, проанализировать правовые нормы дореволюционного периода, регулирующие использование и охрану животного мира, включая их связь с традиционными укладами жизни и экономическими условиями того времени. Во-вторых, охарактеризовать ключевые меры, предпринимаемые в этом направлении в советский период. В-третьих, оценить историческое значение правовой деятельности этих периодов для формирования современной системы законодательства Российской Федерации об охране животного мира. В-четвертых, сформулировать предложения и рекомендации для дальнейшего законотворческого процесса.

Материалы и методы. Основными материалами для исследования послужили: исторические источники (законы, указы, постановления); национальные законодательные акты (законы об окружающей среде, природопользовании и защите биоразнообразия); научные работы, монографии и статьи экспертов в области экологического законодательства. Для исследования эволюции и сопоставления дореволюционного и советского периодов формирования законодательства о животном мире использовались историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Интерпретационный подход позволил выявить тенденции в развитии законодательства, а проблемно-хронологический подход – систематизировать информацию в контексте социально-экономических, политических и экологических процессов, характерных для соответствующих периодов.

Результаты исследования. Фаунистическое законодательство в Древней Руси начало формироваться с момента принятия Русской Правды (XI в.) – одного из первых письменных сборников норм права. Во второй части Краткой редакции данного документа (Краткой Правде) устанавливались меры имущественной ответственности за совершение противоправных действий, таких как кража. Напомним, что в тот исторический период дикие животные рассматривались как объекты частной собственности, принадлежащие конкретным охотничим угодьям, поэтому определялись в рамках имущественного права. Таким образом, охрана животного мира в Древней Руси носила утилитарный характер, а правовые предписания отражали заботу об имущественных интересах владельцев природных ресурсов, запрещая их незаконный захват или использование. В рамках Русской Правды довольно четко регулировались права на добычу и использование таких ресурсов, как дикие животные, бортные деревья (медоносные угодья), а также рыболовство. Эти положения служили гарантами сохранения экономической стабильности, поскольку природные ресурсы являлись ключевым элементом ведения хозяйственной деятельности.

Делегирование полномочий в сфере охраны природы местным органам власти началось в период становления единого Русского государства (XV–XVI вв.). Исключительное право собственности и пользования природными ресурсами, включая водные объекты, леса, земельные участки и объекты животного мира, закреплялось посредством выдачи специальных документов – жалованных, заповедных и охранных грамот. Эти документы отражали первые попытки регулировать природопользование для предотвращения чрезмерной эксплуатации природных ресурсов: охрана отдельных видов животных (бобров и рыбы, например) рассматривалась как важная задача, связанная с сохранением экологического равновесия и экономическими интересами государства. Наложение штрафов за нарушения можно трактовать как раннюю форму административной ответственности, которая служила инструментом воздействия на нарушителей установленных правил.

Рыболовство занимало важное место в хозяйственной деятельности населения и служило источником уплаты различных крестьянских повинностей. В соответствии с положениями Псковской судной грамоты (XV в.) рыболовы были обязаны регулярно предоставлять часть добытого улова в качестве установленного платежа. Земельные угодья, находившиеся в собственности князей, предоставлялись в пользование для осуществления рыболовного промысла также на основе специальных грамот. Лица, не упомянутые в указанных актах, могли получить доступ к данным ресурсам исключительно с разрешения их собственника.

Запретительные нормы законодательства данного периода, например, положения Судебника 1589 г., ограничивали доступ к охотничим угодьям, принадлежащим частным владельцам. Для легального осуществления деятельности на данных территориях требовалось документальное подтверждение, регулирующее как права владения, так и порядок пользования природными ресурсами. Использование объектов животного мира третьими лицами строго запрещалось. В рамках современного правового подхода данные грамоты могут быть интерпретированы как правовые договорные конструкции, предусматривающие передачу права изъятия объектов животного

мира, – по аналогии с современными договорами на использование ресурсов рыболовства либо с охотхозяйственными соглашениями, направленными на закрепление и организацию доступа к природным ресурсам.

Следующей вехой в истории развития российского законодательства о природопользовании стало Соборное уложение 1649 г.¹ Согласно его положениям, крестьяне не могли свободно извлекать выгоду из таких природных ресурсов, как рыболовные угодья, бобровые гоны или перевесья, без выплаты установленного оброка. Такой способ предоставления участков и промысловых угодий стал важной юридической практикой эпохи, обеспечивая баланс между владельцами ресурсов и их пользователями: с одной стороны, он гарантировал помещикам или государственным владельцам доход, а с другой – закреплял право крестьян на доступ к этим ресурсам при соблюдении определенных условий. Данные правовые нормы (ст. 23 Главы XVII) отражали стремление к систематизации и управлению природными ресурсами, что было актуально в условиях роста экономического значения охоты, рыболовства и других видов промыслов в хозяйственной жизни того времени.

Согласно ст. 241 Главы X Соборного уложения владелец лесных угодий был обязан предоставить возможность ловли рыбы на водоемах, расположенных на его территории, если это предусмотрено законом. При этом собственник земельного участка, не обремененного сервитутом, обладал правом свободного распоряжения своим имуществом, однако данное право ограничивалось рамками действующего законодательства, особенно в случаях, когда действия собственника влияли на права других лиц или окружающую среду. Ст. 242 устанавливала ответственность за незаконную рыбную ловлю на озерах и прудах, принадлежащих другому владельцу. Незаконное использование водных объектов подразумевало не только нарушение имущественных прав владельца, но и экологический вред, который мог быть нанесен данным объектам. Требование возмещения ущерба служило механизмом защиты права собственности и стимулировало население к соблюдению установленных норм и правил².

Соборное уложение 1649 г. содержало также положения, регулирующие защиту охотничьих угодий, которые являлись в основном царской или боярской собственностью. Установление правил охоты не только обеспечивало сохранение ресурсов для элиты, но и было частью широкой государственной политики, направленной на поддержание дворянских привилегий. Особенно пристальное внимание уделялось регулированию царской охоты, имеющей важное символическое значение, – как элемент царской власти и статуса. Нарушения предписанных норм рассматривались как посягательство на государственную систему или привилегии правящего сословия, и наказания за такие преступления были действительно крайне жестокими – удары кнутом, батогами, отсечение уха или даже кисти руки. Подобная суровость была обусловлена социальной и правовой системой того времени, при которой личная собственность имела огромный вес, а наказания выполняли функцию не только возмездия за нарушение, но и устрашения для предотвращения аналогичных действий. Со временем, с развитием правовой системы, наказания стали более гуманными и зачастую сводились к штрафам и компенсации ущерба [2].

В период правления Петра I начался кардинальный пересмотр законодательства в сфере управления и использования природных ресурсов [3]. В стране назрела необходимость системного подхода к природопользованию, поскольку чрезмерная эксплуатация водоемов и охотничьих угодий грозила подорвать экономическую базу государства. Устав «О рыбной ловле» 1704 г. стал одним из важнейших документов, регламентирующих права и обязанности пользователей водных ресурсов и отражающих стремление Петра I к упорядочиванию различных сфер жизни, развитию законодательства и укреплению вертикали власти. Устав состоял из 41 статьи и включал положения, направленные на защиту рыбных запасов, регулирование порядка рыбной ловли, а также предотвращение бесконтрольного использования водоемов. В документе содержались ограничения на использование особо ценных пород рыб, определялись сезоны разрешенной ловли и меры пресечения браконьерства, запрещались хищнические методы добычи рыбы (самоловы, заколы, поддевы и другие неподобающие способы). Одной из ключевых задач Устава было создание норм, которые обеспечивали бы рациональное использование водных ресурсов и защиту определенных категорий водоемов, включая те, что находились в царском или государственном владении. Введение сборов и налогов за пользование природными ресурсами принесло дополнительный доход в государственную казну. По сути, Устав «О рыбной ловле» 1704 г. стал предтечей современного экологического и природоохранного законодательства, заложив фундамент для рационального использования природных богатств.

В эпоху Екатерины II законотворчество в этой сфере продолжилось. В 1769 г. императрица издала указ, согласно которому охота в окрестностях Санкт-Петербурга разрешалась только по охотничьим билетам, а Манифестом 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах её содержащиеся» предоставила землевладельцам исключительные полномочия по управлению лесами, включая заповедные территории. Поскольку леса служат естественной средой обитания диких

¹ Соборное уложение 1649 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_10 (дата обращения: 01.07.2025).

² Чистяков О.И. (общ. ред.) *Российское законодательство X–XX веков: в 9-и т. Т. 3. Акты Земских соборов*. Москва: Юрид. лит.; 1985. С. 319.

животных, логично предположить, что фауна, находившаяся в границах имений, также рассматривалась как часть их собственности.

Для защиты охотничьих ресурсов от пагубного воздействия человека создавались разнообразные общественные организации. Например, при Александре II в 1872 г. было основано Императорское общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, задачи которого включали всестороннее изучение российских охотничьих промыслов и работу по их совершенствованию, сохранение ценных видов животных, борьбу с вредоносными представителями фауны, а также разработку методов увеличения численности и разведения животных, имеющих охотничье и промысловое значение.

Закон «Правила об охоте», утвержденный императором Александром III в 1892 г., регламентировал охраняемые территории, разрешенные виды охоты (включая ружейную и псовую), меры по охране природных ресурсов, а также устанавливал четкие ограничения на охоту в определенные сезоны. Теперь охота допускалась исключительно при наличии именного охотничьего свидетельства, выдаваемого на ограниченный срок (один год) зафиксированную денежную плату. Документ не выдавался лицам, находящимся под полицейским надзором, а также тем, кто был осужден за нарушение установленных правил. Правила детально определяли порядок использования охотничьих угодий, расположенных на землях частной, городской или ведомственной собственности. Были введены ограничения на отлов определенных видов диких животных в конкретные временные периоды. В законе также были указаны виды хищных («вредных») зверей и птиц. Кроме того, нормативные акты определяли обязанности органов, которые следили за соблюдением законных требований. Функции контроля осуществлялись сотрудниками полиции, представителями лесного ведомства, инспекторами охраны лесов, должностными лицамидельного ведомства, корпусом лесничих и охотничими инспекторами. Таким образом, «Правила об охоте» 1892 г. явились совокупностью правовых, экономических и организационных мер, нацеленных на сохранение баланса между интересами общества и государства в вопросах охраны и рационального использования природных ресурсов.

В XVIII – начале XX вв. характер природоохранной политики Российской империи определялся экономическими и военными интересами. Правовое регулирование касалось главным образом охоты, рыболовства, морского промысла и бортничества, и было направлено не столько на охрану природы, сколько на рациональное использование ресурсов для сохранения их полезности и воспроизводства. Вообще, отличительными чертами дореволюционного законодательства о животном мире было внимание к упорядочению хозяйственной деятельности с целью ресурсообеспечения и значительная прогрессивность. Активное развитие международного сотрудничества, особенно в сфере морского промысла, способствовало более рациональному использованию рыбных ресурсов: примером служат международные соглашения, направленные на регулирование размеров улова, защиту определенных видов рыбы и установление территорий, предназначенных для охраны морских экосистем [4].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что законодательные меры в области использования природных ресурсов, принятые в период от создания Русской Правды до реформ Петра I, служили основой для формирования системы защиты животного мира, ключевой задачей которой было предотвращение хищнического истребления отдельных видов. Это свидетельствует о раннем осознании ценности дикой природы и необходимости ее сохранения. Уже тогда начали формироваться подходы, направленные на ограничение охоты и рациональное использование природных ресурсов. В последующие века охрана природы приобрела более упорядоченный характер, с акцентом на регулирование промыслов на государственном уровне. Развитие системы правовых, экономических и управленческих мер свидетельствовало о стремлении создать устойчивые механизмы сохранения фауны. Запреты и ограничения на эксплуатацию определенных видов, использование административной и уголовной ответственности за нарушения, а также внедрение платного доступа к ресурсам природы подчеркивали серьезность государственного контроля. Создание заповедных охраняемых территорий и другие природоохранные инициативы были направлены на поддержание экосистем и предотвращение истощения природных ресурсов. Особое внимание уделялось разработке территориальных норм, учитывающих специфику природных условий отдельных регионов. Такой территориальный подход нашел отражение и в современном законодательстве Российской Федерации, которое продолжает совершенствоваться, держа фокус на сохранении биоразнообразия и устойчивом использовании биологических ресурсов [5].

После Октябрьской революции 1917 г. и установления советской власти на территории страны началось кардинальное реформирование правовых норм, касающихся природных ресурсов и животного мира. Декрет о земле³ стал важнейшей частью советской политики по радикальной трансформации имущественных и природоресурсных отношений. Национализация земли, провозглашенная Декретом, фактически представляла собой не только отмену частной собственности на землю, но и базу для последующего регулирования всех природных ресурсов.

³ Декреты Советской власти. Т. I. Москва: Гос. изд-во полит. лит.; 1957. С. 17.

Согласно положениям Декрета земли, недра, леса и воды передавались в общенациональное пользование, под управлением государства или местных органов, что получило закрепление в нормативно-правовом поле. На основании ст. 3 Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г.⁴ был установлен правовой механизм национализации природных ресурсов, охватывающий, в том числе, «живой и мертвый инвентарь» – данный термин коррелирует с современным понятием «животный мир» и свидетельствует о включении фауны в перечень национализированных объектов. Отсутствие отдельного правового закрепления животного мира как самостоятельного природного объекта в текстах Конституций СССР и РСФСР отражает характерные для того времени представления: животный мир рассматривался скорее как элемент лесов, вод или земель, что было обусловлено общей тенденцией к упрощению нормативного регулирования и отсутствием четко выраженной экологической концепции [6]. Лишь со временем, с развитием экологического права и осознанием значения животного мира как уникального элемента экосистем, законодательство начало выделять его в отдельную категорию.

Однако для специфических аспектов использования объектов животного мира, таких как охота, рыболовство и управление биологическими ресурсами на охраняемых природных территориях, применялись специализированные нормы фаунистического законодательства [7]. Первые годы существования СССР характеризовались активным принятием нормативных актов, направленных на регламентацию охотниччьего хозяйства, предотвращение нарушений правил охоты, обеспечение охраны и воспроизводства рыбных ресурсов, а также регулирование иных аспектов природопользования. И если во времена Российской империи регулирование охоты основывалось на сословных и имущественных привилегиях, которые отражались в выдаче охотничьих билетов через Егермейстерскую контору в Министерстве Императорского Двора или по усмотрению владельцев частных угодий, то в советский период охота стала рассматриваться не как привилегия, а как элемент плановой экономики и государственной заботы об охране природы. Одним из ключевых нормативных актов, регулирующих деятельность в области охоты, стал Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие» (1919 г.), в котором закреплялись временные рамки разрешенного осуществления охотничьей деятельности, а также вводились ограничения на добычу отдельных видов животных. Этот подход стал предпосылкой для современного правового регулирования охоты в Российской Федерации, где охотничьи билеты и разрешения выдаются в соответствии с федеральными законами, а использование угодий строго регламентировано.

Особое значение имел также Декрет СНК об охоте (2020 г.), предоставлявший советским гражданам возможность заниматься охотой после достижения возраста, предусмотренного для признания их юридически дееспособными. В рамках исполнения Декрета были разработаны нормативные правовые акты, детализировавшие порядок осуществления охотничьей деятельности, допустимые методы ее ведения, сроки и временные периоды ее реализации [1]. Право на осуществление охоты и оформление охотничьего билета предоставлялось на безвозмездной основе, без налогообложения и обязательных финансовых отчислений. Регулирование охотничьей деятельности находилось в компетенции Народного комиссариата земледелия, а контроль за выполнением указанных норм осуществляли соответствующие уполномоченные органы – охотовластственные управления, органы милиции, лесная администрация, а также представители профильных охотничьих организаций. Данные правила имели универсальный характер и распространялись на всех граждан Советского Союза. Указанный нормативный правовой акт, с одной стороны, определял перечень субъектов, наделенных правом осуществления охотничьей деятельности, с другой стороны, вводил обязательный сбор за использование ресурсов охотничьего фонда. Реализация права на охоту была строго ограничена условием обязательного членства во Всероссийском производственном союзе охотников, что обеспечивало централизованный контроль и надзор за данной сферой деятельности.

В условиях интенсификации экономической эксплуатации природных ресурсов, включая объекты животного мира, руководство РСФСР указывало на необходимость разработки и внедрения комплекса мероприятий, направленных на сохранение и рациональное использование природного потенциала. С этой целью в 1921 г. был принят Декрет СНК «Об охране памятников природы, садов и парков», который, однако, не привел к существенному улучшению ситуации. По мнению М.М. Бринчука, причиной этого стала одна из ключевых недоработок закона – отсутствие предложений эффективных мер по охране природы и практических механизмов их реализации [8].

В 1930 г. было утверждено «Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР», в котором устанавливались нормы содержания государственного охотничьего фонда, вводились определения охотничьих хозяйств, заповедников и заказников, а также закреплялись основы организаций промысловой и спортивной охоты. Кроме того, документ

⁴ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10.07.1918. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 01.07.2025).

предусматривал комплекс мероприятий, направленных на охрану и воспроизведение популяций охотничьих животных. Согласно положениям, утвержденным в 1960 г.⁵, охота трактовалась как деятельность, направленная на изъятие объектов животного мира в условиях их естественного обитания. Руководство деятельностью охотхозяйств на территории РСФСР, контроль и надзор за их деятельностью возлагались на Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. Государственная политика в этой области была направлена на обеспечение устойчивого роста популяций охотничьих видов, совершенствование мер противодействия незаконной добыче объектов животного мира и разработку механизмов, способствующих экологической стабильности и рациональному управлению ресурсами в данной сфере.

Что касается рыбной отрасли, ключевые принципы здесь формировались Декретом ВЦИК и СНК «Об организации управления рыбным хозяйством РСФСР» (1922 г.)⁶. На рыболовный надзор возлагались широкие функции по обеспечению сохранности водных биоресурсов, пресечению незаконного вывоза рыбы из монопольных районов, выдаче разрешений на ее транспортировку, профилактике хищений и сбору статистической информации. В научной литературе акцентировалось внимание на том, что возложение на уполномоченные органы чрезмерного объема обязанностей при ограниченности материально-технических ресурсов, включая дефицит транспортных средств, отрицательно сказывалось на реализации их ключевой функции, связанной с охраной водоемов [9]. Кроме того, органы рыбнадзора, являясь частью исполнительной власти, одновременно осуществляли функции, свойственные законодательным органам, что приводило к несовместимости их полномочий.

Правоотношения в сфере спортивного рыболовства регулировались нормативно-правовыми документами, направленными на организацию деятельности рыболовов-спортсменов⁷. Основу данной регламентации составляли положения, определяющие цели и задачи специализированных организаций, ключевой из которых является охрана и воспроизведение рыбных запасов [10]. Спортивное рыболовство представляло как массовый вид спортивной деятельности, объединяющий трудящихся и способствующий их вовлечению в природоохранную и рекреационную практику.

С конца 1950-х гг. в СССР началась активная работа по инвентаризации природных богатств, что повлекло за собой расширение охранных мер (были ужесточены санкции за браконьерство и уничтожение редких видов животных) и системное закрепление нормативных актов, регулирующих использование природных ресурсов. Так, в «Основах водного законодательства Союза ССР и союзных республик» (1970 г.)⁸ была установлена связь между охраной водных объектов и развитием таких отраслей, как рыбное и охотничье хозяйство, при этом особое внимание уделялось их использованию в рамках экологически допустимых норм. Право на добычу представителей дикой фауны предоставлялось определенным категориям субъектов, включающих физических и юридических лиц, согласно постановлению Совмина РСФСР (1971 г.)⁹.

Аналогично в «Основах лесного законодательства Союза ССР и союзных республик» (1977 г.)¹⁰ содержались положения, направленные на рациональное освоение лесных ресурсов, учитывая их значимость как среды обитания диких животных и ключевого элемента функционирования охотничьего хозяйства. Комплексный характер нормативного регулирования обеспечивал механизм увязки экономических интересов с задачами сохранения биологического разнообразия [11]. Однако на практике часто возникали противоречия между требованиями охраны природы и хозяйственными интересами, что создавало серьезные трудности в реализации норм закона. Регулирование вопросов сохранения естественной среды обитания диких животных посредством отдельных правовых актов неправлялось с задачей, требовалось принятие фундаментального кодифицированного акта, который бы системно урегулировал данные правоотношения. На значимость подобного решения неоднократно указывалось в специализированной юридической литературе [12].

Конституция СССР, принятая в 1977 г., впервые упоминала животный мир в качестве самостоятельного природного объекта, равнозначного по статусу землям, недрам, водным ресурсам и лесным массивам¹¹. Союзным республикам предоставлялось право самостоятельно осуществлять управление биологическими ресурсами,

⁵ Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР. Постановление Совмина РСФСР № 1548 от 10.10.1960. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2320/ (дата обращения: 01.07.2025).

⁶ Об организации управления рыбным хозяйством РСФСР. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25.09.1922. СУ РСФСР. 1922;(61). Ст. 780.

⁷ О рыбной промышленности и рыболовстве. Декрет СНК РСФСР от 31.05.1921. URL:https://wfi.lomasm.ru/русский.декреты_ссср_1917-1992/декрет_снк_рсфср_от_31.05.1921_о_рыбной_промышленности_и_рыболовстве (дата обращения: 01.07.2025).

⁸ Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик от 10.12.1970. Ведомости Верховного Совета СССР. 1970;(50).

⁹ Об упорядочении отстрела диких копытных животных. Постановление Совета Министров РСФСР № 472 от 17.08.1971. Свод законов РСФСР. 1988;(4):389.

¹⁰ Об утверждении Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик. Закон СССР № 5906-IX от 17.06.1977. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44612#JiLaiuUgXMZTdwut> (дата обращения: 01.07.2025).

¹¹ Конституция СССР 1977 года. Свод законов Союза Советских Социалистических Республик. Т. 3. Москва: Юрид. литература; 1990. С. 14.

находящимися на их территории, а также разрабатывать и устанавливать нормативно-правовые акты, регулирующие порядок их использования и меры охраны.

В 1982 г. в РСФСР был принят закон «Об охране и использовании животного мира»¹², ставший важным этапом в формировании комплексного и системного подхода к интеграции правовых норм, регламентирующих систему управления и охраны окружающей среды. В положениях закона акцентировалась необходимость развития эффективной системы государственного управления, а особое внимание уделялось разработке мер по сохранению популяций диких животных и защите их естественной среды обитания.

В целом, в советский период законодательство в сфере животного мира сосредотачивалось преимущественно на управлении ресурсами, связанными с охотничими и промысловыми видами деятельности, а также на сохранении редких видов фауны, не входящих в указанные категории [13]. С этой целью разрабатывались специальные нормативные акты, регламентирующие меры по контролю и уничтожению диких животных, классифицированных как «вредные». Вопросы экологии и социального аспекта использования ресурсов животного мира не занимали центрального места в тогдашней государственной политике [14], скорее наблюдалась тенденция к потребительскому использованию природы: ведомственное регулирование, играя ведущую роль, зачастую фокусировалось на обеспечении промышленного, сельскохозяйственного и лесного развития, что вело к эколого-экономическим дисбалансам. Основное внимание уделялось извлечению пользы из природных ресурсов. В результате естественная среда обитания диких животных разрушалась в процессе активного освоения земель, интенсивного использования лесных массивов, строительства промышленных объектов и инфраструктуры. Все это снижало численность отдельных видов, негативно влияя на биоразнообразие, и создавало угрозу для устойчивого использования ресурсов [15].

В стране остро назревала необходимость пересмотра стратегии управления и перехода от ведомственного и узкоцелевого подхода к комплексному экологическому подходу, который начал формироваться уже ближе к концу советского периода. Так, одной из значимой инициатив советской эпохи стало вовлечение общественности в вопросы охраны природы. Информирование общественности о состоянии экосистем, создание механизмов для участия граждан в природоохранной деятельности и принятии соответствующих решений стало важным шагом в формировании системы, способной учитывать интересы различных групп населения. Роль общественных природоохранных организаций (Всероссийское общество охраны природы, дружины охраны природы) возрас-тала, они становились связующим звеном между органами государственной власти и народом, содействуя разработке программ, направленных на улучшение состояния окружающей среды и сохранение биоразнообразия.

Сейчас, в условиях глобального экологического кризиса, возникает необходимость разработки и внедрения современных моделей правового регулирования, которые интегрировали бы экологический, социальный и экономический аспекты. Однако переходя к разговору о ключевых тенденциях и направлениях для совершенствования законодательства РФ в данной сфере, подчеркнем, что некоторые из рассмотренных исторических правовых и организационных подходов в деле сохранения и рационального использования животного мира остаются актуальными и сегодня. Они заложили основу для устойчивого взаимодействия человека с окружающей средой, помогли достичь определенного баланса между развитием экономики и заботой о природе. Система государственного управления охотничьим и рыбным хозяйством, созданная в советский период, получила высокую оценку в юридической литературе, поэтому важно учитывать исторический опыт, который демонстрирует, что сочетание экономических рычагов и строгого регулирования дает наилучшие результаты.

Например, можно развивать системы налоговых льгот для предприятий, внедряющих экологически чистые технологии, или предоставлять субсидии на восстановление природных ресурсов. Также целесообразно усилить контроль за целевым использованием финансовых, выделяемых для природоохранных мероприятий. Введение современных цифровых технологий мониторинга и учета может значительно повысить точность и прозрачность реализации этих мер.

Вместе с тем необходимо разрабатывать программы, которые бы поощряли использование устойчивых практик в сельском хозяйстве, лесопользовании и рыболовстве. Особую значимость приобретает модернизация механизмов, направленных на воспроизводство объектов животного мира. Это предполагает оптимизацию соответствующей правовой базы, а также создание условий для гармонизации интересов государства и общества в сфере природопользования.

Участие граждан в процессах экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду обеспечивает прозрачность и открытость принимаемых решений, поэтому активное вовлечение общественности представляет собой один из ключевых элементов формирования современной эффективной системы устойчивого использования и охраны животного мира.

¹² Об охране и использовании животного мира. Закон РСФСР от 14.07.1982. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982;(29). Ст. 1029.

Обсуждение и заключение. В рассматриваемые исторические периоды существования нашей страны различные правовые и организационные подходы играли значимую роль в деле сохранения и рационального использования животного мира. Например, введение разрешений на использование природных ресурсов и установление строгих правил охоты и рыболовства помогали предотвращать хищническую эксплуатацию природы. Создание охраняемых территорий, таких как заповедники и заказники, стало важным шагом на пути сохранения биоразнообразия. Также значительную роль сыграло развитие природоохранного законодательства, которое постепенно интегрировало научные знания об экосистемах.

Положительный опыт регулирования фаунистических правоотношений, сформированный в предыдущие периоды, представляет собой основу для адаптации отдельных правовых норм к современным социально-экономическим и экологическим условиям, позволяя обеспечить оптимальный баланс интересов граждан, общества и государства. При дальнейшей оптимизации правовой системы следует учитывать, что экономическая мотивация, подкрепленная жесткой законодательной нормой, стимулирует субъектов к более ответственному отношению к природным ресурсам.

Список литературы / References

1. Иванова С.В. Этапы становления законодательства о животном мире. *Аграрное и земельное право*. 2016;(10(142)):96–100.
2. Ivanova SV. Stages of Formation of the Law on The Animal World. *Agrarian and Land Law*. 2016;(10(142)):96–100. (In Russ.)
3. Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской правды» до петровских времен. *Государство и право*. 1996;(8):136–146.
4. Bulgakov MB, Yalbulganov A.A. Nature Protection Legal Acts: From the “Russkaya pravda” to the Times of Peter the Great. *State and Law*. 1996;(8):136–146. (In Russ.)
5. Голиченков А.К., Новицкая Т.Е., Чиркин С.В. Очерки истории экологического права: развитие правовых идей охраны природы. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 1991;(1):50–57.
6. Golichenkov AK, Novitskaya TE, Chirkin SV. Essays on the History of Environmental Law: Development of Legal Concepts on Environmental Protection. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 1991;(1):50–57. (In Russ.)
7. Иванова С.В. Международно-правовая охрана животного мира. *Аграрное и земельное право*. 2016;(12(144)):129–133.
8. Ivanova SV. International Legal Protection of Animal World. *Agrarian and Land Law*. 2016;(12(144)):129–133. (In Russ.)
9. Дойников П.И. О фаунистическом праве и его соотношении с основными отраслями российского права. *Аграрное и земельное право*. 2021;(3(195)):102–107. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2021_3_102
10. Doynikov PI. On Faunal Law and Its Relation to the Main Branches of Russian Law. *Agrarian and Land Law*. 2021;(3(195)):102–107. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1329_2021_3_102
11. Дойников И.В. О правовой природе фаунистических отношений. *Право и государство: теория и практика*. 2021;(5(197)):174–178. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_5_174
12. Doynikov IV. On the Legal Nature of Faunal Relations. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;(5(197)):174–178. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_5_174
13. Ерещенко Д.В. Правовая охрана редких и исчезающих видов животных. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020;11–2(50):164–167. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11409>
14. Ereshchenko DV. Legal Protection of Rare and Disappearing Animals. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;11–2(50):164–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11409>
15. Бринчук М.М. Экологическое право. Учебник для высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Москва: Эксмо; 2010. 730 p. (In Russ.)
16. Brinchuk MM. *Environmental Law. Textbook for Higher Educational Institutions Studying the “Jurisprudence” Specialism*. Moscow: Eksmo; 2010. 730 p. (In Russ.)
17. Киселевич К.А., Собгайда В.К. (сост.) *Обзор деятельности Астраханской Областрыбы за 1922 г.: (По ее отчетам)*. Астрахань: Коммунист; 1923. 51 с.
18. Kiselevich KA, Sobgaida VK. (Eds.) *Review of the Activities of the Astrakhan Region Oblastryby (Fishery Organisation) for 1922: (Based on Its Reports)*. Astrakhan: Kommunist; 1923. 51 p. (In Russ.)
19. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Диффузия экологических прав: конституционно-правовой аспект. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;(9(61)):140–152. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.61.9.140-152>

- Zhavoronkova NG, Shpakovskiy YuG. Diffusion of Environmental Rights: Constitutional and Legal Aspect. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(9(61)):140–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.61.9.140-152>
11. Молодчикова А.В., Симакова К.Л. Актуальные проблемы правовой охраны животного мира и среды его обитания. Пути их решения. *Вопросы российской юстиции*. 2022;(20):381–395.
- Molodchikova AV, Simakova KL. Current Problems Of Legal Protection of Wildlife and Its Habitat. Ways of Their Solution. *Voprosy rossiiskoi yustitsii (Issues of Russian Judiciary)*. 2022;(20):381–395. (In Russ.)
12. Заславская Л.А. Кодификация законодательства о животном мире. *Советское государство и право*. 1978;(12):78–82.
- Zaslavskaya LA. Codification of Legislation on the Animal World. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo (Soviet State and Law)*. 1978;(12):78–82. (In Russ.)
13. Меркулова В.В., Митякина Н.М. Актуальные правовые проблемы охраны животного мира. В: *Труды Международной научно-практической конференции «Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы»*. Москва; 2023. С. 71–75. <https://doi.org/10.26118/3155.2023.56.53.018>
- Merkulova VV, Mityakina NM. Current Legal Problems of Wildlife Protection. In: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Digital Society: Scientific Initiatives and New Challenges*. Moscow; 2023. P. 71–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.26118/3155.2023.56.53.018>
14. Шпаковский Ю.Г. В лесных делах не может быть равнодушия. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022;(5(93)):229–234.
- Shpakovskiy YuG. There Can Be No Indifference in Forest Affairs. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;(5(93)):229–234. (In Russ.)
15. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Экологическая безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации. *Lex russica (Русский закон)*. 2016;(6(115)):170–183. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.170-183>
- Zhavoronkova NG, Shpakovskiy YuG. Environmental Safety in the System of Strategic Planning of The Russian Federation. *Lex Russica (Russian Law)*. 2016;(6(115)):170–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.170-183>

Об авторах:

Светлана Витальевна Иванова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50), [SPIN-код](#), [ORCID](#), servis-05@list.ru

Светлана Викторовна Рыбак, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), Svetoch_2504@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С.В. Иванова: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

С.В. Рыбак: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University Named after O.E. Kutafin (MSAL) (50, Kom-somolskaya Str., Orenburg, 460000, Russian Federation,), [SPIN-code](#), [ORCID](#), servis-05@list.ru

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), Svetoch_2504@mail.ru

Claimed Contributorship:

SV Ivanova: formulating the main concept, research methodology, setting research objectives, preparing the text, formulating conclusions.

SV Rybak: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 18.07.2025

Принята к публикации / Accepted 23.07.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

УДК 340.13:342

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-40-47>

Правовое регулирование и охрана оборота продукции, содержащей генно-модифицированные организмы, в Российской Федерации

EDN: JWTBCC

Ю.И. Исакова ID, С.С. Витвицкая ID

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ Omar67@yandex.ru

Аннотация

Введение. Передовые биотехнологии создания генно-модифицированных организмов (ГМО) активно используются в мировом сельском хозяйстве, поскольку генетически модифицированные растения и животные обладают повышенной продуктивностью и устойчивостью к патогенам, насекомым-вредителям и пестицидам по сравнению с исходными организмами. Благодаря этим свойствам ГМО снижается себестоимость аграрного производства, уменьшается потребность в использовании удобрений и иных химических веществ в сельском хозяйстве, обеспечивается продовольственная безопасность и др. Вот почему одним из приоритетов государственной политики России является регулирование оборота ГМО-содержащей продукции и охрана установленного порядка этой деятельности от возможных нарушений. К сожалению, до настоящего времени не разработана эффективная система противодействия незаконному обороту генно-инженерно-модифицированной продукции, которая включала бы как административно-правовые, так и уголовно-правовые меры. Цель данной работы состоит в выявлении трудностей, возникающих в процессе противодействия нарушениям законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности, и выработке предложений по разрешению этих проблем.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались общенаучные и специальные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-логический, системный, сравнительно-правовой, статистический, контент-анализ материалов, социологический опрос, экспертные оценки.

Результаты исследования. Выявлены основные тенденции текущей государственной политики Российской Федерации в сфере регулирования порядка создания, приобретения, сбыта, использования генно-инженерно-модифицированной продукции (организмов). Проанализировано состояние правоприменительной практики в области борьбы с незаконным оборотом трансгенных организмов. Сформулированы рекомендации по совершенствованию административно-правового реагирования на правонарушения, а также выдвинуты предложения по восполнению пробелов уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту ГМО.

Обсуждение и заключение. Ключевые выводы касаются необходимости установить криминологически значимые признаки нарушений установленного порядка создания и оборота генно-инженерно-модифицированной продукции (организмов). Для более эффективного обеспечения безопасности оборота данной продукции предлагается дополнить Уголовный кодекс РФ нормой, предусматривающей ответственность за нарушение законодательства в области генно-инженерной деятельности, совершенное неоднократно, либо повлекшее причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных, иные тяжкие последствия. Предложения и рекомендации нацелены на всестороннюю охрану законного оборота ГМО административно-правовыми и уголовно-правовыми мерами.

Ключевые слова: генно-модифицированные организмы, ГМО, генно-инженерно-модифицированная продукция, экологические угрозы, агротехнические угрозы, пищевые угрозы, экономические угрозы, продовольственная безопасность, правовое регулирование в Российской Федерации, административно-правовая охрана, криминализация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Исакова Ю.И., Витвицкая С.С. Правовое регулирование и охрана оборота продукции, содержащей генно-модифицированные организмы, в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(3):40–47. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-40-47>

Original Empirical Research

Legal Regulation and Protection of the Turnover of Genetically-Modified-Organism Containing Products in the Russian Federation

Yulia I. Isakova , Svetlana S. Vitvitskaya

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 Omar67@yandex.ru

Abstract

Introduction. Advanced biotechnologies for creating genetically modified organisms (GMOs) are actively used in global agriculture, because genetically modified plants and animals have increased productivity and resistance to pathogens, insect pests and pesticides compared to the natural organisms. Due to these properties of GMOs, the prime cost of agricultural production is reduced, the need for fertilizers and other chemicals in agriculture is diminished, food security is ensured, etc. That is why one of the priorities of the state policy of the Russian Federation is regulation of the GMO-containing product turnover and protection of the procedure established for this activity from possible violations. Unfortunately, up till now, no efficient system for counteracting the illegitimate turnover of genetically modified products, which would include both administrative and criminal law measures, has been developed. The aim of the present research is to identify the difficulties arising in the frame of counteracting the violations of the Russian Federation legislation in the field of genetic engineering, and to develop proposals to resolve these problems.

Materials and Methods. The research was conducted using the general and specific scientific methods: analysis and synthesis; induction and deduction; Aristotelian method; systemic, comparative-legal, statistical methods; as well as methods of material content analysis, sociological survey, expert assessment.

Results. The main trends in the current state policy of the Russian Federation on regulation of the procedure of creation, acquisition, sale, use of genetically modified and genetically engineered products (organisms) have been identified. The state-of-the-art of law enforcement practices in the field of combating the illegitimate turnover of transgenic organisms has been analysed. Recommendations on improving the administrative and legal respond to offenses have been formulated, and proposals on filling in the gaps in the criminal law with regard to counteracting illegitimate turnover of GMOs have been outlined.

Discussion and Conclusion. The pivotal findings of the research refer to the need to establish the forensic significance of breaching the recognized procedure of creation and turnover of genetically modified and genetically engineered products (organisms). To ensure safe turnover of these products in a more efficient way, it is proposed to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with the provision stipulating liability for the repeated violation of the legislation in the field of genetic engineering or for the violation resulted in the harm to human health, mass death of animals, or other serious consequences. Proposals and recommendations are aimed at comprehensive protection of the legitimate turnover of GMOs by measures stipulated in the administrative and criminal law.

Keywords: genetically modified organisms, GMOs, genetically modified and genetically engineered products (organisms), environmental hazards, agrotechnical hazards, food hazards, economic hazards, food security, legal regulation in the Russian Federation, administrative and legal protection, criminalization

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Isakova YuI, Vitvitskaya SS. Legal Regulation and Protection of the Turnover of Genetically-Modified-Organism-Containing Products in the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):40–47. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-40-47>

Введение. В настоящее время передовые биотехнологии интенсивно развиваются и внедряются в агропромышленный комплекс по всему миру. В животноводстве и растениеводстве активно используются маркер-ассоциированная (MAS), геномная селекция (GS), а также технологии создания генно-модифицированных организ-

мов – ГМО (TALEN, цинковые пальцы, CRISPR/Cas9). Сторонники трансгенных технологий подчеркивают преимущества трансформированных организмов относительно исходных: увеличение продуктивности, уменьшение себестоимости аграрного производства, снижение уровня загрязнения почв и водоемов пестицидами и другими химическими соединениями, используемыми в сельском хозяйстве, и др. [1]. В области животноводства, к примеру, выведены породы трансгенных кроликов, мериносовых овец, свиней, которые устойчивы к болезням и обладают большей живой массой и продуктивностью при меньшем потреблении кормов. Перепела, которым внедрен ген бычьего соматотропина, производят яйца большей массы по сравнению с неизмененными птицами. Создано более 30 видов генно-модифицированных рыб, обладающих большей живой массой и устойчивостью к многим болезням¹. У сельскохозяйственных генно-модифицированных растений возникает устойчивость к гербицидам, насекомым-вредителям, высокая урожайность. По состоянию на 2024 г. существует 385 разновидностей сельскохозяйственных генно-модифицированных культур, из которых приоритет принадлежит сое, кукурузе, рапсу и хлопку².

Вместе с тем использование генно-инженерных технологий в сельском хозяйстве связано с целом рядом рисков³. В отечественной и зарубежной научной литературе указывается на потенциальные экологические, агротехнические, пищевые, экономические угрозы, сопряженные с оборотом ГМО [1–7]. К числу экологических угроз ученые относят: формирование «суперсорняков» и «супервредителей»; сокращение биоразнообразия в результате вытеснения природных видов генно-модифицированными; поражение токсичными трансгенными белками нецелевых объектов и нарушение трофических цепей. Среди агротехнических угроз – снижение устойчивости к вредителям и болезням через несколько лет; ухудшение свойств традиционных культур; потеря генетической чистоты естественных видов в результате неконтролируемого опыления; снижение естественного плодородия почв из-за усиленного потребления питательных веществ ГМ-растениями, способными быстрее расти и развиваться. Пищевые угрозы для здоровья и жизни человека и животных выражаются в нарушениях физического и психического здоровья, угнетении иммунитета, снижении репродуктивной способности, появлении устойчивости патогенной микрофлоры к антибиотикам и др.

Экономические угрозы связаны с риском монополизации производства семенного материала отдельными корпорациями и странами. В настоящее время генно-модифицированные культуры выращиваются в 29 странах на площади 190,4 млн га.⁴ К числу стран-лидеров по посеву ГМ-культур относятся США (71,5 млн га), Бразилия (52,8 млн га), Аргентина (24,0 млн га), Канада (12,5 млн га), Индия (11,9 млн га). Исследования, проведенные под эгидой ЕС, показали, что деятельность корпораций-монополистов (Monsanto, Dupont, Celera, Novartis, Florigene), производящих ГМО, приводит к росту себестоимости сельскохозяйственной продукции и разорению фермерских хозяйств.

Несмотря на существующие риски, сельскому хозяйству России, вероятнее всего, также не удастся обойтись без использования данных биотехнологий. Однако решение об использовании тех или иных генно-модифицированных видов следует принимать взвешенно, учитывая возможные позитивные и негативные эффекты. Основными направлениями государственной политики в этой области являются: 1) регламентация, сертификация (лицензирование) генно-инженерной деятельности; 2) установление ответственности за несоблюдение нормативных требований и запретов. Охрана установленного порядка оборота ГМО-содержащей продукции в России осуществляется в соответствии со ст. 6.3.1 КоАП РФ⁵, однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о низкой эффективности этой нормы. Что касается уголовно-правовой основы обеспечения безопасности использования продуктов генно-инженерной деятельности в сельском хозяйстве, то она абсолютно не сформирована. Проблема охраны отношений в сфере оборота ГМ-продукции ранее изучалась в основном специалистами в области экологического права, поэтому комплексное рассмотрение проблемы противодействия посягательствам в этой сфере средствами административного и уголовного права пока отсутствует.

Цель данной работы заключается в выявлении трудностей, возникающих в процессе противодействия нарушениям законодательства РФ в области генно-инженерной деятельности, и выработке предложений и рекомендаций по разрешению этих проблем и усовершенствованию законодательства.

¹ Состояние мирового рыболовства и аквакультуры – 2024. URL: <http://vniro.ru/ru/novosti/arkhiv-za-2024-god/sostoyanie-mirovogo-rybolovstva-i-akvakultury-2024> (дата обращения: 07.06.2025).

² База данных генно-инженерных культур (включая генетические структурные элементы), зарегистрированных в мире. URL: <https://genbit-group.com/ru/gmo/gmodatabase/> (дата обращения: 07.06.2025).

³ Баранов А.С. ГМО: новая угроза продовольственной безопасности России. Доклад на круглом столе в Государственной Думе РФ на тему: «Актуальные вопросы продовольственной безопасности России» от 22.05.2014. URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/06/14/gmo_novaya_ugroza_prodrovolstvennoi_bezopasnosti_rossii (дата обращения: 07.06.2025).

⁴ В каких странах выращивают ГМО? Общенациональная ассоциация генетической безопасности. URL: <https://oagb.ru/countries/> (дата обращения: 07.06.2025).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Кодекс Российской Федерации № 195-ФЗ от 30.12.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 07.06.2025).

Для этого необходимо:

- оценить перспективы использования технологии создания ГМО в сельском хозяйстве России с учетом возможных агротехнических, экономических, экологических, пищевых рисков;
- выявить сложности, возникающие в ходе борьбы с нарушениями установленного порядка оборота продукции, содержащей ГМО;
- выработать предложения по криминализации особо опасных разновидностей нарушения законодательства РФ в сфере создания и оборота ГМО-содержащей продукции.

Материалы и методы. В ходе исследования была проанализирована нормативно-правовая основа обеспечения безопасности оборота ГМ-культур в сельском хозяйстве России; изучена соответствующая правоприменительная практика; проанализированы мнения ученых и экспертов по вопросам совершенствования системы противодействия нарушениям законодательства в области генно-инженерной деятельности с помощью административно-правовых и уголовно-правовых методов. Для этого в ходе исследования применялись как общенаучные, так и специальные методы. Например, для обеспечения обоснованности и достоверности полученных результатов использовались такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция. При помощи специально-научного статистического метода осуществлялся анализ данных административной статистики. Использование метода контент-анализа позволило изучить релевантные темы публикации в СМИ и научных изданиях, а также отчеты, материалы гражданских и административных дел и решений судов и др. Метод моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию законодательства РФ в этой сфере. Методы социологического опроса и экспертных оценок применялись для выявления условий, способствующих совершению нарушений в сфере оборота ГМО-содержащей продукции. Сравнительно-правовой метод использовался для анализа нормативно-правовой базы стран ЕАЭС и дальнего зарубежья, устанавливающей требования к производству и обороту ГМО и ГМО-содержащей продукции и предусматривающей меры административно-правового и уголовно-правового реагирования на соответствующие нарушения.

Результаты исследования. Отношения в сфере оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции в России регламентируются Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»⁶; Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁷; Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁸ и другие законы и подзаконные нормативные правовые акты.

Можно выделить четыре основные тенденции реформирования соответствующей правовой базы. Первая выражается в ограничении сферы производства продукции, содержащей ГМО. Так, Федеральный закон от 03.07.2016 № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности»⁹ запретил выращивание и разведение в России генно-модифицированных растений и животных, за исключением их использования для проведения экспертиз и научно-исследовательских работ; предусмотрел распространение на импортеров ГМО и ГМО-содержащей продукции обязанности по прохождению необходимых регистрационных процедур, при этом наделив Правительство РФ правом запрещать ввоз в страну указанных организмов и продукции по результатам мониторинга. Согласно Техническому регламенту Таможенного союза «Пищевая продукция в части ее маркировки» производители обязаны маркировать упаковку любых продуктов, содержащих более 0,9 % генетически модифицированных компонентов. В некоторых государствах (например, в Беларуси и Казахстане) прослеживается такой же жесткий подход к правовому регулированию оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции [8–14].

Вторая тенденция – это поощрение генетических и геномных исследований. Так, в Федеральной научно-технической программе развития генетических технологий на 2019–2030 годы отмечено, что приоритетными являются разработка генетических технологий, применяемых в растениеводстве, животноводстве и аквакультуре, в производстве вакцин для сельскохозяйственных животных; разработка технологий совершенствования взаимоотношений микроорганизмов, животных и растений путем эффективного использования генетических ресурсов

⁶ О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности. Федеральный закон № 86-ФЗ от 05.07.1996. Собрание законодательства Российской Федерации.1996;(28). Ст. 3348.

⁷ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон № 52-ФЗ от 30.03.1999. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999;(14). Ст. 1650.

⁸ О качестве и безопасности пищевых продуктов. Федеральный закон № 29-ФЗ от 02.01.2000. Собрание законодательства Российской Федерации. 2000;(2). Ст. 150.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности. Федеральный закон № 358-ФЗ от 03.07.2016. Собрание законодательства Российской Федерации. 2016;(27 (часть II)). Ст. 4291.

микробиомов агроценозов¹⁰. Компания «Яков и Партнёры» обнародовала исследование «Суверенная генетика для российского АПК»: согласно выводу аналитиков в ближайшие 10 лет Россия способна наладить экспорт ГМО-содержащих продуктов на сумму от \$0,6 млрд до \$1,3 млрд в год¹¹.

Третья тенденция – активное противодействие биогенным угрозам. В Федеральной научно-технической программе развития генетических технологий на 2019–2030 годы предусмотрены: формирование национальной системы раннего выявления угроз биологической безопасности, вызванных генетически измененными микроорганизмами и реагирования на них; обеспечение безопасности применения технологий генетического редактирования; разработка методов контроля генетически редактированных организмов в сельском хозяйстве и промышленности; создание системы мониторинга и оценки разработок с применением генетических технологий, проводимых ведущими организациями зарубежных государств.

Четвертая тенденция – установление мер правовой ответственности. Так, административная ответственность предусмотрена за использование генно-инженерно-модифицированных организмов и (или) продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, которые не прошли государственную регистрацию (в случае, если она предусмотрена) или срок действия свидетельства о государственной регистрации которых истек. Также административная ответственность предусмотрена за использование ГМО не в соответствии с целями, для которых они зарегистрированы, либо в нарушении специальных условий их использования, в том числе при производстве конкретного вида продукции (ст. 6.3.1 КоАП РФ).

Изучение практики свидетельствует о том, что впервые подобные административные нарушения были выявлены пять лет назад. Так, в 2020 г. в Рязанской области был выявлен факт выращивания кормовой ГМ-кукурузы, семена которой были закуплены у компаний из Ростова-на-Дону, Москвы и Воронежской области. В 2020 г. Главное таможенное управление КНР обнаружило ГМО в зерне, рапсе, рапсовом и соевом масле российского происхождения. В ходе заседания Общественного совета при Россельхознадзоре глава ведомства Сергей Данкверт сообщил об обнаружении ГМО в продукции, поставленной из Омска, Еврейской автономной области и других регионов. Китайская сторона предупредила о возможном введении запрета на поставки данной продукции из России. Целый ряд нотификаций о несоответствии российского зерна требованиям было получено и от других стран-импортеров (Литвы, Вьетнама, Финляндии, Венгрии, Молдовы, Бельгии и др.). В течение этого же периода было предотвращено еще 5 попыток экспорта генно-модифицированных сои и рапса. Регулярно возбуждаются и административные дела по фактам импорта в Россию немаркированной и не прошедшей государственную регистрацию ГМ-продукции¹².

Совершению этих правонарушений в сфере агропромышленного комплекса (АПК) РФ, по мнению 50 опрошенных нами экспертов, способствуют недостатки правового, научно-методического и организационно-управленческого обеспечения правоохранительной деятельности (таблица 1).

Таблица 1

Экспертная оценка детерминант правонарушений в сфере оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции

Условия, способствующие нарушениям порядка оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции	Экспертная оценка
Отсутствие единых нормативных требований к обороту ГМ-продукции в странах ЕАЭС	90 %
Мягкие санкции ст. 6.3.1. КоАП РФ: – штрафы для должностных лиц в размере от 10 до 50 тыс. руб.; – штрафы для юридических лиц в размере от 100 до 500 тыс. руб.	65 %
Отсутствие в УК РФ нормы, устанавливающей ответственность за наиболее опасные нарушения установленного порядка оборота ГМ-продукции	80 %
Отсутствие научно-методического обеспечения борьбы с незаконным оборотом ГМ-продукции	70 %

Представляется, что эффективность противодействия незаконному обороту ГМ-продукции во многом зависит от устранения вышеуказанных криминогенных условий. На уровне ЕАЭС необходимо установить единые нормативные требования к обороту ГМО [15], что предполагает: унификацию подхода к выбору объектов,

¹⁰ Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2030 годы. Собрание законодательства Российской Федерации. 2019;(17). Ст. 2108.

¹¹ Суверенная генетика для российского АПК. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/a-sovereign-capability-in-genetics-for-russian-agriculture/?ysclid=mcpwjson1k580467301> (дата обращения: 07.06.2025).

¹² В России впервые юридическое лицо привлекли к административной ответственности за нарушение законодательства в области генно-инженерной деятельности. URL: <https://fsvps.gov.ru/news/v-rossii-vpervye-juridicheskoe-lico-privlekli-k-administrativnoj-otvetstvennosti-za-narushenie-zakonodatelstva-v-oblasti-genno-inzhenernoj-dejatelnosti/?ysclid=m3d27u3avl797962558> (дата обращения: 07.06.2025).

подлежащих генетической модификации, с учетом возможных рисков; создание системы государственных эталонов, позволяющих осуществлять контроль за качеством ГМ-продукции в сфере ее производства, оборота и трансграничного перемещения; гармонизацию норм административного и уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за правонарушения в области производства и оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции. На национальном уровне требуется ужесточить меры ответственности, предусмотренные в КоАП РФ за незаконное производство и использование ГМО и (или) продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы. Рекомендуем восполнить пробелы УК РФ¹³ посредством криминализации повторного нарушения законодательства в области создания и оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за подобные правонарушения. Необходимо также разработать официальные рекомендации по квалификации нарушений законодательства в области создания и оборота генно-инженерно-модифицированных организмов (продукции).

Обсуждение и заключение. В современных условиях интенсификация сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности возможна только с помощью биотехнологий. Использование в сельском хозяйстве технологии создания генно-модифицированной продукции позволяет решить проблему продовольственной безопасности, однако создает серьезные риски. В частности, возникает угроза утраты продовольственного суверенитета страны, попадающей в зависимость от поставок ГМ-семян, рынок которых практически монополизирован транснациональными корпорациями. Использование для кормления сельскохозяйственных животных или питания населения ГМО-содержащей продукции, не прошедшей апробацию на безопасность, может повлечь ухудшение соматического, психического и генетического здоровья, сокращение численности популяции, вызвать негативные экологические последствия. Следовательно, России надлежит развивать собственное производство ГМ-продукции, обеспечивая всесторонний контроль за ее оборотом.

Для обеспечения безопасности оборота генно-модифицированной продукции необходимо:

- в рамках ЕАЭС выработать унифицированный подход к выбору объектов, подлежащих генетической модификации, с учетом возможных рисков;
- создать систему государственных эталонов, позволяющих осуществлять контроль за качеством ГМ-продукции в сфере ее производства, оборота и трансграничного перемещения;
- в рамках ЕАЭС гармонизировать систему административно-правовых и уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за правонарушения в области производства и оборота ГМО и ГМО-содержащей продукции;
- в главу 26 УК РФ включить статью «Нарушение законодательства в области создания и оборота генно-инженерно-модифицированных организмов (продукции)». В части первой этой нормы следует установить ответственность за вышеуказанное нарушение, совершенное неоднократно. В части второй – ответственность за то же деяние, повлекшее причинение существенного вреда окружающей среде, здоровью человека либо иные тяжкие последствия;
- разработать методические рекомендации по квалификации нарушений законодательства в области создания и оборота генно-инженерно-модифицированных организмов (продукции), а в перспективе – принять специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы / References

1. Тышко Н.В., Садыкова Э.О., Шестакова С.И., Аксюк И.Н. Новые источники пищи: от генно-инженерно-модифицированных организмов к расширению биоресурсной базы России. *Вопросы питания*. 2020;89(4):100–109. <https://doi.org/10.24411/0042-8833-2020-10046>
2. Tyshko NV, Sadykova EO, Shestakova SI, Aksyuk IN. Novel Food Sources: From GMO to the Broadening of Russia's Bioresource Base. *Problems of Nutrition*. 2020;89(4):100–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/0042-8833-2020-10046>
3. Ермакова И.В. *Что мы едим? Воздействие ГМО на человека и методы защиты*. Москва: Амрита; 2011. 64 с.
4. Ermakova IV. *What Do We Eat? The Impact of GMOs on Humans and Methods of Protection*. Moscow: Amrita Publ.; 2011. 64 p. (In Russ.)
5. Елисеева Л.Г., Юрина О.В. Международные тенденции производства генетически модифицированных пищевых продуктов: риски и перспективы. *Международная торговля и торговая политика*. 2015;(2(2)):101–120.
6. Eliseeva LG, Yurina OV. International Trends in the Production of GM Food: Risks and Prospects. *International Trade and Trade Policy*. 2015;(2(2)):101–120. (In Russ.)

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 07.06.2025).

4. Белхароев Х.Ю. К вопросу о влиянии ГМО-продукции на экологическую и продовольственную безопасность: правовое обеспечение этих направлений. *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2017;(2(30)):53–60. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.30.2.053-060>

Belkharoев HYu. To the Question of Impact of GMO Products for Environmental and Food Security: Ensuring These Areas. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017;(2(30)):53–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.30.2.053-060>

5. Исрайлова А.С. Влияние ГМО-продукции на экологическую и продовольственную безопасность. В: *Труды III Международного биотехнологического симпозиума в рамках Международного форума «Биотехнологии: наука, образование, индустрия»*. Барнаул: Алтайский государственный университет; 2021. С. 27–30.

Israyilova AS. The Impact of GMO Products on Environmental and Food Security. In: *Proceedings of the III International Biotechnology Symposium within the Framework of the International Forum “Biotechnology: Science, Education, Industry”*. Barnaul: Altai State University; 2021. P. 27–30. (In Russ.)

6. Минченко Н., Кильчевский А., Домашко С., Макеева Е. Картагенский протокол по биобезопасности в Беларуси. *Наука и инновации*. 2013;(10(128)):70–72.

Minchenko N, Kilchevsky A, Domashko S, Makeeva E. Cartagena Protocol on Biosafety in Belarus. *The Science and Innovations*. 2013;(10(128)):70–72. (In Russ.)

7. Суровцева Е.Ю. Генетический апокалипсис или возможные «выгоды» от использования ГМО. *Экономика. Налоги. Право*. 2014;(6):65–70.

Surovtseva EYu. Genetic Apocalypse or Possible “Benefits” from the Use of GMOs. *Economics, Taxes, Law*. 2014;(6):65–70. (In Russ.)

8. Новикова Р.Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2021;25(1):32–66. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-32-66>

Novikova RG. Legal Regulation in the Field of Genetically Modified Organisms (GMO) Turnover in Russia and Foreign Countries. *RUDN Journal of Law*. 2021;25(1):32–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-32-66>

9. Войкова Т.А., Журавлева О.А., Дебабов В.Г. Сравнительный анализ правового регулирования промышленного использования генно-инженерно-модифицированных микроорганизмов в США, Евросоюзе и Российской Федерации. *Молекулярная генетика, микробиология и вирусология*. 2020;38(2):67–75.

Voeikova TA, Zhuravliova OA, Debabov VG. Comparative Analysis of Legal Regulation of Industrial Use of Genetic-Engineering-Modified Microorganisms in the United States, European Union, and Russian Federation. *Molecular Genetics, Microbiology and Virology*. 2020;38(2):67–75. (In Russ.)

10. Воронина Н.П. Правовое регулирование применения биотехнологий: законодательные и правоприменимельные проблемы (в сфере сельского хозяйства). В: *Труды III Международного биотехнологического симпозиума в рамках Международного форума «Биотехнологии: наука, образование, индустрия»*. Барнаул: Алтайский государственный университет; 2021. С. 9–12.

Voronina NP. Legal Regulation of the Use of Biotechnology: Legislative and Law Enforcement Problems (in the Field of Agriculture). In: *Proceedings of the III International Biotechnology Symposium within the Framework of the International Forum “Biotechnology: Science, Education, Industry”*. Barnaul: Altai State University; 2021. P. 9–12. (In Russ.)

11. Кузин А.А. Регулирование оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) нормами российского права. *Социально-политические науки*. 2013;(1):64–70.

Kuzin AA. Regulation of Turnover of Genetically-Modified Organisms (GMO) by Norms of Russian Law. *Socio-Political Sciences*. 2013;(1):64–70. (In Russ.)

12. Зарубин М.Ю., Булгакова Н.А. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах. *Образование и право*. 2022;(4):276–280. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-4-276-280>

Zarubin MYu, Bulgakova NA. Legal Regulation in the Field of Circulation of Genetically Modified Organisms (GMOs) in Russia and Foreign Countries. *Education and Law*. 2022;(4):276–280. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-4-276-280>

13. Дейкин А.В., Кузнецова В.Н., Кирикович Ю.К., Коваленко Д.В., Солдатов В.О. ГМО регулирование: Белоруссия, БРИКС, ЕС, США. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019;8(4(29)):141–145. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0029>

Deykin AV, Kuznecova VN, Kirikovich YuK, Kovalenko DV, Soldatov VO. GMO Restriction: Belarus, BRICS, EU, USA. *Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie (Azimuth of Scientific Research: Economics and Management)*. 2019;8(4(29)):141–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0029>

14. Макаренко Т.И., Прохоров К.В. Правовое регулирование генетически модифицированных организмов. *Вестник науки и образования*. 2020;(3–1(81)):32–35.

Makarenko TI, Prohorov KV. Legal Regulation of Genetically Modified Organisms. *Vestnik nauki i obrazovaniya (Bulletin of Science and Education)*. 2020; (3–1(81)):32–35. (In Russ.)

15. Денисова Г. Независимая генетика. Как решить проблему технологического отставания в российском АПК. *Агроинвестор*. 2024;(9). URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/42890-nezavisimaya-genetika-kak-reshit-problemu-tehnologicheskogo-otstavaniya-v-rossiyskom-apk/> (дата обращения: 07.06.2025).

Denisova G. Independent Genetics. How to Solve the Problem of Technological Lagging of the Russian Agro-Industrial Complex. *Agri Investor*. 2024;(9). (In Russ.) URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/42890-nezavisimaya-genetika-kak-reshit-problemu-tehnologicheskogo-otstavaniya-v-rossiyskom-apk/> (accessed: 07.06.2025).

Об авторах:

Юлия Игоревна Исакова, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Светлана Сергеевна Витвицкая, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1), [ORCID](#), Omar67@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю.И. Исакова: определение методологии исследования, анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

С.С. Витвицкая: формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Svetlana S. Vitvitskaya, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), Omar67@yandex.ru

Claimed Contributorship:

YuI Isakova: defining research methodology, analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

SS Vitvitskaya: formulating the main concept, preparing the text, formulating the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 07.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 28.07.2025

Принята к публикации / Accepted 06.08.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

УДК 347.73:336.02

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-48-53>

Туристический налог в России: перспективы совершенствования механизма налогообложения для сохранения объемов турпотоков

EDN: NANNZJ

Т.В. Вербицкая¹ , Н.О. Вербицкая² , А.А. Конов³

¹ Государственный архив Свердловской области, г. Екатеринбург, Российской Федерации

² Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российской Федерации

³ Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург, Российской Федерации

aquitania-17@yandex.com

Аннотация

Введение. Вступление в силу в 2025 г. поправок в Налоговый кодекс Российской Федерации о введении туристического налога обусловило актуальность поиска баланса между интересами муниципалитетов в пополнении бюджета и сохранением объемов турпотоков в условиях возрастания налогового бремени на турбизнес. Учеными изучен опыт применения туристического налога за рубежом, доказано его положительное значение для развития внутреннего туризма, однако отсутствует комплексное исследование, посвященное проблемам эффективности механизма налогообложения в указанной области. Цель исследования – проанализировать действующее налоговое законодательство РФ и отдельные муниципальные практики и определить пути совершенствования механизма применения туристического налога для сохранения объемов турпотоков в новых условиях.

Материалы и методы. Материалами для статьи послужили действующее законодательство РФ, научные исследования, муниципальные правовые акты г. Екатеринбурга, публикации в СМИ. Для определения особенностей применения налогового законодательства в контексте сохранения турпотоков авторы руководствовались методами телевологического толкования, моделирования, структурно-функционального и системного анализа.

Результаты исследования. Установлено, что для развития внутреннего туризма механизм применения турналога должен быть гибким, учитывающим особенности действующих в регионе в целом и в отдельных муниципалитетах туристических маршрутов, в том числе сезонные изменения. Такой всесторонний подход потребует тесного государственно-частного партнерства при попытке введения в действие указанного налога. Однако сотрудничество между этими структурами не всегда оказывается на должном уровне, как показал екатеринбургский опыт. Выявлено, что для сохранения объемов турпотоков в условиях удорожания стоимости средств размещения требуется развитие инфраструктуры для путешествующих. Снижение показателей объемов туристического потока в связи с взиманием турналога будет свидетельствовать о недостаточной проработке механизма налогообложения в конкретной местности. Ежегодное обсуждение практик муниципалитетов и регионов по указанному вопросу позволит совершенствовать механизм налогообложения.

Обсуждение и заключение. Совершенствование механизма применения турналога позволит не допустить уменьшения потока туристов и тем самым предотвратит удар по внутреннему туризму. По мнению авторов, в первую очередь для этого необходимо откорректировать перечень льгот по налогообложению с учетом популярности туристических маршрутов и сезонной нагрузки, а также наладить государственно-частное партнерство.

Ключевые слова: туристический налог, механизм налогообложения, объект налогообложения, турпоток, популярный маршрут, государственно-частное партнерство, внутренний туризм, сезонность, развитие туристической инфраструктуры, налоговое законодательство Российской Федерации, Екатеринбург

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Вербицкая Т.В., Вербицкая Н.О., Конов А.А. Туристический налог в России: перспективы совершенствования механизма налогообложения для сохранения объемов турпотоков. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(3):48–53. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-48-53>

Original Empiric Research

Tourist Tax in Russia: Prospects for Improving the Taxation Mechanism to Maintain the Volume of Tourist Flows

Tatiana V. Verbitskaia¹ , Natalia O. Verbitkaia² , Alexei A. Konov³

¹ State Archives of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russian

² Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

³ Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russian Federation

 aquitania-17@yandex.com

Abstract

Introduction. Amendments to the Tax Code of the Russian Federation on the implementation of the tourist tax enacted in 2025 made it relevant to find a balance between the interests of municipalities to replenish the budgets and maintain the volume of tourist flows in the context of tax burden increase on the tourism business. Scientists have studied the foreign practices of tourist tax implementation and its positive impact on the development of inbound tourism has been proved, however, no comprehensive research has been carried out on the efficiency of taxation mechanism with regard to the studied field. The aim of the present study is to analyse the acting tax legislation of the Russian Federation, as well as some municipal practices and identify the ways to improve the tourist tax implementation mechanism for maintaining the volume of tourist flows in the new conditions.

Materials and Methods. The research was based on the following materials: the acting legislation of the Russian Federation, scientific studies, municipal legal acts of Ekaterinburg, and publications in the media. To determine the features of tax legislation implementation in the context of maintaining the tourist flows, the authors used the methods of teleological interpretation, modeling, structural-functional and systemic analysis.

Results. It has been ascertained that for the development of the inbound tourism, the tourist tax implementation mechanism should be flexible, i.e. take into account the features of the tourist routes existing in the whole region and in the individual municipalities, as well as consider the seasonal changes. Such a comprehensive approach will require close public-private partnership aimed at implementing this tax. However, as follows from Ekaterinburg experience, cooperation between these structures is not always maintained at the proper level. It has been found that maintaining the volume of tourist flows in the context of rising costs of accommodation facilities, requires the development of the tourism infrastructure. A decrease in the volume of tourist flows due to collection of the tourist tax indicates insufficient development of the taxation mechanism in a particular region. Annual discussions of the practices used in the municipalities and regions on this matter will improve the taxation mechanism.

Discussion and Conclusion. Improvement of the tourist tax implementation mechanism will prevent the tourist flow decrease, thus, help to avoid a blow to the inbound tourism. According to the authors, to achieve this goal, it's necessary first of all to revise a list of tax concessions based on the popularity of the tourist routes and seasonal load, as well as improve the public-private partnership.

Keywords: tourist tax, taxation mechanism, taxable object, tourist flow, popular route, public-private partnership, inbound tourism, seasonality, development of the tourism infrastructure, tax legislation of the Russian Federation, Ekaterinburg

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to significant enhancement of the article quality.

For Citation. Verbitskaia TV, Verbitkaia NO, Konov AA. Tourist Tax in Russia: Prospects for Improving the Taxation Mechanism to Maintain the Volume of Tourist Flows. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):48–53. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-48-53>

Введение. Введение туристического налога в Российской Федерации с 1 января 2025 г. вместе с дополнительным доходом в муниципальные и региональные бюджеты несет с собой угрозу сокращения достигнутых ранее объемов туристических потоков. В научных кругах, в туристической бизнес-среде, правоприменителями активно обсуждается вопрос: не окажется ли новый налог слишком тяжким бременем для турбизнеса, вследствие чего внутреннему туризму будет нанесен ущерб? Большинство исследователей считают турналог обычной практикой, характерной и для зарубежных стран [1–4]. К.А. Поселеннова указывает ряд положительных аспектов введения

турналога: получение дополнительных доходов в бюджеты муниципалитетов, которые можно направить на развитие туристической инфраструктуры и улучшение качества тур услуг; укрепление бизнеса, формирование его более устойчивых форм [5]. В.Х. Дзоблаева полагает, что турналог является инструментом управления турбизнесом со стороны государства [6]. В.Г. Пансков, О.В. Завьялова подчеркивают, что пополнение в местные бюджеты можно направлять на общественные нужды [7, 8]. М.Р. Пинская и Ю.А. Стешенко рассматривают полученные от взимания турналога средства как источник для развития регионов и муниципальных образований [9].

Однако некоторые представители бизнеса и ряд исследователей сомневаются в актуальности введения данного налога на территории РФ, поскольку подавляющая часть российских регионов и муниципалитетов не испытывает слишком большой нагрузки от турпотока (а именно это обуславливает целесообразность введения налога) [10]. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые зарубежные исследователи [11]. Также ученые стремятся определить пути достижения баланса интересов между целями налогообложения и сохранением объемов турпотоков в стране [12]. Теоретическая значимость работы состоит в изучении механизма налогообложения по туристическому налогу как правового явления. Практическая значимость заключается в представлении целостной картины относительно взаимосвязи механизма налогообложения и сохранения объемов турпотоков применительно к конкретной местности (г. Екатеринбург).

Цель исследования – проанализировать действующее налоговое законодательство РФ и отдельные муниципальные практики и определить пути совершенствования механизма применения туристического налога для сохранения объемов турпотоков в новых условиях.

Материалы и методы. Материалами для работы послужили действующее налоговое законодательство РФ, научные статьи, муниципальные правовые акты г. Екатеринбурга, публикации в СМИ. В основу исследования была положена теория социального конструктивизма, согласно которой баланс интересов казны-предпринимателей-государства по сохранению объемов турпотока представляет собой социальный конструкт, достигаемый посредством механизма предоставления льгот, учета интересов предпринимателей в отношении туристической инфраструктуры и сезонного изменения потока туристов. К принципам исследования относится системность в определении совокупности правовых актов в их взаимосвязи, их функций, последовательности их применения, всесторонность для выявления того, каким образом обеспечить гибкость механизма налогообложения.

Авторы опирались на методы: телеологического толкования – при анализе норм законодательства о турналоге в их системной взаимосвязи; структурно-функционального анализа – для определения особенностей действия механизма налогообложения по турналогу; системного анализа – для выявления особенностей взаимосвязи и взаимодействия налогового законодательства в исследуемой области; моделирования – для определения путей достижения баланса интересов сторон при указанном налогообложении.

Результаты исследования. Туристический налог в России был введен на основании гл. 33.1 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ)¹, и на территории конкретного муниципального образования данный налог может применяться только после принятия соответствующего акта местным представительным органом (ст. 418.1 НК РФ). Отметим, что полномочия муниципалитетов в данной области являются комплементарными – все ключевые вопросы, включая элементы налогообложения, определены указанной главой НК РФ. Представительные органы муниципальных образований могут предоставить дополнительные льготы (ч. 3 ст. 418.4), а также дифференцировать налоговые ставки с учетом сезонности и категории средств размещения (ч. 2 ст. 418.5). Под сезонностью понимаются особенности природных, климатических условий и специфика времени года².

В соответствии со ст. 418.3 НК РФ объектом налогообложения выступает оказание услуг по предоставлению места временного проживания в средствах размещения, включенных в реестр классифицированных средств размещения. Классификация средств размещения, а также предоставление сведений о них осуществляется исполнительно-распорядительным органом муниципального образования (ч. 3 ст. 418.3) на основании ст. 5.1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»³. Исходя из пп. 4–9 Положения о классификации средств размещения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 27.12.2024⁴, выделено четыре категории средств размещения для целей налогообложения (гостиницы, санатории, кемпинги и базы отдыха), а также перечислены виды каждого из указанных средств. Основное отличие данных средств размеще-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая). Кодекс Российской Федерации № 117-ФЗ от 05.08.2000. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058> (дата обращения: 07.06.2025).

² О направлении письма Минфина России от 29.11.2024 № 03-05-08/119737. Письмо ФНС России № СД-4-3/14059@ от 11.12.2024. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-fns-rossii-ot-11122024-n-sd-4-314059-o-napravlenii/?ysclid=mcn6hopd61381889617> (дата обращения: 07.06.2025).

³ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон № 132-ФЗ от 24.11.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102044374> (дата обращения: 07.06.2025).

⁴ Об утверждении Положения о классификации средств размещения. Постановление Правительства РФ № 1951 от 27.12.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412310014> (дата обращения: 07.06.2025).

ния – в их конструктивных особенностях и предоставляемых услугах (по организации отдыха, досуга или лечения). Так, гостиница является самостоятельным зданием, корпусом, строением (или их частью, с отдельным входом), в которых размещены номера (помещения), пригодные для проживания людей. База отдыха, санаторий также представляют собой самостоятельное здание, корпус, строение или их часть, расположенные на едином или смежном земельных участках. На базе отдыха предусмотрено предоставление услуг по организации досуга и отдыха; в санатории – лечение. Кемпинг – огороженная контролируемая территория с обозначенными границами.

В качестве примера рассмотрим введение туристического налога в Екатеринбурге – городе с развитой промышленностью, транспортным сообщением и большим туристическим потоком (ежегодно с 2022 г. город посещают более 1 млн. туристов⁵). Туналог был введен в ноябре 2024 г. на основании решения Екатеринбургской городской думы «Об установлении и введении в действие на территории муниципального образования «Город Екатеринбург» туристического налога»⁶. В ст. 1 данного акта отражено решение о введении туналога в городе Екатеринбурге на основании главы 33.1 НК РФ. В ст. 2 отражены те же предельные налоговые ставки, что и в НК РФ. В ст. 3 установлено, что несовершеннолетние освобождены от уплаты налога. В ст. 4-5 содержатся оперативные нормы о порядке опубликования и вступления в силу данного акта. Ст. 6 посвящена вопросам контроля за исполнением данного решения. Как видим, вопросы сезонности, ведения реестра средств размещения, дифференциации налоговых ставок в зависимости от категории средств размещения не рассматривались.

22 мая 2025 г. Екатеринбургской городской думой было принято решение о дополнении перечня льгот в отношении вынужденных переселенцев на основании постановления правительства Свердловской области от 28 февраля 2022 г. № 125-ПП «Об организации временного социально-бытового обустройства лиц, постоянно проживающих на территории Украины, а также на территориях субъектов Российской Федерации, на которых введены максимальный и средний уровни реагирования, вынужденно покинувших территории постоянного проживания и прибывших в экстренном массовом порядке на территорию Свердловской области»⁷. В результате, как указала директор Центра развития туризма Свердловской области Т. Белик, стоимость на туристические услуги в Свердловской области выросла на 30 %⁸.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным перед принятием решения о введении туналога на территории конкретного муниципального образования организовывать семинар с участием представителей Федеральной налоговой службы (ФНС) Российской Федерации для разъяснения ключевых позиций по этому вопросу. Кроме того, важен ежегодный мониторинг результатов применения указанного налога, организация обсуждения связанных с этих проблем и лучших муниципальных практик с участием специалистов ФНС.

Весьма радует, что налоговое законодательство предоставляет большие возможности для гибкого механизма налогообложения в указанной сфере. Важно учитывать, что проживание туристов в средствах размещения связано со следованием ими конкретными туристическими маршрутами, поэтому налоговые льготы необходимы не только в отношении людей, но также и средств размещения, расположенных на пути следования популярными маршрутами. Логичным также видится решение дифференцировать налоговые ставки с учетом сезонных изменений в турпотоках [13]. Возможно предоставление налоговых каникул в отношении средств размещения, задействованных в разработке новых туристических маршрутов, имеющих высокую социально-экономическую, культурную и историческую ценность. Таким образом, при ведении реестра средств размещения результативной мерой было бы указывать конкретные туристические маршруты, в которых они задействованы.

Напомним, что Президент Российской Федерации В.В. Путин в качестве одной из приоритетных задач в области развития внутреннего туризма определил увеличение турпотока вдвое к 2030 г. [14] Достижение этой цели во многом зависит от развитости государственно-частного партнерства в рамках региона в целом и на территории конкретного муниципального образования. Если понимания между этими структурами нет, то введение туналога может привести к нежелательным последствиям в виде снижения показателей объема турпотоков. Так, после начала процесса введения в действие туналога на территории Екатеринбурга Уральская ассоциация туризма направила в адрес городской думы письмо с изложением аргументов о нецелесообразности введения указанного налога [15], однако ни приглашения за стол переговоров, ни уведомления о возможности направить свои

⁵ 1,7 миллиона туристов в год – Екатеринбург готовится побить рекорд. Официальный портал «Екатеринбург.рф». URL: <https://xn--80acgfb1lazdqr.xn--p1ai/news/93688-1-7-miliona-turistov-v-god-%E2%80%93-ekaterinburg-gotovitsya-pobit-rekord> (дата обращения: 07.06.2025).

⁶ Об установлении и введении в действие на территории муниципального образования «город Екатеринбург» туристического налога. Решение Екатеринбургской городской думы № 44/24 от 26.11.2024. URL: <https://base.garant.ru/411046374/> (дата обращения: 07.06.2025).

⁷ О внесении изменения в Решение Екатеринбургской городской думы от 26 ноября 2024 г. № 44/24 «Об установлении и введении в действие на территории муниципального образования «город Екатеринбург» туристического налога». Решение Екатеринбургской городской думы № 10/33 от 22.04.2025. URL: <https://base.garant.ru/411931442/> (дата обращения: 07.06.2025).

⁸ Свердловский туризм подорожал на 30 %. Информационное агентство «Новый день», 21.05.2025. URL: <https://newdaynews.ru/ekaterinburg/853781.html?ysclid=mbrs3s91df347872235> (дата обращения: 07.06.2025).

предложения Ассоциация не получила, что свидетельствует о недостаточной развитости государственно-частного партнерства, по крайней мере, в области туризма.

Обсуждение и заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что необходимым условием сохранения туристической привлекательности российских регионов и муниципалитетов является гибкость механизма применения туристического налога. Гибкость обуславливается учетом ряда факторов, таких как:

- особенности туристических маршрутов, в том числе их популярность, национальная значимость, протяженность и необходимость останавливаться на отдыхе не в одной локации для временного проживания;
- освобождение от уплаты конкретных категорий налогоплательщиков, а также средств размещения, с учетом популярности или значимости маршрута, сезонности и характера оказываемых туруслуг;
- поэтапное введение турналога, но не по налоговой ставке, а по объекту налогообложения: например, в первую очередь взимать налог при предоставлении услуг повышенной комфортности;
- степень готовности к совершенствованию туристической инфраструктуры, поскольку путешествующие считают оправданным требование улучшения качества услуг при удешевлении их стоимости;
- предоставление налоговых каникул средствам размещения, участвующим в развитии новых туристических маршрутов с высокой исторической и культурной ценностью;
- возможность предложить альтернативы, позволяющие не останавливаться на отдыхе в местах временного проживания (например, автотуризм).

Очень важно наличие развитого государственно-частного партнерства как в регионе в целом, так и в отдельных муниципалитетах, поскольку гибкость и эффективность налогообложения достигаются именно благодаря учету предложений со стороны представителей турбизнеса.

Список литературы / References

1. Tovmasyan G. Capital Investments, Tourist Tax and Tourism Development: The Case Study of Armenia. *Economics and Sociology*. 2021;14(1):199–213. <http://doi.org/10.14254/2071-789X.2021/14-1/13>
2. Jorczyk V. Flusskreuzfahrten auf dem Rhein: Niederländische Tourist Tax als Teil der Charterrate? *Steuer- und Rechts Brief Touristik*. 2024;(9):4–12.
3. Radvan M. New Tourist Tax as a Tool for Municipalities in the Czech Republic. *Lex Localis*. 2020;18(4):1095–1108. [https://doi.org/10.4335/18.3.1095-1108\(2020\)](https://doi.org/10.4335/18.3.1095-1108(2020))
4. Kristjánsdóttir H. Tax on Tourism In Europe: Does Higher Value-Added Tax (Vat) Impact Tourism Demand in Europe? *Current Issues in Tourism*. 2021;24(6):738–741. <https://doi.org/10.1080/13683500.2020.1734550>
5. Поселеннова К.А. Генезис развития туристического налога в России. *Наука XXI века: актуальные направления развития*. 2024;(2–1):423–427.
6. Poselennova KA. The Genesis of the Development of the Tourist Tax in Russia. *Science of the XXI Century: Current Directions of Development*. 2024;(2–1):423–427. (In Russ.)
7. Dzoblaeva B.X. Механизм государственного управления туристско-рекреационной деятельностью. *Тенденции развития науки и образования*. 2022;(84-3):61–64.
8. Dzoblaeva VKh. Mechanism of State Management of Tourism and Recreational Activities. *Trends in the Development of Science and Education*. 2022;(84-3):61–64. (In Russ.)
9. Пансков В.Г. Туристический налог: проблемы и перспективы развития. *Финансы*. 2024;(8):32–39.
10. Panskov VG. Tourist Tax: Problems and Development Prospects. *Finansy (Finances)*. 2024;(8):32–39. (In Russ.)
11. Завьялова О.В. Туристический налог. Новый источник пополнения доходов местных бюджетов. *Журнал Бюджет*. 2024;9(261):24–25.
12. Zavyalova OV. Tourist Tax. A New Source of Replenishment of Local Budget Revenues. *Budget (Byudzhet)*. 2024;9(261):24–25. (In Russ.)
13. Пинская М.Р., Стешенко Ю.А. Туристический налог и его значение для территориального развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2021;14(6):137–149.
14. Pinskaya MR, Steshenko YuA. Tourist Tax and Its Significance for Territorial Development. *Economics, Taxes and Law*. 2021;14(6):137–149. (In Russ.)
15. Рубан-Лазарева Н.В. Прогнозирование доходов от туристического налога. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2024;(10–1):83–90.
16. Ruban-Lazareva NV. Forecasting Income from Tourist Tax. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava (Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law)*. 2024;(10–1):83–90. (In Russ.)
17. Göktaş L, Çetin G. Tourist Tax for Sustainability: Determining Willingness to Pay. *European Journal of Tourism Research*. 2023;(35):3503–3506. <https://doi.org/10.54055/ejtr.v35i.2813>
18. Савинкова А.С. Модели государственного регулирования рынка туристических услуг. *Успехи современной науки и образования*. 2016;2(4):36–40.

- Savinkova AS. Models of State Regulation of the Tourist Services Market. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya (Advances in Modern Science and Education)*. 2016;2(4):36–40. (In Russ.)
13. Аникин А. Демидовский и Императорский маршруты в каникулы не привлекли большого количества туристов. *Уральский меридиан*. 30.03.2024. URL: <https://ural-meridian.ru/news/481095/> (дата обращения: 13.05.2025).
- Anikin A. Demidovsky and Imperial Routes did not Attract Many Tourists during the Holidays. *Uralskii meridian (Ural Meridian)*. 30.03.2024. (In Russ.) URL: <https://ural-meridian.ru/news/481095> (accessed: 13.05.2025).
14. Кутепова П. Внутренний туризм в России побил прошлогодний рекорд. *Российская газета*. 22.01.2025. URL: <https://rg.ru/2025/01/22/vnutrennij-turizm-v-rossii-pobil-proshlogodnij-rekord.html> (дата обращения: 10.06.2025).
- Kutepova P. Domestic Tourism in Russia Broke Last Year's Record. *Rossiyskaya Gazeta*. 22.01.2025. (In Russ.) URL: <https://rg.ru/2025/01/22/vnutrennij-turizm-v-rossii-pobil-proshlogodnij-rekord.html> (accessed: 10.06.2025).
15. Мальцев М. Почему введение туристического налога не пойдет на пользу Екатеринбургу. *Российская газета*. 13.11.2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/13/reg-urfo/nalog-udarit-po-imidzhu.html> (дата обращения: 21.05.2025).
- Maltsev M. Why the Implementation of a Tourist Tax will not Bring any Benefit to Ekaterinburg. *Rossiyskaya Gazeta*. 13.11.2024. (In Russ.) URL: <https://rg.ru/2024/11/13/reg-urfo/nalog-udarit-po-imidzhu.html> (accessed: 21.05.2025).

Об авторах:

Татьяна Владимировна Вербицкая, кандидат политических наук, научный сотрудник Государственного архива Свердловской области (620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, д. 17), [SPIN-код](#), [ORCID](#), aquitania-17@yandex.com

Наталья Олеговна Вербицкая, доктор педагогических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62), [SPIN-код](#), [ORCID](#), n.o.verbitskaya@usue.ru

Алексей Александрович Конов, доктор исторических наук, профессор кафедры «Управление в социальных и экономических системах, философия и история» Уральского государственного университета путей сообщения (620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66), [SPIN-код](#), [ORCID](#), alek.konov2012@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Т.В. Вербицкая: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Н.О. Вербицкая: научное руководство, анализ результатов исследований.

А.А. Конов: доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Tatiana V. Verbitskaia, Cand.Sci. (Political Science), Research Associate at the State Archives of the Sverdlovsk Region (17, Vainer Str., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), aquitania-17@yandex.com

Natalia O. Verbitkaia, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor of the Department of Labour Economics and Human Resource Management, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), n.o.verbitskaya@usue.ru

Alexei A. Konov, Dr.Sci. (History), Professor of the Department of Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History of the Ural State University of Railway Transport (66, Kolmogorova Str., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), alek.konov2012@yandex.ru

Claimed Contributorship:

TV Verbitskaia: formulating the main concept, aims and objectives of the research, preparing the text, formulating conclusions.

NO Verbitskaia: scientific supervision, analysis of research results.

AA Konov: refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 03.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 15.07.2025

Принята к публикации / Accepted 24.07.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 347

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-54-65>

Цифровизация гражданского права в России и странах Европейского союза: вопросы теории и практики

А.П. Анисимов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
 anisimovap@mail.ru

EDN: QDPBBB

Аннотация

Введение. За последние годы Россия и другие страны приняли ряд новых правовых норм, направленных на адаптацию гражданско-правовых институтов к эпохе цифровых технологий. Для успешной адаптации потребуется проведение анализа основных достижений в сфере цифровизации гражданского права, отражение цифровых технологий в законодательстве, обзор действующих норм и практики их применения в ключевых областях (электронные сделки, блокчейн), рекомендации по дальнейшему совершенствованию гражданского законодательства с учетом действия цифровых инструментов. Цель данной статьи – исследовать существующее нормативно-правовое регулирование цифровизации гражданского законодательства в России и странах Европейского союза, обосновать возможность использования отдельных удачных правовых конструкций из зарубежного опыта для развития российского гражданского законодательства.

Материалы и методы. В исследовании использованы диалектический и системный методы, метод сравнительного анализа, нормативно-правового анализа, логический метод.

Результаты исследования. Установлено, что в России и странах ЕС процессы цифровизации гражданского законодательства осуществляются в сопоставимой динамике: происходит постепенная регламентация использования цифровых технологий блокчейн, смарт-контрактов, цифровой подписи, цифровых валют, онлайн-платформ для регистрации прав, закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве, внедрение цифровых технологий в корпоративное управление. Подчеркнуто, что в качестве отдельного направления можно выделить цифровизацию наследственных отношений и практической деятельности нотариусов.

Обсуждение и заключение. Цифровизация гражданского права – весьма динамичный процесс, требующий поиска баланса между инновациями и защитой прав субъектов. Россия и ЕС за последнее десятилетие заложили законодательные основы для электронного документооборота, признали ряд цифровых конструкций и начали адаптацию традиционных институтов (наследование, корпоративное управление) к новым реалиям. И хотя в ЕС отсутствует единый Гражданский кодекс, на наднациональном уровне уже были приняты нормативные акты, гармонизирующие отдельные аспекты цифровизации и права, исходя из которых государства-члены вносят дополнения в свои национальные кодексы. Аналогичные процессы реформирования права идут и в России. От свое-временности и продуманности этих реформ зависит, насколько эффективно гражданское право сможет обслуживать развивающуюся цифровую экономику.

Ключевые слова: цифровизация гражданского права, блокчейн, электронная подпись, смарт-контракт, криптовалюта, договор, трансакция, корпоративное управление, Россия, Европейский союз, Интернет

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Анисимов А.П. Цифровизация гражданского права в России и странах Европейского союза: вопросы теории и практики. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(3):54–65.
<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-54-65>

Digitalization of the Civil Law in Russia and in the Countries of the European Union: Theoretical and Practical Issues

Aleksey P. Anisimov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 anisimovap@mail.ru

Abstract

Introduction. In recent years, Russia and other countries have enacted a number of new legal norms aimed at adapting civil law institutions to the digital era. Successful adaptation will require: the analysis of the main achievements in the field of digitalization of the Civil Law, recognition of digital technologies in the legislation, review of acting norms and their implementation in the key areas (electronic transactions, blockchain technologies), providing recommendations for further improvement of the Civil Law taking into account digital tool operations. The article aims to investigate the existing legal regulation of the Civil Law digitalization processes in Russia and in the countries of the European Union, to justify possibility of using the certain successful legal constructs from the foreign practices for development of the civil legislation in Russia.

Materials and Methods. The study was conducted using the dialectical and systemic methods, the methods of comparative analysis, normative and legal analysis, and the logical method.

Results. It has been ascertained that the dynamics of the Civil Law digitalization processes in Russia and the EU is quite comparable: there go gradual regulation of using blockchain technologies, smart contracts, digital signatures, cryptocurrencies, online platforms for registration of rights, as well as stipulation of digital rights in the civil legislation and integration of digital technologies into the corporate management. It has been emphasized that digitalization of inheritance relationships and work of notaries can be distinguished into a separate direction.

Discussion and Conclusion. Digitalization of the Civil Law is quite a dynamic process that requires finding a balance between the innovations and protection of the rights of the subjects. Over the past decade in Russia and in the EU, the legislative foundations for electronic document management were built, a number of digital constructs were recognized, and adaptation of the traditional institutions (inheritance, corporate governance) to new reality was started. Although the EU does not have a single Civil Code, the regulatory legal acts harmonizing the certain aspects of digitalization and law have already been adopted at the supranational level, and serve the basis for the member states to issue supplements to their national codes. Similar law reforming processes are underway in Russia. The ability of the Civil Law to efficiently regulate the developing digital economy depends on the timeliness and thorough elaboration of these reforms.

Keywords: digitalization of the Civil Law, blockchain technologies, digital signature, smart contract, cryptocurrency, agreement, transaction, corporate governance, Russia, the European Union, Internet

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Anisimov AP. Digitalization of the Civil Law in Russia and in the Countries of the European Union: Theoretical and Practical Issues. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):54–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-54-65>

Введение. Цифровые технологии – это социальные явления, выступающие объектом юридической науки, поскольку они порождают, помимо прочего, особые формы общественных отношений – цифровые отношения, подлежащие регулированию. Поэтому с теоретической точки зрения цифровое право – это не отдельное подразделение в системе права, а цифровая форма частных и публичных цифровых отношений, которая требует новых подходов к их регулированию, но не подмены содержания цифровых отношений их формой [1, с. 492–494]. Соглашаясь с необходимостью различать форму и содержание, тем не менее замечу, что появление цифровых технологий повлияло и на содержание права: стали появляться многочисленные правовые нормы, регламентирующие использование различных цифровых технологий, поощряющие или запрещающие применение некоторых из них, что, в свою очередь, однозначно повлияло и на содержание классических правовых институтов. Это означает, что «информационные технологии по своему функциональному назначению можно разделить на играющие «обслуживающую роль» (т. е. придающие новую форму существующим отношениям) и на создающие новые отношения, связанные с функционированием интернета (новую реальность)» [2, с. 47].

Цифровизация фундаментально преобразует и сферу гражданского права, затрагивая порядок заключения сделок, регистрацию имущественных прав, управление активами и корпоративное регулирование. Россия и другие страны за последние годы внедрили ряд новых правовых норм, направленных на адаптацию гражданско-правовых институтов к эпохе цифровых технологий. Этот процесс был непростым и характеризовался не только достижениями, но и провалами, требующими отдельного рассмотрения. Вместе с тем цифровизация гражданского права и отражение цифровых технологий в законодательстве Российской Федерации продолжается, и в научной литературе растет число доктринальных обзоров действующих норм и практики их применения в ключевых цивилистических областях (электронные сделки, блокчейн), предлагаются рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства РФ с учетом действия новейших цифровых инструментов.

Цель статьи – исследовать существующее нормативно-правовое регулирование цифровизации гражданского законодательства в России и Европейском союзе, а также обосновать возможность использования отдельных эффективных правовых конструкций из зарубежного опыта для дальнейшего развития российского гражданского законодательства.

Материалы и методы. В рамках настоящего исследования был использован комплекс общенаучных и частно-научных методов, традиционно применяемых в юридической науке. Диалектический метод позволил рассмотреть процесс цифровизации в развитии, проследить эволюцию гражданско-правовых норм в условиях внедрения новых информационных технологий, выявить внутренние противоречия между традиционными правовыми конструкциями и цифровыми практиками. Формально-юридический метод был использован для анализа положений Гражданского кодекса РФ, нормативных актов, регулирующих электронные подписи, цифровые финансовые активы, а также законодательства Европейского союза (в частности, регламента eIDAS, регламента MiCA, директивы о цифровизации корпоративных процедур). Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления подходов, реализованных в российском и европейском правопорядках, выявления общих тенденций и отличий в регулировании электронных сделок, наследовании цифровых активов и использовании технологий распределенного реестра. Логический метод был использован для построения обоснованных выводов о причинах и последствиях цифровизации правовых институтов, а также для выявления взаимосвязей между нормативным регулированием и реальной правоприменительной практикой. Метод правового моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию гражданского законодательства в целях повышения правовой определенности при использовании цифровых технологий в договорной и иных сферах.

Результаты исследования. В настоящий момент в России и многих других странах мира, включая страны Европейского союза, мы видим несколько вариантов внедрения цифровых технологий в гражданское законодательство:

1. Развитие электронного документооборота и электронной подписи, что сделало возможным заключение договоров в цифровой форме. В ЕС в 2016 г. вступил в силу Регламент (ЕС) № 910/2014 (eIDAS), регламентирующий электронные подписи и электронные трансакции на внутреннем рынке Евросоюза, чтобы предоставить пользователям безопасный способ ведения бизнеса в Интернете¹. Благодаря eIDAS любая электронная подпись не может быть признана недействительной только из-за своей электронной формы, а электронный документ не может быть отвергнут судом лишь потому, что он электронный. Квалифицированная электронная подпись (выданная аккредитованным EU Trusted Service Provider) априори признается равнозначной собственноручной подписи во всех юрисдикциях ЕС. Это создает уникальную ситуацию, когда, например, предприниматель из Латвии может подписать контракт с партнером из Португалии дистанционно, и документ будет легален без дополнительных действий.

Государства ЕС привели свои гражданско-правовые нормы о форме сделок в соответствие с положениями регламента eIDAS: во многих национальных ГК или специальных законах прописано, что требование письменной формы может быть выполнено посредством квалифицированной электронной подписи. Например, в Германии §126 BGB (Германское гражданское уложение) допускает, что письменная форма может быть заменена электронной, если иное не вытекает из закона. Ст. 1367 ГК Франции признает электронную подпись легальной для заключения договоров, приравнивая ее тем самым к бумажным документам. Аналогичные положения есть в Австрии, Испании и других странах. Это создало общеевропейскую основу для заключения договоров онлайн. На практике растет число платформ электронной коммерции и онлайн-сервисов для заключения контрактов, которые соответствуют требованиям законодательства ЕС. Доверие к электронным сделкам усилилось во время пандемии, когда удаленное взаимодействие стало необходимостью. В это время некоторые страны (например,

¹ What is the legislation – eSignature. URL: <https://ec.europa.eu/digital-building-blocks/sites/display/DIGITAL/What+is+the+legislation+eSignature#:~:text=user%20experience%20%20a%20pan.signature%20and%20ensuring%20identity%20and%20integrity> (дата обращения: 05.06.2025).

Великобритания, хотя она и вышла из ЕС, но по правопорядку близка) официально признали правомерность заключения контрактов через обмен скан-копиями с подписями или одобрение через электронные коммуникации. Регламент eIDAS был потом существенно изменен Регламентом (ЕС) 2024/1183 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. Основной целью изменений стало введение добровольного цифрового кошелька (европейской цифровой идентификации), который государства – члены ЕС должны выдавать по запросу своих граждан. В настоящий момент в ЕС разрабатывается обновленный регламент eIDAS 2.0, который введет общеевропейскую цифровую идентичность, что еще более упростит совершение юридически значимых действий онлайн, так как граждане и компании получат стандартизованный инструмент для удостоверения личности и подписания соглашений в любой стране ЕС.

В России также признается юридическая сила электронных подписей и электронных трансакций. В частности, они считаются законными, когда совершаются с помощью электронных или технических средств, которые позволяют точно воспроизвести их содержание на материальном носителе и имеется возможность определения воли сторон сделки (законом могут быть предусмотрены дополнительные требования по этому поводу). Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи»² устанавливает три типа электронных подписей (простая, неквалифицированная и квалифицированная) и определяет их правовой статус. Обмена электронными документами или оформления единого электронного документа достаточно для заключения договора, если стороны договорились об электронной форме. Это снимает возможные сомнения в допустимости «безбумажных» договоров. Некоторые сделки, для которых ранее закон предусматривал нотариальную форму или государственную регистрацию, теперь переведены в «цифру»: например, договоры долевого участия в строительстве теперь могут регистрироваться онлайн через портал Госуслуг. Российские суды признают переписку по электронной почте, в мессенджерах и на других цифровых каналах в качестве доказательства факта заключения соглашения, если можно идентифицировать отправителя³. Отдельно стоит выделить внесенные изменения в правовые нормы о номинальных банковских счетах и договорах страхования. Соответствующие положения закона теперь прямо предусматривают, что указанные договоры могут быть заключены путем обмена электронными документами или путем исполнения одного электронного документа (т. е. электронного соглашения)⁴. Однако сохранен и ряд исключений: завещания, брачные договоры, некоторые сделки с недвижимостью требуют нотариального удостоверения. В целом, российская правовая база в части электронных сделок сформирована: возможность цифрового заключения сделок закреплена, механизмы электронной идентификации на портале Госуслуг позволяют подтверждать личность онлайн, что подкрепляет юридическую значимость электронных документов.

2. Онлайн-платформы и регистрация прав. Развитие государственных цифровых платформ упростило совершение юридически значимых действий. В России запущены сервисы онлайн-регистрации недвижимости: граждане могут регистрировать права на недвижимость через портал Госуслуг без посещения офиса Росреестра. ЕС также целенаправленно движется к снятию бюрократических барьеров с помощью цифровых технологий: в ряде стран успешно функционируют электронные земельные и торговые реестры, позволяющие удаленно регистрировать имущественные права и бизнес. Директива (ЕС) 2019/1151 (известная как Директива о цифровизации компаний) обязывает страны обеспечить полностью онлайн учреждение новых компаний, регистрацию филиалов и подачу корпоративных документов. Это реализуется, например, через создание платформ для электронной подачи уставных документов и удаленной идентификации учредителей с использованием национальных цифровых ID. Уже к 2022 г. такие изменения были внедрены: в Германии принят закон DiRUG о реализации этой директивы [3]; в Нидерландах и Люксембурге были также созданы механизмы удаленного открытия бизнеса [4]. Кроме того, в сфере недвижимости многие страны ЕС также перешли на электронные реестры прав. Граждане могут подавать заявки на регистрацию перехода прав собственности онлайн (правда, часто с участием нотариуса или регистратора, чья роль все чаще цифровизирована). Например, в Эстонии действует полностью электронный Земельный реестр, интегрированный с системой электронного государства. Он обеспечивает цифровую регистрацию прав собственности на недвижимость и является частью более широкой цифровой инфраструктуры страны.

² Об электронной подписи. Федеральный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102146610> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-17886/2022 от 18.05.2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=209153#EigvusUWSTaibgj31> (дата обращения: 05.06.2025).

⁴ New law introduced to regulate digital rights. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=cc3923c9-0f77-4984-aefefc3809402da#:~:text=Further%20certain%20amendments%20have%20been,document%20%28ie%2C%20an%20electronic%20agreement> (дата обращения: 05.06.2025).

3. Смарт-контракты и автоматизация обязательств. Новые технологии распределенных реестров (блокчейн) позволили автоматизировать исполнение договоров с помощью смарт-контрактов. Россия одной из первых внесла соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ, дополнив его нормой, допускающей исполнение обязательств при наступлении определенных условий без дополнительного волеизъявления сторон, с применением информационных технологий. Это фактически легализовало смарт-контракты как способ автоматического исполнения договоров. Таким образом, если две стороны заключили договор, где предусмотрели, что исполнение (например, перевод денег) произойдет автоматически при наступлении условий (время, событие) – это будет считаться надлежащим исполнением обязательства в правовом смысле. Однако остается ряд вопросов: кто несет ответственность за сбой алгоритма, например? И можно ли оспорить исполненный смарт-контракт на основании, скажем, порока воли? Пока судебной практики мало, однако с каждым годом количество таких дел в судах растет. Так, уже фиксируются споры по поводу продажи автомобиля с использованием смарт-контрактов⁵, заключения блокчейн-контрактов для поставки нефтепродуктов⁶ и в некоторых других случаях. И хотя четкого правового регулирования пока нет, само отсутствие запретов можно считать достижением: российские юридические лица и органы власти экспериментируют с блокчейном (пилотные проекты по электронным закладным, по отслеживанию цепочек поставок и пр.).

В ЕС пока нет прямой нормы в общеевропейском законодательстве, признающей или определяющей смарт-контракты. Тем не менее идут активные обсуждения и выпущены рекомендации. Так, 01 февраля 2018 г. Европейская комиссия учредила EU Blockchain Observatory и Форум. Цель инициативы – следить за ключевыми разработками в технологии блокчейна, поддерживать европейских предпринимателей и повышать участие Европы в работе с участниками, которые активно используют блокчейн. В задачи обсерватории входит сбор информации, мониторинг и анализ трендов, решение проблем и изучение социально-экономического потенциала блокчейна⁷.

На национальном уровне некоторые страны ЕС уже реализовали данную цифровую технологию. Италия в 2019 г. дала легальное определение смарт-контракта как программы, действующей на блокчейне и автоматически исполняющей условия, заданные сторонами, приравняв смарт-контракты к письменной форме сделки при условии электронной идентификации сторон⁸. Этот шаг сделал Италию одной из первых юрисдикций, где общие нормы о смарт-контрактах применимы ко всем сделкам. Мальта и Лихтенштейн также ввели в свое законодательство понятия, связанные с блокчейном и токенами, создавая правовую определенность для их использования в гражданском обороте. Кроме того, некоторые государства изменили отраслевые законы: так, Франция в декабре 2016 г. приняла закон, предусматривающий прямое законодательное разрешение французскому правительству на юридическое создание блокчейна⁹. В 2022–2023 гг. на уровне ЕС произошел первый прямой нормативный эксперимент с блокчейном – Регламент (ЕС) 2022/858. Это решение Европейского парламента и Совета от 30 мая 2022 г. о пилотном режиме для рыночных инфраструктур, основанных на технологии распределенного реестра (DLT). Цель регламента – установить временный общий пилотный режим для финансовых услуг на основе DLT, убрать регуляторные барьеры для выпуска, торговли и расчетов по криптоактивам, которые являются финансовыми инструментами. Это прорыв для цифровых ценных бумаг и корпоративного права, но и сигнал для гражданского законодательства в целом: вероятно, со временем элементы вещного права (например, реестр движимого имущества или залоговых прав) могут также перейти на распределенные реестры при надлежащем контроле.

4. Цифровые активы и права. Введение в России понятия цифровых прав как особой разновидности имущественных прав вызвало противоречивую реакцию в обществе, в диапазоне от оценки такого решения как отрицательного [5] и до полностью одобрительного [6]. Цифровые права включены в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ¹⁰) и охраняются, как и традиционное имущество. Согласно ст. 141.1 ГК РФ,

⁵ Решение Арбитражного суда Самарской области по делу № А55-7445/2022 от 13.10.2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2WqyBcGmuadQ/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁶ Решение Арбитражного суда Омской области по делу № А46-4990/2019 от 27.05.2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FqCnbSf6UIVS/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁷ European Commission launches the EU Blockchain Observatory and Forum. URL: <https://www.edge4industry.eu/2018/06/19/european-commission-launches-the-eu-blockchain-observatory-and-forum/> (дата обращения: 05.06.2025).

⁸ Blockchain and Smart Contracts: Italy First to Recognize an Overarching Legal Foundation. URL: <https://www.jonesday.com/en/insights/2019/02/blockchain-and-smart-contracts-italy#:~:text=In%20the%20new%20Italian%20law%2C,for%20the%20applicable%20technical%20standards> (дата обращения: 05.06.2025).

⁹ The legal recognition of Blockchain technology in French financial regulations. URL: <https://steemit.com/hive/@hivebs/the-legal-recognition-of-blockchain-technology-in-french-financial-regulations> (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 05.06.2025).

под цифровыми правами понимаются обязательственные и другие права, существующие по правилам информационной системы и отвечающие установленным законом признакам. В научной литературе цифровые права предлагается подразделять на корпоративные, обязательственные и интеллектуальные [7]. Обладателем цифрового права признается лицо, которое, согласно действующим правилам, может им распоряжаться. Тем самым российский законодатель признал токенизированные права (цифровые активы) особым объектом гражданских прав, закрепив их оборотоспособность.

В России также принят ряд специальных законов о цифровых активах, например Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, установивший правовые основы для обращения криптовалют и токенов. Этот закон определяет цифровые финансовые активы (ЦФА) как цифровые права, включая денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг и др. Также введены понятия «цифровой валюты» (фактически криптовалют (биткоин и др.), которые признаются имуществом, но запрещены к использованию в качестве средства платежа на территории РФ), и «майнинга».

Таким образом, данный закон уточнил положения ГК РФ о цифровых правах, заложив основы для регулирования отношений, связанных с криптоактивами вне традиционных финансовых инструментов. В Евросоюзе единое понятие цифрового актива в гражданском законодательстве отсутствует, но отдельные страны признают криптовалюту и другие цифровые активы объектом права. Так, во Франции законодательно разрешена регистрация определенных ценных бумаг на блокчейн, что признано альтернативой традиционным учетным записям¹². В Германии еще в 2018 г. Федеральный суд постановил, что договор об аккаунте в социальной сети переходит к наследникам по общему правилу наследования (§1922 BGB), тем самым признав цифровые аккаунты имуществом умершего¹³. В ряде стран (Эстония, Люксембург) криптовалюты были признаны имуществом или финансовым активом через специальные законы¹⁴. В 2023 г. Евросоюз принял Регламент MiCA, устанавливающий общеевропейские правила оборота криптоактивов, что способствует их дальнейшей легализации [8]. MiCA вводит единые определения токенов, требований к их эмиссии и обороту, категоризирует криптоактивы (включая стейблкоины и др.) и устанавливает правила для поставщиков криптоуслуг. Хотя MiCA – в первую очередь финансовый регуляторный акт, его принятие означает фактическое признание за токенами статуса особых объектов права в ЕС, с которыми разрешены сделки, что сближает их с объектами гражданских прав.

5. Корпоративное управление и цифровые технологии. В России детальное регулирование онлайн-собраний в хозяйственных обществах появилось с 1 марта 2025 г. благодаря Федеральному закону от 08 августа 2024 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который, в частности, установил, что во время собрания у участников должна быть возможность заполнять и направлять бюллетени для голосования по вопросам повестки дня в онлайн-формате. В ЕС действует политика упрощения использования цифровых инструментов в корпоративных процедурах: помимо онлайн-регистрации компаний, последние начинают выпускать цифровые акции и использовать распределенные реестры для учета прав акционеров. Так, Франция изменила свое законодательство и предусмотрела возможность выпуска бездокументарных акций на основе блокчейна.

6. Использование цифровых технологий в сфере наследственного права. В России цифровые права подлежат наследованию, поскольку они включены в состав имущества умершего, переходящего к наследникам в порядке универсального правопреемства. Согласно ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ, цифровые права являются объектом гражданских прав (наряду с вещами, деньгами и иным имуществом), и точно так же, как и иные имущественные права, в силу ст. 1112 ГК РФ могут переходить по наследству. Однако хотя цифровые активы, электронные кошельки и т. д. и входят в наследственную массу, доступ к ним может быть ограничен (пароль, логин и др.). Поэтому платформы могут отказывать в доступе, ссылаясь на персональный характер аккаунта. В законе четко не урегулирован данный вопрос: нет обязательства провайдеров выдавать доступ наследникам, нет реестра цифровых активов,

¹¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 05.06.2025).

¹² Market infrastructures on blockchain technology: adaptation of the French securities laws. URL: <https://www.amf-france.org/en/news-publications/news/market-infrastructures-blockchain-technology-adaptation-french-securities-laws#:~:text=In%20a%20first%20step%2C%20the,block-chain%2C%20under%20the%20pilot%20regime> (дата обращения: 05.06.2025).

¹³ Germany: Federal Court of Justice Rules Digital Social Media Accounts Inheritable. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2018-09-07-germany-federal-court-of-justice-rules-digital-social-media-accounts-inheritable/#:~:text=%28Sept,0%2C%20BGH> (дата обращения: 05.06.2025).

¹⁴ Estonia and Cryptocurrency. URL: https://freemanlaw.com/cryptocurrency/estonia/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.06.2025).

где нотариус мог бы сделать запрос. Поэтому сегодня многое зависит от предосторожностей, предпринятых самим гражданином при жизни (например, передача доверенному лицу ключей или паролей, упоминание криптоактивов и инструкций по доступу в завещании). В противном случае часть цифрового наследства может оказаться фактически недоступной для наследников.

Отдельная проблема – цифровой контент и аккаунты. Согласно пользовательским соглашениям многих онлайн-сервисов (соцсетей, почты, облачных хранилищ), аккаунт носит личный неимущественный характер и формально не передается по наследству. В России пока не было известных судебных решений, обязывающих, например, соцсеть предоставить доступ наследникам, но логика российского права (ст. 1112 ГК РФ) позволяет наследовать любое имущество умершего, если иное не установлено законом. Так как закон прямо не исключает учетные записи или цифровые файлы из состава наследства, наследники теоретически могут через суд потребовать доступа. Этот законодательный пробел можно в будущем восполнить посредством введения норм об «электронном наследственном распоряжении» – прижизненном указании порядка доступа к цифровым активам после смерти, либо созданием процедуры передачи зашифрованных ключей нотариусу (по аналогии с закрытым завещанием). Но пока эта проблема не решена.

Замечу, что законодатель четко обозначает границы цифровизации: в ст. 1124 ГК РФ прямо запрещено составление завещания с использованием электронных и иных технических средств. Таким образом, волеизъявление гражданина на случай смерти все еще требует традиционной письменной формы и нотариального удостоверения, что продиктовано соображениями защиты прав наследодателя (хотя данная позиция законодателя иногда критикуется в научной литературе [9]).

В ЕС специальных директив, регулирующих цифровое наследство, пока не принято. Поэтому вопросы доступа наследников к аккаунтам, криптовалютам, цифровым кошелькам решаются в национальном праве. В некоторых странах, например во Франции, законодательство позволяет любому гражданину дать провайдеру онлайн-сервиса инструкции относительно его персональных данных после смерти (удалить, передать определенному лицу и т. п.). Однако это касается именно персональных данных, а не имущественных прав. Если человек не оставил таких инструкций, то французские провайдеры должны хранить данные 1 год, а потом закрыть доступ. Для наследников это слабое утешение – доступ, например, к библиотеке купленной электронной музыки или криптовалютному счету этим законом не гарантирован. Италия, Испания и другие страны пока не имеют особых актов на эту тему – вопрос регулирования цифрового наследства включен в повестку европейских юридических дискуссий. Вероятно, в ближайшие годы мы увидим, как минимум, разъяснения или soft law на уровне ЕС, а возможно, и поправки в национальные гражданские кодексы. Но на сегодняшний день для граждан ЕС, как и для россиян, только один практический совет: включать цифровые активы в завещание и делиться с доверенными лицами информацией о том, как получить доступ к важным учетным записям, иначе наследникам будет крайне трудно реализовать свои права. Таким образом, в настоящий момент это сфера, где пока еще больше вопросов, чем ответов. Ряд европейских юристов призывает к модернизации наследственного права с учетом этих реалий [10, 11], однако это пока дело будущего.

7. Цифровизация нотариальных действий. Российское законодательство изменяется и в части нотариальных действий и доказательств. После внесения в 2019 г. изменений в Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, в России началась реализация концепции «электронного нотариуса» [12]. В настоящий момент нотариусы могут совершать ряд нотариальных действий в электронной форме, в том числе удаленно удостоверять ряд сделок через Единую информационную систему нотариата. Например, стороны сделки могут находиться в разных городах и общаться с двумя нотариусами по месту своего нахождения, а нотариусы между собой взаимодействуют через электронную систему, заверяя сделку своей электронной подписью (ст. 44.3 Основ). Эти нововведения, вступившие в силу в период пандемии, обеспечили гражданам и бизнесу доступ к нотариальным действиям онлайн, что стало значимым шагом в цифровизации гражданского оборота.

Итак, по результатам исследования представляется необходимым сформулировать следующие предложения по изменениям и дополнениям в гражданские кодексы России и стран ЕС, которые содействовали бы легализации и развитию цифровых инструментов. Такие дополнения должны затронуть договорное, наследственное, вещное и корпоративное право государств:

1. Прямое закрепление в ГК РФ и регламентах ЕС понятия смарт-контракта и условий его действительности. Например, определить его как способ фиксации соглашения сторон в виде программного кода, исполняющегося автоматически при наступлении условий, заданных сторонами. Одновременно предусмотреть, что исполнение обязательства посредством смарт-контракта признается надлежащим, а запись в распределенном реестре может служить доказательством заключения и исполнения сделки. Подобные нормы уже приняты в Италии, и их дальнейшее развитие в других странах повысит уверенность участников рынка в легитимности цифровых сделок.

2. Унификация требований к форме электронных договоров. Необходимо добиваться дальнейшей гармонизации между юрисдикциями. В рамках ЕАЭС или СНГ можно заключить соглашения, аналогичные eIDAS, чтобы электронные подписи взаимно признавались. В ЕС следует продвигать eIDAS 2.0, расширяющий использование единой цифровой идентичности для подписания договоров в любом государстве-члене. В национальных законах – убрать избыточные ограничения на электронную форму. Например, если еще остались виды договоров, требующие «простую письменную форму» на бумаге (без явной нужды), то разрешить заключать их электронно.

3. Защита прав потребителей и слабых сторон в цифровой среде. Цифровые сделки должны обеспечивать не меньше гарантий, чем традиционные. Законодательно необходимо закрепить обязанность предоставлять доступную информацию о применяемых алгоритмах, если договор заключается путем присоединения на цифровой платформе (это особенно актуально при смарт-контрактах: потребитель должен понимать последствия автоматически исполняющегося условия). Также следует развивать институт отзыва электронного волеизъявления в случае ошибки: например, дать возможность в разумный срок аннулировать случайно сделанный клик, если до исполнения договора еще есть время (по аналогии с правом на ошибку в адресате при переводе денег).

4. Введение электронных завещаний под контролем нотариуса. Запрет на электронные завещания в России и ряде стран ЕС вполне оправдан опасениями злоупотреблений, но технологический прогресс позволяет создать достаточно безопасную процедуру. Следует рассмотреть возможность легализовать цифровое завещание: например, составленное в электронной форме и удостоверенное нотариусом через видеоконференцию с усиленной электронной подписью сторон. Можно ограничить применение такой формы для определенных случаев (например, для тяжело больных людей, находящихся удаленно). Опыт пандемии показал, что удаленное удостоверение юридических действий возможно, так почему бы не распространить это на завещания с должностными предосторожностями (запись видео, присутствие двух свидетелей онлайн, хранение в защищенном электронном реестре завещаний и т. д.)? Это особенно актуально для молодого поколения, которое больше доверяет цифровым каналам.

5. Создание цифрового наследственного хранилища¹⁵. Законодательно можно закрепить специальный сервис при нотариате, куда гражданин еще при жизни может поместить ключи, пароли или иные указания относительно своих цифровых активов. Например, создать реестр цифровых распоряжений: в нем завещатель регистрирует, что у него есть аккаунт X, криптокошелек Y, и дает зашифрованные данные доступа, которые после его смерти нотариус сможет открыть и передать наследникам. Сейчас такие услуги в разных странах оказывают частные компании, но официальный государственный механизм позволил бы создать надежный цифровой сейф завещателя.

6. Обязанности цифровых сервисов перед наследниками. Необходимо включить в гражданское законодательство норму, обязывающую провайдеров электронных услуг (соцсети, почтовые, облачные сервисы) представлять законным наследникам доступ к содержимому аккаунта умершего при предъявлении свидетельства о праве на наследство. Такая норма могла бы быть введена на уровне закона о персональных данных или информационных технологиях. Конечно, нужно учесть приватность переписки – возможно, потребуется механизм, при котором нотариус просматривает и передает только «имущественно значимые» данные. Но игнорировать права наследников на цифровое имущество нельзя. Германский опыт показывает, что закон на стороне наследников, и провайдерам рано или поздно все равно придется подчиниться, поэтому лучше заранее прописать такую процедуру.

7. Признание токенов объектом вещных прав. Несмотря на попытки встроить цифровые активы в существующие категории, им зачастую тесно в рамках обязательственных прав. Следует обсудить введение в ГК РФ отдельной главы или раздела о цифровых вещах. Например, законодатель мог бы указать, что уникальный токен (NFT) или криптовалюта являются имуществом, не имеющим материальной формы, но обладающим оборотоспособностью, и установить базовые правила владения, передачи, защиты таких объектов. Пока такие отношения частично регулируются статьей о цифровых правах (в России) или остаются на уровне судебной практики (в странах англосаксонской правовой семьи суды часто признают криптовалюту видом имущества). Прямое закрепление статуса токенов как особых объектов укрепит права владельцев (включая вещно-правовые исковые способы их защиты).

8. Использование блокчейна в регистрах прав. Законодательству стоило бы разрешить ведение госреестров имущественных прав на технологии распределенных реестров. Это можно сделать экспериментально: скажем, принять закон о пилотном проекте, где параллельно с ЕГРН действует блокчейн-реестр для определенного вида недвижимости. Либо, как минимум, разрешить нотариусам и регистрирующим органам использовать блокчейн для удостоверения времени подачи документов (как сделала Италия, признав данные, сохраненные в блокчейне,

¹⁵ Why a Digital Inheritance Vault Can Protect Your Online Data. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.b989c725-68400dc0-e356de9a-74722d776562/https/www.makeuseof.com/tag/digital-inheritance-vault-online-data/ (дата обращения: 05.06.2025).

эквивалентом отметки времени). Если технология докажет надежность, в перспективе основная система реестров может перейти на распределенную платформу, повышающую прозрачность и защищенность от подделок.

9. Цифровой документооборот и права на вещи. Необходимо устраниć разрывы между электронными документами и вещно-правовыми процедурами. Например, сейчас продажа недвижимости онлайн возможна, но переход права все равно требует записи в ЕГРН. Стоит двигаться к тому, чтобы сделка и регистрация слились в единое действие – например, смарт-контракт, при выполнении которого автоматически обновляется реестр права собственности. Для этого закон может предусмотреть, что запись в распределенном реестре, сделанная уполномоченной организацией (банком, нотариусом) одновременно с подписанием электронного договора, имеет силу государственной регистрации права. Такие нормы могут сначала появиться лишь для ограниченных случаев.

10. Защита прав кредиторов и залогодержателей в цифровой среде. Если токены и криptoактивы обретут статус вещей, нужно продумать механизмы обращения взыскания на них, залога и т. д. Возможно, понадобится создать цифровой залоговый реестр для токенов, либо использовать существующие блокчейн-решения: например, залог можно оформить путем смарт-контракта, блокирующего возможность распоряжения активом без согласия залогодержателя. Законодательно следует признать такие способы обеспечения обязательств. Также важно урегулировать статус «умных» вещей (IoT-устройств) в контексте вещного права – когда владение вещью связано с цифровым ключом (как смарт-замок, автомобиль с цифровым ключом), чтобы переход права собственности на объекты движимого и недвижимого имущества автоматически передавал цифровой контроль.

11. Внедрение цифровых технологий повлечет и пересмотр существующих представлений об объектах недвижимого имущества и их границах. Рассмотрение земельного участка как 3D-объекта (огромного куба, включающего недра, все, что находится на земле, и воздушное пространство), поможет избавиться от некоторых коллизий в праве и упростит правовое регулирование права собственности на землю [13]. Со временем это повлечет прекращение действия такого института, как право на вещь, вместо которого появится право на трехмерное пространство с точным определением его границ [14]. Это приведет к уменьшению соседских споров, а также уточнению прав и обязанностей правообладателей земельных участков (например, в части использования общераспространенных полезных ископаемых или строительства прудов и иных объектов). Наряду с этим 3D-модель земельного участка может быть полезной и для заключения сделок с объектами земельной недвижимости, включая куплю-продажу или аренду. 3D-модель позволяет более точно и наглядно представить характеристики участка, его размер, форму, рельеф и расположение относительно окружающей территории. Это поможет потенциальным покупателям (арендаторам) понять, что они получат за свои деньги, и принять обоснованное решение [15, с. 89].

12. Легализация цифровых акций и реестров акционеров на блокчейне. Законодательство о ценных бумагах и корпоративных правах нуждается в обновлении, чтобы более четко закрепить цифровую форму акций. В России следует внести изменения в ГК РФ и ряд федеральных законов, разрешив ведение реестра акционеров непубличных компаний в распределенной информационной системе при согласии всех участников. В ЕС уже идет движение в этом направлении: Германия приняла закон об электронных ценных бумагах для облигаций и планирует расширить его сферу действия на акции. Эти изменения снижают издержки на посредников, ускоряют сделки с долями и акциями. Нужно развивать и унифицировать этот подход: например, на уровне ЕС подумать о директиве, признающей токенизированные акции равнозначными классическим акциям. Если компания частично или полностью переходит на цифровые рельсы (выпуск токен-акций, голосования онлайн, DAO-формат), следует пересмотреть и механизмы защиты миноритариев и разрешения споров. Все эти вопросы дискуссионны, но их проработка необходима, чтобы участники цифровых корпоративных структур чувствовали себя юридически защищенными.

Обсуждение и заключение. Рассмотренные проблемы цифровизации гражданского права не носят исчерпывающего характера. В научной литературе ставится вопрос о декларативности гражданского законодательства в части использования больших данных (big data), их места в системе гражданских прав [16]; столь же неоднозначен и вопрос о гражданско-правовом регулировании искусственного интеллекта (ИИ) [17]. Со своей стороны замечу, что использование ИИ может быть весьма эффективно в случае создания программы-конструктора договоров или исковых заявлений. Отдельного изучения требуют такие вопросы, как защита интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий [18], признание авторских прав на генерированный нейросетью контент [19], развитие интернет-торговли [20], законодательное регулирование правового статуса невзаимозаменяемых токенов в России [21] и др. Настоящая статья не претендует на такой всеобщий охват и лишь стремится создать предпосылки для диалога между юристами различных стран, а также представителями ИТ-сектора, бизнеса, общества и государства.

Цифровизация гражданского права – это не статичный, а весьма динамичный процесс, требующий поиска баланса между инновациями и защитой прав субъектов. Россия и Европейский союз за последнее десятилетие заложили законодательные основы для электронного документооборота, признали ряд цифровых конструкций (смарт-контракты, блокчейн) и начали адаптацию традиционных институтов (наследование, корпоративное управление) к новым цифровым реалиям. И хотя в ЕС отсутствует единый гражданский кодекс (такие законы есть в самих странах – членах ЕС), однако на наднациональном уровне уже были приняты нормативные акты, гармонизирующие отдельные аспекты цифровизации и права, исходя из которых государства-члены вносят дополнения в свои национальные кодексы. Однако многие нормы еще предстоит уточнить и дополнить. От свое-временности и продуманности этих реформ зависит, насколько эффективно гражданское право сможет обслуживать развивающуюся цифровую экономику. Международный опыт показывает, что движение идет в сторону большей открытости к цифровым решениям: вводятся единые правила ЕС (как MiCA, eIDAS); национальные законодатели экспериментируют с блокчейном и ИИ в праве; бизнес и граждане требуют удобных онлайн-сервисов вместо бумажной бюрократической волокиты. В этих условиях важно продолжать обмен опытом между юристами разных стран, использовать лучшие практики и обеспечивать встраивание цифровых инноваций в национальное правовое поле без ущерба для принципов справедливости, добросовестности, безопасности оборота. Поступательное обновление гражданского законодательства в диалоге с ИТ-сектором станет залогом того, что права граждан и организаций будут надежно защищены в цифровую эпоху, а новые технологии послужат упрощению и удешевлению юридически значимых процессов, сохраняя необходимый уровень доверия и ответственности.

Список литературы / References

1. Банакас С.Э., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Цифровые отношения как предмет правового исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2023;14(2):492–509. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.213>
2. Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Влияние процесса «цифровизации» на трансформацию гражданского права и законодательства. В: *Трансформация гражданского права в цифровую эпоху. Сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции.* Ростов-на-Дону – Таганрог; 2022. С. 45–49.
3. Ruzanova VD, Ruzanova EV. The Impact of the “Digitalization” Process on the Transformation of Civil Law and Legislation. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Transformation of Civil Law in the Digital Age”.* Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University; 2022. P. 45–49. (In Russ.)
3. Zwirner C. *Neuerungen zur Umsetzung der Digitalisierungsrichtlinie (DiRiLi) durch das DiRUG.* URL: <https://www.kleeberg.de/2022/07/01/neuerungen-zur-umsetzung-der-digitalisierungsrichtlinie-dirili-durch-das-dirug/> (accessed: 05.06.2025).
4. Pignon C. *A Welcome Step towards the Digitalization of Company Law.* URL: <https://www.dlapiper.com/en-us/insights/publications/2023/06/a-welcome-step-towards-the-digitalization-of-company-law> (accessed: 05.06.2025).
5. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* 2019;19(3):330–334. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>
6. Конобеевская И.М. Digital Rights as a New Object of Civil Rights. *Journal Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law.* 2019;19(3):330–334. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>
7. Разуваев Н.В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы. *Теоретическая и прикладная юриспруденция.* 2021;(17):18–38. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-38>
8. Razubaev NV. Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects. *Theoretical and Applied Law.* 2021;(17):18–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-38>
9. Раджаб Ф.М., Копьев А.В. Цифровые права как объект гражданских прав. *Инновации. Наука. Образование.* 2021;(46):170–174.
10. Radzhab FM, Kopyev AV. Digital Rights as an Object of Civil Rights. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie (Innovations. Science. Education).* 2021;(46):170–174. (In Russ.)
11. Nevil S. *What Is Markets in Crypto-Assets (MiCA)?* URL: <https://www.investopedia.com/what-is-market-in-crypto-assets-6751039#:~:text=The%20Markets%20in%20Crypto,EU%29%20countries> (accessed: 05.06.2025).
12. Лаврова Т.А. Влияние цифровизации гражданского оборота на консервативные нормы наследственного права. *Форум молодых ученых.* 2021;(6(58)):446–449.
13. Lavrova TA. The Impact of the Digitalization of Civil Turnover on Conservative Rules of Inheritance Law. *Forum molodykh uchenykh (Forum of Young Scientists).* 2021;(6(58)):446–449. (In Russ.)

10. Sempere CP (Ed.). *Governance and Control of Data and Digital Economy in the European Single Market. Legal Framework for New Digital Assets, Identities and Data Spaces. Part of the Book Series: Law, Governance and Technology Series. Vol. 71*. Cham: Springer; 2025. 511 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-74889-9>
11. Maspes I. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts. *The Italian Law Journal*. 2022;8(1):407–423.
12. Ивлиев П.В. Влияние цифровизации на гражданские правоотношения. *Право и государство: теория и практика*. 2024;(11(239)):388–390. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_388
- Ivliev PV. The Impact of Digitalization on Civil Rights. *Law and State: The Theory and Practice*. 2024;(11(239)):388–390. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_11_388
13. Митин Ю.Д., Мерзляков В.Д. Земельный участок как 3D объект. *Вопросы российской юстиции*. 2019;(3):662–667.
- Mitin YuD, Merzlyakov VD. Land Plot as a 3D Object. *Voprosy rossiiskoi yustitsii (Issues of Russian Justice)*. 2019;(3):662–667. (In Russ.)
14. Коновалова Е.А. Земельный участок как 3D объект. В: *Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития. Сборник статей VI Национальной научно-практической конференции*. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права; 2021. С. 102–105.
- Konovalova EA. Land Plot as a 3D Object. In: *Proceedings of the VI National Scientific and Practical Conference "Private Law of the Russian Federation: History, Current State, Trends and Development Prospects"*. Krasnodar: Research Institute of Current Problems of Modern Law; 2021. P. 102–105. (In Russ.)
15. Чаркин С.А. *Доктринальная концепция правоотношений земельной недвижимости в Российской Федерации: монография*. Москва: Юрлитинформ; 2024. 216 с.
- Charkin SA. *Doctrinal Concept of Legal Relations of Land Real Estate in the Russian Federation: Monograph*. Moscow: Yurlitinform; 2024. 216 p. (In Russ.)
16. Балабонов Н.И. Цифровые технологии как объект гражданского права. В: *Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов с международным участием*. Оренбург: ООО Типография «Агентство Прессы»; 2022. С. 31–36.
- Balabonov NI. Digital Technologies as an Object Of Civil Law. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students with International Participation "We Bequeath to Future Generations: to Do Good in Defense of Law"*. Orenburg: "Agentstvo Pressa" Publ.; 2022. P. 31–36. (In Russ.)
17. Трохов М.С., Колоскова О.А., Глазов И.Д. Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации. *Юридические исследования*. 2023;(3):24–39. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.3.39933>
- Trokhov MS, Koloskova O., Glazov ID. Civil Law Regulation of Artificial Intelligence in the Russian Federation. *Legal Studies*. 2023;(3):24–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.3.39933>
18. Ишханова Е.А., Казакова Е.Б. Развитие и защита интеллектуальной собственности в условиях цифровизации общества. В: *Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства. Сборник статей по материалам II региональной научно-практической конференции*. Пенза: Пензенский государственный университет; 2022. С. 108–111.
- Ishkhanova EA, Kazakova EB. Development and Protection of Intellectual Property in the Conditions of Digitalization of Society. In: *Proceedings of the II Regional Scientific and Practical Conference "Modern Trends in the Development of National and Foreign Legislation"*. Penza: Penza State University; 2022. P. 108–111. (In Russ.)
19. Щушканов П.А., Грибановская М.С. Проблемы цифровизации гражданского права и развития цифровой экономики в РФ. В: *Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Т. 2*. Курск; 2023. С. 518–522.
- Shchushkanov PA, Gribanovskaya MS. Problems of Digitalization of Civil Law and Development of Digital Economy in the Russian Federation. In: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Topical Issues of Public Governance, Economics, Law in the Context of Digitalization"*. Vol. 2. Kursk; 2023. P. 518–522. (In Russ.)
20. Сысоев Н.В. Особенности правового регулирования торговли с использованием электронных площадок в сети интернет. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2024;(2(42)):83–87. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-2-83-87>
- Sysoev NV. Features of Legal Regulation of Trade Using Electronic Platforms on the Internet. *Journal of Legal Sciences (Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal Sciences)*. 2024;(2(42)):83–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-2-83-87>

21. Кокоева Л.Т., Колиева А.Э. Цифровые права в системе объектов гражданских прав. *Право и государство: теория и практика*. 2023;(3(219)):175–178. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_3_175

Kokoeva LT, Kolieva AE. Digital Rights in the System of Objects of Civil Rights. *Law and State: Theory and Practice*. 2023;(3(219)):175–178. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_3_175

Об авторе:

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [ResearcherID](#), [Scopus ID](#), anisimovap@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344003), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [ResearcherID](#), [Scopus ID](#), anisimovap@mail.ru.

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.06.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.06.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 347

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-66-71>

Гражданско-правовая ответственность за нарушение порядка проведения торгов по земельным участкам в Российской Федерации

А.В. Чичкин¹ , Б.Д. Фролов²

¹ Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

² Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация

chichkin-ogau@yandex.ru

EDN: TUSGKC

Аннотация

Введение. Актуальность исследования гражданско-правовой ответственности за нарушение порядка проведения торгов по земельным участкам обусловлена возрастающей ролью земельных аукционов в распределении государственного и муниципального имущества в России, а также многочисленными нарушениями при их проведении, которые приводят к ущемлению прав добросовестных участников и дестабилизации земельных правоотношений. Существующие пробелы в правовом регулировании порядка проведения торгов, неоднозначность судебной практики и сложность доказывания нарушений создают предпосылки для злоупотреблений и коррупционных схем, вследствие чего в настоящее время наблюдается тенденция к увеличению количества судебных споров, связанных с признанием торгов недействительными, возмещением убытков участникам и защитой их законных интересов. Целью данной статьи является комплексное исследование российского института гражданско-правовой ответственности за нарушение порядка проведения земельных торгов, выявление существующих проблем в данной сфере и разработка предложений по совершенствованию механизмов защиты прав участников торгов.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, материалы судебной практики, статистические данные о проведении земельных торгов. В ходе исследования применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы, контент-анализ научных публикаций и судебной практики и др.

Результаты исследования. Установлено, что торги по земельным участкам являются эффективным механизмом распределения земельных ресурсов, однако требуют совершенствования процедур контроля и предотвращения нарушений. Систематизированы основные виды нарушений при проведении земельных торгов и их последствия для участников правоотношений; проанализированы существующие механизмы защиты прав участников торгов. Обзор судебной практики позволил выявить наиболее распространенные категории споров и способы их разрешения, что дало возможность определить ключевые проблемные аспекты в сфере регулирования земельных торгов. На основе полученных данных были сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию механизмов предупреждения нарушений и защиты прав участников земельных аукционов в Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Для совершенствования системы земельных торгов в России необходимо обеспечить единство правоприменительной практики, повысить уровень юридической грамотности участников и продолжить развитие электронных форматов проведения торгов. Особую значимость приобретает внедрение цифровых технологий и усиление механизмов гражданско-правовой ответственности участников торгов, что способствует повышению прозрачности и конкурентности процедуры. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства РФ в сфере земельных отношений и повышения эффективности защиты прав участников торгов.

Ключевые слова: земельные торги, приобретение земельных участков, аренда земельных участков, гражданско-правовая ответственность, государственная собственность, муниципальная собственность, аукцион, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Чичкин А.В., Фролов Б.Д. Гражданко-правовая ответственность за нарушение порядка проведения торгов по земельным участкам в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(3):66–71. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-66-71>

Original Empirical Research

Civil Liability for Violation of the Land Auction Procedure in the Russian Federation

Alexander V. Chichkin¹ ✉, Bogdan D. Frolov²

¹ Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russian Federation

² Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA, Volgograd, Russian Federation

✉ chichkin-ogau@yandex.ru

Abstract

Introduction. Studying civil liability for violation of the land auction procedure is relevant due to the increasing importance of land auctions in the distribution of state and municipal property in Russia, and due to the numerous violations in conducting thereof resulting in the infringement of the rights of bona fide participants and destabilization of land legal relations. The existing gaps in the legal regulation of the auction procedure, the ambiguity of judicial practices and the difficulty of proving the violations create the preconditions for malpractices and corruption, which tend to lead to an increase in the number of legal disputes on claiming the validity of the auctions, compensation for losses to the participants and protection of their legitimate interests. The present article aims at conducting a comprehensive study of the Russian institution of civil liability for violation of the land auction procedure, identifying the existing problems in this field and developing proposals to improve the mechanisms protecting the rights of auction participants.

Materials and Methods. The materials for the study were the regulatory legal acts of the Russian Federation, judicial practice materials, statistical data on conducting the land auctions. The study was conducted using the dogmatic-legal, comparative-legal methods, content analysis of the scientific publications and judicial practices, etc.

Results. The efficiency of the land auction mechanism for distributing land resources has been established, however, monitoring and violation preventing procedures need to be improved. The main types of land auction violations and consequences they have for the participants of legal relationships have been systematized; existing mechanisms of protection of the rights of auction participants have been analysed. A review of judicial practices has revealed the most common dispute categories and ways to resolve them, which made it possible to determine key challenging aspects in land auction regulation. Based on the data obtained, definite recommendations to improve the mechanisms preventing the violations and protecting the rights of land auction participants in the Russian Federation have been formulated.

Discussion and Conclusion. To improve the land auction system in Russia, it is necessary to ensure uniformity of law enforcement practices, increase the level of legal literacy of the participants and continue development of the electronic formats of the auctions. Implementation of digital technologies and strengthening civil liability mechanisms of the auction participants are particularly important, as they contribute to increased transparency and competitiveness of the procedure. The results of the study can be used for further improvement of the Russian Federation land relations regulating laws and for increasing the efficiency of protection of the auction participants' rights.

Keywords: land auctions, acquisition of land plots, lease of land plots, civil liability, state property, municipal property, auction, Russian Federation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Chichkin AV, Frolov BD. Civil Liability for Violation of the Land Auction Procedure in the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(3):66–71. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-3-66-71>

Введение. Важность вопроса гражданко-правовой ответственности за нарушение порядка проведения торгов по земельным участкам обусловлена возрастающей ролью земельных торгов в распределении государственного и муниципального имущества в России и увеличением количества судебных споров, связанных с признанием торгов недействительными и возмещением убытков участникам. Дело в том, что существующие пробелы в правовом регулировании, неоднозначность судебной практики и сложность доказывания нарушений создают предпосылки для злоупотреблений и коррупционных схем, в результате чего страдают добросовестные участники процесса. Исследование механизмов защиты прав участников торгов приобретает особую значимость

для обеспечения прозрачности земельных аукционов и укрепления доверия к институту торгов в целом. Данная тема разрабатывалась многими российскими учеными, которые рассматривали различные аспекты признания торгов недействительными и применения правовых последствий нарушений [1–7], однако необходим комплексный анализ гражданско-правовой ответственности за нарушение порядка проведения земельных торгов.

Цель данной научной статьи заключается в комплексном исследовании института гражданско-правовой ответственности за нарушение порядка проведения земельных торгов в Российской Федерации, выявлении существующих проблем и разработке предложений по совершенствованию механизмов защиты прав участников торгов.

Задачи исследования:

- проанализировать виды нарушений при проведении земельных торгов и их правовые последствия;
- изучить судебную практику по спорным ситуациям;
- выявить проблемы правового регулирования;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства.

Материалы и методы. В ходе исследования были проанализированы Земельный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О защите конкуренции», материалы судебной практики по делам, связанным с нарушениями при проведении торгов, статистические данные. Проведен контент-анализ научных публикаций по теме земельных торгов. Методологическую основу работы составили общие методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также специальные методы: формально-юридический анализ нормативных актов, сравнительно-правовой метод при изучении судебной практики.

Результаты исследования. Торги по земельным участкам представляют собой установленный законодательством процесс, направленный на передачу прав на земельные участки, такие как аренда или собственность, посредством публичных процедур. Согласно ст. 38.1 Земельного кодекса Российской Федерации¹ (ЗК РФ), аукционы являются основной формой организации таких торгов, обеспечивая прозрачность и равные условия для всех участников. Ключевой характеристикой торгов является их публичность, способствующая созданию конкурентной среды и исключающая возможность необоснованного предпочтения определенным участникам. Согласно п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи. Внедрение электронных форматов торгов, как это произошло в Московской области в 2020 г.², увеличило доступность и количество участников, что подчеркивает значимость современных технологий для обеспечения открытости процесса. Таким образом, торги по земельным участкам выступают важным инструментом в регулировании имущественных отношений в обществе.

Гражданско-правовая ответственность в контексте земельных торгов представляет собой механизм, направленный на восстановление нарушенных прав участников и компенсацию причиненных убытков. Этот вид ответственности имеет свои особенности, обусловленные спецификой правового регулирования торгов и их значимостью для гражданского оборота недвижимости. Согласно п. 1 ст. 449 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) «торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица»³. Это создает правовую основу для применения гражданско-правовой ответственности. Таким образом, данная ответственность играет ключевую роль в обеспечении законности и прозрачности процесса торгов.

Виды гражданско-правовой ответственности за нарушения порядка проведения земельных торгов включают возмещение убытков, компенсацию морального вреда и восстановление нарушенных прав. Правовые основания для применения этих мер ответственности закреплены в действующем законодательстве, в том числе в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁴. Нарушение принципов публичности и равенства участников торгов, которые являются основополагающими для их проведения, служит основанием для привлечения виновных лиц к ответственности [1].

Регулирование торгов по земельным участкам в Российской Федерации осуществляется через комплекс нормативно-правовых актов, каждый из которых играет свою роль в обеспечении законности и прозрачности данного процесса. Центральное место среди них занимает ЗК РФ, определяющий основные принципы и правила проведения торгов, включая порядок подготовки, объявления и заключения сделок. ГК РФ дополняет эту базу,

¹ Земельный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 136-ФЗ от 25.10.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073184&ysclid=mek70pw4na80760423> (дата обращения: 09.07.2025).

² Подмосковье сегодня. URL: <https://mosregtoday.ru/articles/soc/moskovskaja-oblstan-stala-liderom-v-zemelno-imuschestvennyh-torgah-kak-udalosteto-gostich/> (дата обращения: 09.07.2025).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 09.07.2025).

⁴ О защите конкуренции. Федеральный закон № 135-ФЗ от 26.07.2006. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256&ysclid=mek7f6ur6j409504738> (дата обращения: 09.07.2025).

регулируя общие аспекты гражданских сделок, такие как обязательства сторон и последствия их нарушения. Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» направлен на предотвращение монополизации и создание равных условий для всех участников торгов, что способствует формированию конкурентной среды. Эти нормативные акты составляют основу правового регулирования торгов по земельным участкам, обеспечивая их соответствие принципам открытости и справедливости. Л.Ф. Гатаулина отмечает, что для надлежащего проведения публичных торгов необходимо соблюдать все нормы действующего законодательства, регулирующие данную сферу отношений [2].

Типичные нарушения в порядке проведения торгов по земельным участкам охватывают широкий спектр действий и бездействий, способных существенно повлиять на справедливость и прозрачность процедуры. Эти факторы создают препятствия для равного участия всех заинтересованных сторон, подрывая доверие к процедуре и искажая ее результаты. При этом, как отмечают Л.Б. Рейдель и А.Ю. Деревнина, процедура подготовки земельного аукциона зависит от того, кто является инициатором – уполномоченный орган или заинтересованное лицо [3]. Кроме того, подобные действия часто остаются незамеченными или не получают должной правовой оценки, что подчеркивает необходимость усиления контроля и совершенствования законодательных механизмов.

Последствия типичных нарушений в порядке проведения торгов по земельным участкам оказывают значительное влияние на участников и процесс в целом. Нарушения, такие как дискриминация участников, приводят к тому, что немалое количество сделок, согласно судебной практике, признаются недействительными. Это вызывает серьезные финансовые потери для участников, поскольку признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного по результатам торгов [4]. Такие ситуации создают дополнительные издержки для сторон и снижают эффективность использования земельных ресурсов. При этом они подрывают общий уровень доверия к системе земельных торгов и правоприменению, что требует принятия мер для минимизации подобных рисков в будущем.

Судебная практика по делам, связанным с нарушениями в земельных торгах, представляет ценные примеры для анализа правоприменения в данной области. Одним из ключевых примеров является дело № А14-22520/2022⁵, в рамках которого ООО «Сельскохозяйственное предприятие «Новомарковское» (Воронежская область) оспаривало результаты аукциона по продаже права аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения площадью 466 418 кв. м. Арбитражный суд Воронежской области установил, что в ходе аукциона были допущены нарушения процедуры определения победителя, поскольку истец, предложивший более высокую цену, не был корректно зафиксирован комиссией как участник торгов. На основании выявленных нарушений суд признал недействительными как сам аукцион, так и последующий договор аренды земельного участка между КУ ВО «Фонд госимущества» и ООО «Кантемировская площадка». Решение суда также предусматривало возврат земельного участка первоначальному собственнику и взыскание судебных расходов с ответчиков в пользу истца, обеспечивая тем самым защиту прав участников торгов при доказанном нарушении процедуры определения победителя аукциона.

Этот случай иллюстрирует важность соблюдения принципов равного доступа и открытости информации для всех участников торгов. А.В. Камаева и О.М. Фоминых отмечают: «Как свидетельствует практика, нарушения порядка организации и проведения публичных торгов, определения их победителя могут носить разнообразный характер, но при этом, без сомнения, затрагивают права и законные интересы лиц, участвующих в процедуре их проведения» [5]. Это подчеркивает необходимость дальнейшего анализа и улучшения практики проведения торгов для устранения выявленных недостатков.

Анализ судебной практики позволяет выявить характерные закономерности и тенденции в рассмотрении дел о нарушениях в земельных торгах. Наиболее распространенными нарушениями являются манипуляции с заявками, а также отсутствие прозрачности в процессе торгов. Следовательно, необходимо усилить контроль за соблюдением процедурных норм. Стоит отметить, что в последние годы наблюдается рост числа дел, связанных с оспариванием результатов торгов, что свидетельствует о повышении уровня осведомленности участников о своих правах и стремлении защищать интересы через судебные инстанции.

Текущая ситуация в области правового регулирования торгов по земельным участкам в РФ характеризуется рядом проблем, требующих решения. В настоящее время имеется тенденция оспаривания в судах результатов торгов из-за нарушений порядка их проведения. Это свидетельствует о значительных недостатках в законодательной базе, регулирующей данную сферу. А.П. Анисимов с коллегами абсолютно точно отмечают, что «мерами принуждения добиться отсутствия злоупотреблений в этой сфере довольно трудно. Торги только в том

⁵ Решение Арбитражного суда Воронежской области от 12.08.2024 по делу № А14-22520/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5ea1809-043a-46fc-aacf-00095c903cfe/684afc7a-fe68-445b-9d71-067b56fc77c/A14-22520-2022_20240812_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.07.2025).

случае могут привести к заключению договора на справедливых условиях, если все участники рассматриваемых отношений будут исходить из принципа добросовестности при определении вектора своего поведения» [6].

Для устранения выявленных проблем и повышения эффективности правового регулирования торгов по земельным участкам необходимо внести ряд изменений в законодательство. А.С. Березкин в своей работе подчеркивает «неоднозначность складывающейся в разных субъектах Российской Федерации практики антимонопольного органа по рассматриваемому вопросу, которая сохранится, вероятно, до вступления в силу Федерального закона № 385-ФЗ» [7]. Таким образом, совершенствование нормативного регулирования и внедрение современных технологий являются основными шагами для повышения прозрачности и законности торгов. Это будет способствовать снижению количества нарушений и повысит доверие участников к системе торгов.

Обсуждение и заключение. Анализ действующего законодательства выявил ряд слабых мест, таких как недостаточная регламентация порядка проведения торгов и слабый уровень правовой защиты участников. Обзор судебных случаев и анализ статистических данных показал, что наиболее распространенными нарушениями являются манипуляции с ценами, ограничение доступа к информации и недостаточная прозрачность процедур. Для повышения эффективности правового регулирования в области торгов по земельным участкам необходимо усовершенствовать действующее законодательство, и важным шагом в этом направлении будет разработка мер, обеспечивающих прозрачность процедур и доступность информации для всех участников торгов. Также следует усилить ответственность за нарушения порядка проведения торгов. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейших научных разработок в области совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере земельных отношений.

Список литературы / References

1. Миримова К.А. Особенности предоставления земельных участков гражданам из государственных и муниципальных земель. *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*. 2020;(2):51–59. <https://doi.org/10.24411/2412-2025-2020-10024>
Mirimova KA. Features of Providing Land Plots to Citizens from State and Municipal Land. *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya (UEPS: Management, Economics, Politics, Sociology)*. 2020;(2):51–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2412-2025-2020-10024>
2. Гатаулина Л.Ф. Правовые последствия нарушения порядка проведения торгов по реализации имущества с публичных торгов. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013;5(94):57–60.
Gataulina LF. Legal Consequences of the Bidding Procedure Breach at Estate Realization Auction. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2013;5(94):57–60. (In Russ.)
3. Рейдель Л.Б., Деревнина А.Ю. Правовые проблемы торгов земельных участков в Российской Федерации. *Вестник науки*. 2024;4(3(72)):175–184.
Reidel LB, Derevnina AYu. Legal Problems Land Sales in Russia. *Vestnik Nauki (Science Bulletin)*. 2024;4(3(72)):175–184. (In Russ.)
4. Луценко Д.С. Признание публичных торгов по реализации земель недействительными и применение последствий их недействительности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013;(4(22)):199–204.
Lutsenko DS. Declaring the Land Selling Public Auction Invalid and the Consequences of Its Nullity. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2013; (4 (22)):199–204. (In Russ.)
5. Камаева А.В., Фоминых О.М. Проблемы признания публичных торгов недействительными. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2017;3(2(10)):60–66.
Kamaeva AV, Fominyh OM. Problems of Contestation Public Bidding. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2017;3(2(10)):60–66. (In Russ.)
6. Анисимов А.П., Козлова М.Ю., Рыженков А.Я. Актуальные проблемы проведения торгов по продаже земельных участков (права их аренды) в Российской Федерации. *Вестник Калмыцкого университета*. 2013;(2(18)):94–100.
Anisimov AP, Kozlova MYu, Ryzhenkov AYa. Actual Problems of Bidding for the Sale of Land (The Rights of Their Lease) in the Russian Federation. *Vestnik Kalmytskogo universiteta (Bulletin of Kalmyk University)*. 2013;(2(18)):94–100. (In Russ.)
7. Березкин А.С. Актуальные проблемы подготовки, организации и проведения аукциона по продаже и предоставлению в аренду публичного земельного участка. *Юридическая наука*. 2023;(1):31–35.
Berezkin AS. Actual Problems of Preparing, Organizing and Holding an Auction for the Sale and Leasing of a Public Land Plot. *Legal Science*. 2023;(1):31–35. (In Russ.)

Об авторах:

Александр Владимирович Чичкин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Оренбургского государственного аграрного университета (460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18), [SPIN-код](#), [ORCID](#), chichkin-ogau@yandex.ru

Богдан Дмитриевич Фролов, аспирант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8), [ORCID](#), advokat@bfrolov.ru

Заявленный вклад авторов:

А.В. Чичкин: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Б.Д. Фролов: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Alexander V. Chichkin, Cand.Sci (Law), Associate Professor, Head of the Jurisprudence Department, Orenburg State Agrarian University (18, Chelyuskintsev Str., Orenburg, 460014, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), chichkin-ogau@yandex.ru

Bogdan D. Frolov, PhD student, Volgograd Institute of Management, Bbranch of RANEPA (8, Gagarin Str., Volgograd, 400005, Russian Federation), [ORCID](#), advokat@bfrolov.ru

Claimed Contributorship:

AV Chichkin: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

BD Frolov: formulating the main concept, research methodology, setting research objectives, preparing the text, drawing the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 31.07.2025

Принята к публикации / Accepted 06.08.2025